БЕЗ ПРАВА НА СЛАВУ, ВО СЛАВУ ДЕРЖАВЫ!

КОМАНДОС

БАТЯ. ЛЕГЕНДА СПЕЦНАЗА ГРУ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга — не детектив, не развлекательное «чтиво» о похождениях спецназовцев. Это биография легендарного офицера, посвятившего всю жизнь Спецназу военной разведки. Несмотря на все тяготы, выпавшие на долю героя, он не ожесточился и никогда не падал духом, всегда оставаясь мудрым командиром, любящим отцом и верным товарищем. «Батя» — так называли его и солдаты, и офицеры. В нашей памяти он тоже останется Батей.

Made for library
LIBRUSEC

- Составители: С. В. Баленко, Е. М. Колесник, А. А. Устинов
  - Герой Советского Союза генерал-майор КОЛЕСНИК Василий Васильевич 1935–2002
  - Человек совести и долга (очерк)
    -
    - Родом из войны
    - Добрые люди
    - Братья во кадетстве
    - «А любовь Катюша сбережёт…»
    - Профессия — Спецназ
    - «Шторм — 333»
    - «Спасибо за то, что ты был»
  - Альберт Устинов
  - Ольга Колесник
  - Александр Чернявский
  - А. И. Анцышкин
  - Лобачев Г. А., генерал-майор
  - Дроздов Ю. И., генерал-майор
  - О. В. Кривопалов
  - О. У. Швец, полковник
  - Нас породнила бригада
  - Н. И. Луцев, генерал-майор
  - Боряков Н. В., полковник
  - Сергей Калиниченко
  - Отклик кадетского сердца
  - Е. М. Колесник

- Соболезнования

Составители: С. В. Баленко, Е. М. Колесник, А. А. Устинов
БАТЯ. ЛЕГЕНДА СПЕЦНАЗА ГРУ

Герой Советского Союза генерал-майор КОЛЕСНИК Василий Васильевич 1935–2002 Краткое описание моей жизни

Я, видно, родился в роковой день — тринадцатого числа. 13 декабря 1935 года в станице Славянская (ныне г. Славянск-на-Кубани) Краснодарского края. Родители мои были типичными сельскими интеллигентами: агроном и учительница. Верили в добро и, как свет, несли его людям.

В 1939 году отца, агронома-рисовода, направили на работу на Украину — деревню Алиферовку Миргородского района Полтавской области. Здесь нас застала война, а вместе с ней пришли на нашу землю страшные беды. Отец с матерью ушли в партизанский отряд, оставив нас, четверых детей, на руках дедушки с бабушкой. Однажды, когда родители наведывались к нам, они были выданы предателями и попали в руки фашистов. 7 ноября 1941 года отца с матерью расстреляли на наших глазах.

После освобождения Полтавщины нашими войсками в 1943 году нас взяли к себе родственники матери. Я оказался в семье младшей сестры моей матери, муж которой служил в авиации. В 1944 году его перевели в г. Майкоп. Здесь в 1945 году мы с братом поступили в Краснодарское суворовское военное училище: путь наш был предопределён с детства, наша профессия — защищать Родину.

В 1947 году училище перевели в г. Орджоникидзе (ныне Владикавказ) и объединили с общевойсковым училищем. В 1953 году я окончил наше любимое суворовское училище, овеянное полуребячьей романтикой, и стал взрослым курсантом в этом же учебном комплексе.

После окончания его в 1956 году я был направлен в Дальневосточный военный округ на должность командира взвода в отдельную роту специального назначения 25-й армии. В 1957 году роту перевели в Северную группу войск, в Польшу. На базе нашей роты был развёрнут отдельный батальон специального назначения, а я стал командиром отдельного учебного взвода, готовил сержантов для своей части. А в 1960 году был назначен командиром разведывательной роты этого же батальона. Служба шла, как отлаженный часовой механизм: без ЧП, но и без романтики. Может быть, потому, что всё в ней стало привычно.

В 1963 году я поступил учиться в Военную академию имени

Фрунзе на разведывательный факультет, о чём мечтал давно. После окончания академии, в 1966 году, был снова направлен в Дальневосточный военный округ, в г. Уссурийск, на должность начальника оперативно-разведывательного отделения отдельной бригады специального назначения.

В 1971 году меня назначили начальником штаба отдельной бригады специального назначения Среднеазиатского военного округа в г. Чирчик Ташкентской области, а в 1975 году я стал командиром этой же бригады. В этом же году бригаду передали из Среднеазиатского в Туркестанский военный округ.

В скупых сроках этого краткого описания моей жизни я не могу рассказать обо всём, что делал сам и чему обучал других. Таковы законы нашей службы. Скажу только: в ноябре 1977 года меня назначили на должность старшего офицера в Главное разведывательное управление Генерального штаба.

В мае 1979 года меня вызвал легендарный разведчик, генерал армии Ивашутин Пётр Иванович и поставил чёткую задачу: из войск Туркестанского и Среднеазиатского военных округов отобрать солдат, сержантов и офицеров трёх национальностей — таджиков, узбеков и туркменов, сформировать отдельный батальон специального назначения к 1 июня на базе 15-й бригады специального назначения ТуркВО.

С помощью офицеров моей бывшей бригады этот батальон был полностью сформирован и укомплектован к назначенному сроку и приступил к боевой подготовке по особой программе. В конце сентября комиссия ГРУ ГШ проверила готовность батальона и оценила результаты как хорошие.

В начале ноября батальон получил приказ убыть самолётами с аэродромов Чирчик и Ташкент в г. Баграм (Афганистан).

Отправив свой батальон, я возвратился в Москву.

В начале декабря того же года меня вновь вызвал генерал армии Ивашутин и приказал: с подполковником Швецом Вылететь в аэродрома Чкаловское в Афганистан и поступить в распоряжение Главного военного советника СССР при правительстве Амина, генерал-полковника Магомедова Султана Кекезовича.

20 декабря меня вызвал Главный советник в наше посольство и попросил продумать план захвата дворца Амина (Подробный рассказ В. В. Колесника об этой операции см. в главе «Шторм-333».).

Штурм дворца по моему плану и под моим командованием был успешно осуществлён 27 декабря 1979 года в 19.00 в течение 15 минут.

За успешное выполнение боевого задания весь личный состав, принимавший участие в боевых действиях, был награждён орденами и медалями, а мне было присвоено звание Героя Советского Союза.

В 1980 году я поступил в академию Генерального штаба, после окончания которой в 1982 году был назначен на должность начальника направления специальной разведки ГРУ ГШ.

В 1988 году мне было присвоено воинское звание генерал-майор. В 1992 году по возрасту был уволен из рядов Вооружённых Сил.

Женат. Имею хорошую дружную семью: жена Екатерина Михайловна; дети: Наталья — 1958 г.р., Ольга — 1963 г.р., Михаил — 1967 г.р.

Михаил окончил Рязанское воздушно десантное училище и служил в бригаде специального назначения Дальневосточного военного округа. В январе 1995 года был направлен в Чечню для участия в боевых действиях, где погиб 19 января. В настоящее время я являюсь президентом Московского городского отделения Фонда социальных гарантий военнослужащим. Оказываем помощь участникам и ветеранам Великой Отечественной войны, боевых действий в Афганистане и Чечне, офицерам запаса и членам их семей.

И пусть судьба порой была жестокой ко мне самому, принося невосполнимые утраты, но я счастлив тем, что всегда был верен долгу перед Родиной и что на меня всегда могли надеяться мои боевые товарищи и наше командование.

В. В. Колесник. 2000 год (Из книги «Всем смертям назло. Вспоминают Герои Советского Союза. М. Изд-во «Знание», 2000)

Человек совести и долга (очерк)

Когда начинаешь осмысливать жизнь человека в целом после его последнего вздоха, когда уже знаешь, что ничего больше не изменится ни в его облике, ни в характере, ни в карьере, ни в биографии (всё! Биография завершена!), — пытаешься найти какие-то слова, которые бы охватили смысл этой прожитой жизни, нашли масштаб её измерения, сложились бы в логическую формулу причин и следствий, замыслов и свершений, случайностей и закономерностей, чтобы эта формула стала неким знаком конкретной отдельной судьбы, — все твои усилия приводят к давно известному, извечно мудрому задолго до тебя сказанному: «Человек — это мир». И каждый человек — это неповторимый мир. Свой, неповторимый и одновременно общий с тем отрезком земной истории, в котором промелькнула эта искра вечного костра Жизни.

Напишем Жизнь с большой буквы, потому что человек, о котором пойдёт речь, не признавал иной. Об этом говорят его биография, его военная профессия специального назначения — быть всегда на грани Жизни. Об этом говорили… его глаза.

Моё знакомство с Василием Васильевичем Колесником исчерпывается несколькими деловыми встречами иодним разговором с рюмкой в руках. Вот об этом разговоре, а вернее, монологе Василия Васильевича, а ещё вернее — о его глазах во время этого монолога мне хотелось бы сказать в начале биографического очерка, хотя недостаточное личное знакомство с ним ограничивает мои права мемуариста.

Дело было на презентации Книги Памяти солдат, сержантов, прапорщиков и офицеров соединений и частей специального округа из Москвы и Московской области, погибших в Афганистане. Только что вышедший первый том, предисловие к которому написали генерал-лейтенант Д. М. Герасимов и генерал-майор В. В. Колесник, вручался родственникам погибших, произносились речи, были воспоминания, звучали благодарные слова.

Василий Васильевич говорил: «Я командир и отец, который потерял на войне сына, понимаю горе родителей, их боль, но твёрдо знаю, что они гордятся своими сыновьями, прожившими такую короткую жизнь. Низкий вам поклон и уважение».

Не знаю, случайно ли, сразу после выступления — а выступал он выйдя на свободное пространство в центр П-образного стола, за которым сидели приглашённые родственники, — он не вернулся на своё место, где сидел, а подошёл ко мне с рюмкой

коньяка и как бы продолжил свою речь. Теперь уже только для меня. Возможно, и не случайно было его обращение ко мне, писателю, недавно начавшему сотрудничать с редакцией Книги Памяти. Не важно, какой мотив был у него обратиться ко мне. Важно, с какими глазами он подошёл. В них ещё блестела влага бати-командира, набежавшая во время поклона матерям и вдовам («Простите нас, что не уберегли ваших ребят»), и сквозь эту влагу, как во глубине океана, темнела неизмеримая неизбывность накопленной боли.

Но в то же время направленные на меня глаза уже меняли «волну» темы, заставляя глубину колыхаться переливами гнева и недоумения: что случилось со страной, с армией, с человеком, с миром? «Что случилось с вашим братом, писателем, журналистом?» (тут мне окончательно стал ясен неслучайный выбор адресата для его вопросов) отчего «инженеры человеческих душ» втаптывают в грязь эту самую человеческую душу? Почему изгоняются над святынями народа, над армией, которая бережёт эти святыни? Как в интеллигентском сознании рождаются чудовищные оскорбления памяти героев и, наоборот, прославления «непойманных воров?» Почему рынок — важнее всего? Рынок — для товаров, ну и пусть торгуют, зачем же меня-то заставлять торговать? Почему такие простые истины надо доказывать?

Моя попытка уйти от непосильной участи быть ответственным не за свои грехи полным согласием с его позицией не была принята: вопросы-то остаются! Глаза Василия Васильевича требовали ответа. Возмущённый океан его души не успокаивался; глаза отражали лишь поверхностные отблески пережитых и бушевавших штормов в мире этого человека.

Под испытывающим взглядом его глаз я и пишу очерк этой жизни.

Родом из войны

У французского писателя и военного лётчика Антуана де Сент-Экзюпери есть знаменитое выражение: «Все мы родом из своего детства». Неоспорима универсальность этой истины. И всё же иной раз усомнишься применить её к конкретной биографии, не находя в ней… детства.

Нет, нет, всё было как у всех. В один прекрасный счастливый день (хоть и «несчастливое» число) 13 декабря 1935 года в семье Колесников, у Василия Львовича и Ольги Фёдоровны родился второй сын — Вася — на радость трёхлетнему брату Юре, ещё не старому деду Фёдору и всей многочисленной родне Колесников и Ткаленко.

В те годы по стране лились песни: «Будьте здоровы, живите богато!», «Загудели, заиграли провода», «Нам песня строить и жить помогает»… А Василий Львович, колхозный агроном-рисовод, один из первых, кто начал осваивать рисоводство на Кубани, потом на Украине, с особым чувством пел, не щадя голосовых связок: «Мы с железным конём все поля обойдём, соберём и посеем, и вспашем!». В тарелках радиорепродукторов, только что появившихся в хатах и на улице, читали строки далёкого степного акына Джамбума: «От жизни счастливой рождаются дети»…

Конечно, от жизни счастливой и для счастливой жизни родился Вася Колесник. С такой же радостью семья встречала появившуюся следом сестрёнку Олю, потом ещё одну сестричку Инну. Ольга Фёдоровна уже ходила пятым ребёнком, когда началась война, когда в деревню пришли немецко-фашистские оккупанты. Родители-коммунисты с дедом Фёдором ушли в партизаны.

Мало что оставалось в памяти Василия Васильевича от того довоенного детства. Отчётливо врезались в память только мамины медно-золотые, играющие на солнце кудряшки на висках. Страшное зрелище, которое пришлось пережить шестилетнему Васе, парализовало его психику, оставило заикой, затмило солнце детства.

Из укрытия в стоге сена, куда спрятали соседи детей партизан два мальчика и две совсем ещё крохотули-девочки видели, как немцы расстреливают их папу и маму. Остекленевшими от ужаса глазами и раскрытыми в судороге ртами дети запечатлевали один из эпизодов мировой войны: мама, защищаясь от пули, закрывает большой живот; папа с поникшей головой скользит вниз спиной по стене хаты, оставляя

на белой глине красные следы; окровавленного деда пинает сапогом верзила; людей прикладами загоняют в хату… Вдруг вместе с пламенем бензина над хатой взметнулся невыносимо истошный вопль запертых там людей. Казалось, голосит само пламя, то выбрасывая угрожающие клубы мстительного, с хрипом крика, то вознося в небо всполохи умоляющего вопля.

Ужас виденного навсегда впечатался в чистый лист детского восприятия мира. Теперь, зная этот факт из жизни Василия Васильевича и вспоминая поразивший меня взгляд, я думаю, что видел в его глазах отражение навсегда застывших всполохов того костра из человеческих тел.

Рассказывают, что генерал В. В. Колесник бурно реагировал на появившиеся в начале перестройки утверждения некоторых военных историков, принижающих значение великой Победы советского народа над фашизмом тем, что она, мол, не стоит понесённых потерь («Мы врага горами трупов закидали»). Он видел одну из этих «гор». Да, в том эпизоде войны соотношение потерь явно не в нашу пользу. Но вы, кощунственно-«объективные» историки! По вашим калькуляторам выходит, что мы вообще зря выступали против, зря сопротивлялись мощной силе, которая хотела нас поработить, что зря мои родители пошли в партизаны (живы, бы остались)… Эй вы, с калькуляторами! История движется духом народным, а не вашими выкладками, которые и нынче предписывают поднимать лапки перед сильным и богатым…

Каждой клеточкой своего существа протестовал Василий Васильевич против приземлённо-благоразумной философии «премудрого пескаря», которая, как ржавчина, проникла во все поры государственного механизма, в том числе и в армию. Потому-то и темнела глубокая боль в его глазах вместе с застывшим пламенем детского ужаса во время упомянутого монолога, состоявшего из потока вопросов, не встречавших ответов.

Так что не получается у меня сказать во след Экзюпери, что он родом из своего детства, хотя, конечно же, оттуда. Только детство-то осталось в глазах и памяти одним большим воющим костром. Огромное полымя войны. Оттуда он родом.

Добрые люди

Осталось холодное пепелище от всего, где гремели песни про счастливую жизнь. Остался в стогу сена человеческий «выводок», обречённый без материнских и отцовских забот на голодную и холодную смерть. Так происходит с каждым выводком в зверином мире. Но чем сильно человеческое общество? Тем, что «мир не без добрых людей»!

Уже какие-то безымянные добрые люди, презрев страх расправы за пособничество партизанам, спрятали ребятишек в стогу. Может быть, они же, может, и другие нашли способ переправить малышей через линию фронта на «большую землю». Там по всем правилам военного времени сотни и тысячи таких же оставшихся беспризорников направлялись в детские дома. Уже этого одного было достаточно, чтобы никто из них не погиб. Чьи-то добрые глаза заметили испуганно-трясущуюся, заикающуюся четвёрку, крепко держащуюся друг за друга, и не разлучили их. Старший Юра был уже настолько «взрослым», что помнил: где-то в этом разорённом мире есть тётя Маруся и тётя Нина, родные сёстры матери. Значит есть на земле частицы того родственного тепла, которого лишились дети после трагедии. Чьи-то добрые сердца помогли детям соединиться с родственниками.

Всё семейное тепло, всё воспитание, всё, что могли бы дать им родные папа с мамой, сироты получили в семье Долгова Семёна Гордеевича и его жены Нины Фёдоровны, младшей сестры погибшей Ольги Фёдоровны.

Надо отдать должное этой паре мужественных и самоотверженных русских людей, в тяжёлую годину взявших на себя обязанность прокормить, одеть-обуть, воспитать четверых мальцов вдобавок к своему ребёнку. Ведь надо иметь в виду, что дети могли бы оставаться в детдоме, так сказать, на государственном обеспечении. А время было военное, суровое. В любом уголке страны все семьи сидели на скудном питании, носили латанную-перелатанную одежду, подвязывали отвалившиеся подошвы верёвочкой.

Полковник авиации С. Г. Долгов обучал лётчиков. Много раз просился на фронт, но начальство считало более нужной его работу в тылу. И хотя сам он питался по нормам лётного состава, семья жила впроголодь (мягко сказано). Карточки иждивенцев, если их удавалось отоварить, Нине Фёдоровне и сыну Володе помогали мало.

Вот в этих условиях и было принято решение супружеской парой Долговых принять к себе ещё троих иждивенцев (Инну,

самую младшую, взяла к себе в Москву тётя Маруся).

Для приземлённо-благоразумного сознания решение это выглядит безумным. Ведь это означало закабаление себя на долгие годы, особенно для Нины Фёдоровны. Но Семён Гордеевич и Нина Фёдоровна были заквашены на другой, глубоко народной, общинной нравственности: вместе выживем, порознь — пропадём. Допустимо ли, чтобы родные племянники, пережившие такую трагедию, оставались без родственной сердечной ласки? А главное: разве можно жалеть себя, когда нужно пожалеть детей? Такие люди совершают подвиг, не замечая своего героизма. Буднично, учетверив свои усилия, совершала многолетний героизм Нина Фёдоровна, как в народе говорят, «вытягивая жилы».

Очень скоро все дети стали называть её мамой, любили и жалели её, стараясь облегчить ей, болезненной женщине, нелёгкую участь. Такими мамами вершится многотрудная судьба России. Они не могут позволить себе даже умереть без времени, вытягивая свои жилочки до последнего тонкого волоска. Нина Фёдоровна дожила до 90 лет и умерла незадолго до кончины Василия Васильевича, своего сына-племянника.

Но главную мужскую роль в судьбе детей, особенно мальчиков, в становлении их характеров, сыграл, конечно, сам Батя, как стали называть дети Семёна Гордеевича. Мудрый патриарх семьи с самого начала всё расставил по местам, наметив линию ответственности за свою жизнь каждого. «Мальчики, — сказал он, — должны сохранить фамилию отца, чтобы потом продолжить род Колесников». Лена была удочерена, стала Долговой Еленой Семёновной.

Мальчики души не чаяли в своём Бате, ловя каждый редкий его внеслужебный момент. Втроём они ходили на охоту и рыбалку, принося маме такие нужные трофеи. Батя научил мальчиков стрелять, пилить, рубить, колоть, плавать, копать, косить и многое чего ещё. Даже испуганный, стеснительный, заикающийся Вася перестал бояться говорить и пересказывал Бате свои переживания. С этого началось его второе рождение. «Кем бы мы стали, если бы не мама с Батей?. Наверное, бандитами», — как-то сказал Василий Васильевич.

Ещё одним добрым человеком на пути Васи встретилась учительница русского языка в суворовском училище. Жестокие маленькие сверстники не щадят самолюбие заик. Она же заставила всех без издёвок и смеха слушать, как Вася отвечает у доски урок нараспев. Ходила с ним в лес, и там они общались между собой «оперными ариями». И ведь добилась успеха: Вася

избавился от заикания!

Этот момент в своей жизни Василий Васильевич вспоминал всегда с особым чувством. Преодоление комплекса неполноценности не только добавляет естественной радости избавления от гнетущего изъяна, но в неизмеримо большей степени придаёт уверенности в себе, в своей способности собственной волей создавать самого себя.

Вся дальнейшая жизнь В. В. Колесника и была строительством самого себя в духе мудрых наставлений Бати, морального примера Мамы, человеческого участия Учительницы.

Был ещё один добрый человек, о котором Василий Васильевич вспоминал всегда с ласковой теплотой. Это его «Арина Родионовна» мужского пола, воспитатель в суворовском училище Булыгин. Этот офицер-воспитатель покидал спальню малышей только тогда, когда засыпал последний слушатель его сказок. Чаще всего таким оказывался Вася. Булыгин имел несомненный талант сочинителя фантазий, которыми обильно одаривал по вечерам малышей 45-го года, ещё не знавших современных «мультиков». И такую любовь к сказкам он привил юному суворовцу, что тот, став уже седовласым генералом, вместе с внуками бежал к телевизору смотреть «мультики» и так же по-детски замирал вместе с малышами при виде монстра, радовался победе эльфов, хохотал над незадачливым волком.

Эта сохранённая в душе детскость, с одной стороны, говорила о чистоте натуры этого человека, которая всё равно не пустила бы в себя с возрастом чёрствость, прогматизм, цинизм, убивающие детскость, но, с другой стороны, как вспомнишь его глаза с отблесками тех далёких всполохов, то невольно начнёшь думать о прерванном войной детстве, о том огненном «монстре», что видели его глаза, о котором — «ни в сказке сказать, ни пером описать», и порадуешься компенсированной детскости деда.

Братья во кадетстве

Заголовок этой главы взят из многочисленных поздравлений, стихотворных приветствий, приглашений — всей переписки с друзьями, которая осталась с архиве Василия Васильевича, точнее — в большой библиотеке, которую он собирал всю жизнь. Многие корреспонденции подписаны: «Братья во кадетстве».

Не называлось «кадетским» их Кавказское Краснознамённое суворовское офицерское училище, открытое в г. Майкоп в 1943 году и в 1947 году переведённое в г. Орджоникидзе (Владикавказ), соединённое с пехотным учмлищем, куда братья Колесники поступили в 1945 году и которое стало для Василия Васильевича на всю жизнь чем-то большим, чем просто «Alma-mater». Не называлось оно «кадетским», а между тем воспитанники каким-то десятым чувством на уровне генной памяти соотносили себя с традицией исторических российских кадетских корпусов, где культивировались высокое понятие чести, преданность долгу, моральная и физическая чистота, дисциплина и товарищество — лучшие черты русского офицерства, в среде которого родилась и утвердилась словесная формула чести мундира: «Честь имею!».

Пришедшие в училище на волне огромного духовного подъёма всего советского народа, одержавшего всемирно-историческую Победу, суворовцы влюблёнными глазами смотрели на живых героев, бравших Берлин, и искренне жалели, что опоздали родиться.

Дружба, рождённая в суворовском училище, или «во кадетстве», как потом они сами будут называть эту пору своей жизни, стала дружбой на всю жизнь. Ежегодно в День Победы 9 мая у метро «Кропоткинская» собираются бывшие суворовцы тех первых выпусков. И нет большей радости, чем эти встречи друзей, соединенных единой судьбой. «Нет уз святее товарищества!».

Среди большого количества имён близких В. В. Колеснику людей, его знакомых, сослуживцев «братья во кадетстве», разумеется, ничем не отличались от остальных. Лучшим своим другом Василий Васильевич, например, называл Лобачёва Геннадия Алексеевича, с которым вместе не учился, а начинал службу на Дальнем Востоке. Но всё же имена суворовцев «Орджо» обласканы его сердцем особо. Все — без исключений. Недаром его вдова Екатерина Михайловна на просьбу назвать его лучших друзей ответила: «Лобачёв и суворовское училище».

Мы с родственниками покойного попытались составить список этого «братства» по переписке и его записным книжкам.

Вот что у нас получилось (просим извинения у тех, кто, возможно, оказался вне нашего поля зрения):

Эдуард Алексанян, Анатолий Анцышкин, Леонид Аверин (Марменштайн), Роберт Аганесов, Александр Бувальцев, Валентин Бережной, Мартуник Гукасян, Виктор Дмитриев, Николай Дзидзигури, Павел Дулаев, Фридрих (Алик) Должиков, Владимир Ермолкин, Пётр Жаров, Виктор Завадский, Эдуард Иванов, Геннадий Кащенко, Станислав Колтунов, Анатолий Кравец, Сергей Королёв, Герман Кукушкин, Юрий Калагов, Лев Кидин, Юрий Манангаров, Анатолий Мальков, Борис Невзоров, Андрей Никонов, Александр Палавандишвили, Евгений Старостин, Владимир Синельщиков, Игорь Соколинский, Юрий Чуриков, Александр Чернявский.

Это всё те, кто непосредственно учился вместе с В. В. Колесником, выпуск 1953 года. Но в «братство» входили и выпускники соседних годов, кто старше, кто младше:

Вячеслав Ильенков, Евгений Кастовский, Фёдор Кузьмин, Гай Минасян, Юрий Стрельцов, Михаил Сурменко и др.

О, эти листочки на книжных полках, в папках и столе ушедшего от нас генерала! Ничего не говорящие постороннему взору, они хранили для адресата непередоваемый трепет мальчишечьей дружбы, не утраченный с годами.

«Кадету от кадета. По случаю встречи.
Собрать всё это в тёплые ладони,
Зажмурившись от счастья и тоски.
Весь этот город,
Грустный и бездомный,
Тебе — подарком мокрым принести.

В. Зайцев»

А вот, очевидно, наспех коллективно сочинённый акростих, под которым одиннадцать подписей:

«Кадет, ты пришёл к нам на встречу,
Огонь в себе тая.
Любовью согреваешь,
Единомышленник не зря.
Себя подвергая риску,
На Афганистан ты пошёл.
И здесь к нам, близким
Колесник наш пришёл».

Надо ли в этом случае обращать внимание на качество стиха?!

Но всё чаще радость встреч омрачалась третьим безмолвным тостом. Давали знать участившиеся «горячие точки», болезни и возраст. Скорбные листки приходили и в промежутках между встречами.

«Дорогой Вася, высылаем тебе стихотворение Лёвы Кидина «Прощание». Лев прислал его нам в прошлом году незадолго до своей смерти… У Лёвы Кидина было большое доброе сердце. Помянём нашего брата во кадетстве! Нам всем уже немного остаётся до встречи с ним.

Был рядом друг.
И… пусто вдруг…
Лишь звон косы в ушах
Да боль в груди.
Брат, там нас жди!
Звенит другой замах…
Обнимаем.

Евгений Кастовский, Юрий Чуриков».

А вот ещё документ. Это как бы и официальное поздравление с «93-летием нашей Владикавказской Альма-матер и 50-летием её возрождения под именем СВУ», но исполненное без какой-либо официальности и канцелярского антуража. На простой листок приклеен снимок здания училища, а под ним стихи:

Мы — младшие из первого набора —
В одном строю тринадцать лет.
До сей поря храним мы дружбу
И помним всех, кого уж нет,
С кем Альма-матер породнила
И крылья нам дала в полёт.

Вся поэзия этих листочков — даже не в сути самодеятельных стихотворных строк, а в том чувстве любви и искренней доброжелательности друг к другу, которое требовало поэтического выражения. И как это трогательно в сердцах и на устах суровых военных мужчин!

Но не только радостями встреч и скорбям по потерям посвящались эти «пленумы» бывших владикавказских суворовцев. Большая библиотека Василия Васильевича хранит следы их

интенсивной духовной жизни. Вот кто-то вычитал новую интересную страницу из истории — надо обязательно поделиться со своими братьями во кадетстве! И рождаются вот эти машинописные копии любопытных фактов, например, из книги Нины Фёдоровны Буровой, белоказачьей атаманши Майкопского партизанского отряда, изданной в Вашингтоне и, конечно же, у нас мало известной. Помимо интереса к экзотической фигуре русской дворянки, золотой медалистки Мариинского института, выпускницы Сорбоны и Московского университета, оставшей с двумя детьми от мужа в Екатеринодаре во время бегства белой Добровольческой армии и с оружием в руках боровшейся против Красной Армии вплоть до разгрома её отряда в 1920 году, пленения и приговора к расстрелу, земенённого пожизненным заключением на Соловках, откуда она потом бежала за груницу, — так вот: помимо обогащения своих знаний фактами, делающими представление об отечественной истории объёмным и объективным, братья во кадетстве ещё и оттачивали свой русский патриотизм новыми, более сложными чувствами, находя и в другой, оторванной части русского народа по мере ослабления братоубийственной ненависти Гражданской войны, созвучные мысли и настроения по отношению к общей Родине. Характерно, например, стихотворение о русской культуре, перепечатанное из той же книги Н. Ф. Буровой, без указания автора.

Русская культура — это наша детская
С трепетной лампадкой, с мамой дорогой.
Русская культура — это молодецкая
Тройка с колокольчиком, с расписной дугой.

Русская культура — это сказки нянины,
Песни колыбельные, грустные до слёз.
Русская культура — это разрумяненный
В рукавицах-варежках Дедушка Мороз.

Русская культура — это дали Невского
В бело-мёртвом сумерке северных ночей.
Это радость Пушкина, горесь Достоевского
И стихов Жуковского сладостный ручей.

Русская культура — смех сквозь слёзы Гоголя,
Станиславского, Саввина, дивный наш балет,
Лихость беспримерная, честь гвардейца-щёголя,
Поле Бородинское — доблести завет.

Русская культура — это вязь кириллицы
На заздравной чарочке яровских цыган,
Жемчуг на кокошнике у простой кормилицы,
При чеканном поясе кучерский кафтан.

Русская культура — Пётр-гигант, Суворов,
Зимняя канавка, дедушка Крылов,
Зодчие-строители Киевских соборов,
Троицкая лавра в бахроме лесов.

Русская культура — это кисть Маковского,
Гений Менделеева, Лермонтов и Даль,
Терема и церкви, звон Кремля Московского,
Музыка Чайковского — тихая печаль.

Русская культура — это всё, чем славится
Со времён Владимира наш народ большой,
Это наша женщина, русская красавица,
Это наша девушка с чистою душой.

Русская культура — наша жизнь убогая
С вечными мечтаньями, с замками во сне…
Русская культура — это очень многое,
Что найти не в силах мы ни в одной стране.

Кроме нескрываемого налёта питерского аристократизма автора («Детская», «простая кормилица») всё остальное-то до глубины души — наше. Читая и обмениваясь друг с другом таким чтением, бывшие суворовцы скрепляли в своих душах связь времён, которая более всего проявлялась в чести и достоинстве русского офицера. Недаром уже генералы и полковника, никогда ранее не звавшиеся «кадетами», называли теперь себя братьями во кадетстве.

Чуть ли не настольной книгой каждого был рассказ классика русской литературы Н. С. Лескова «Кадетский монастырь», в котором он вывел пленительные образы офицеров-воспитанников старого времени. Причём документальная основа рассказа придаёт особенную убедительность высоким нравственным качествам директора Первого петербургского кадетского корпуса генерал-майора Перского, эконома этого корпуса бригадира Боброва, доктора Зеленского и «отца Архимандрита», которые себя без остатка отдавали воспитанникам и действовали по

единственно верному принципу воспитания — личный нравственный пример.

В рассказе есть эпизод, когда кадеты укрывали раненых декабристов, приползших к их корпусу, выходящему торцом на Сенатскую площадь. На следующий день после подавления восстания в корпус приехал разгневанный государь Николай Павлович.

— Отсюда Рылеев и Бестужев! — сердито сказал император. Глядя в лицо государя, Перский спокойно возразил:

— Отсюда Румянцев, Прозоровский, Каменский, Кульнев, Толь — все главнокомандующие.

— Они бунтовщиков кормили! — показал рукой царь на построенных во фрунт кадетов.

— Они так воспитаны, Ваше Величество: драться с неприятелем, но после победы призревать раненых, как своих.

Так ответил Перский, бесстрашно посрамляя самого императора, достойно защищая свою и кадетов честь. Николаю Павловичу осталось только нахмуриться, повернуться и уйти, оставив без последствий «дерзость» кадетов и их директора.

В офицерской службе бывают такие эпизоды, когда ты стоишь по стойке «смирно» перед высоким чином, до звона в позвоночнике ощущаешь напряжённый стержень всего того, что составляет твою личность: знания, опыт, достоинство, честь, нравственность, а в это время воля высокого чина противоречит всему, что ты есть. Выбор невелик: или сломать свой стержень, козырнув в знак согласия, или ответить так, как Перский, чтобы продолжать именовать себя офицером.

Я привёл этот литературный (на документальной основе) пример, потому что он по сути схож с поступком полковника В. В. Колесника в 1979 году, когда он докладывал двум высоким чинам разработанный им план захвата дворца Амина. Чины должны были утвердить план или отвергнуть. Они предпочли не делать ни того, ни другого — слишком ответственно… Впрочем о том, как поступил в этом случае Василий Васильевич речь впереди. Он сам расскажет об этом.

Продолжим тему идейной и нравственной стойкости «братства во кадетстве» из первых послевоенных выпусков. Заряженные неистребимой верой в строительство светлого будущего, полные уверенности в силе русского оружия, осенённые великими именами Минина и Пожарского, Суворова и Кутузова, Ушакова и Нахимова, ещё живых полководцев Великой Отечественной войны, под знамёнами Ленина и Сталина они, готовые к любым подвигам, надели лейтенантские погоны в переломное для нашей страны время, связанное с так называемой

«хрущёвской оттепелью», а разоблачением культа личности Сталина на фоне открытой Западом против Советского Союза и стран социалистического содружества «холодной войны», время создания не скрывающего враждебных намерений против нашей страны блока НАТО.

В советском обществе возникали противоположные умственные тенденции, которые захватывали и офицерский корпус. С одной стороны, надо крепить мощь державы, повышать дисциплину перед угрозой огрессивного внешнего мира, что и делалось совершенствованием оружия, прорывом в космос, ударными стройками, целиной. С другой стороны, нарастали выступления, в основном, со стороны интеллигенции, о подавлении свободы личности, о несправедливых репрессиях, об отсутствии демократии, о притеснении инакомыслия.

В стан расшатывающих устои государства братство во кадетстве не могло встать. Как далёкое эхо тех лейтенантских настроений я уловил в том, упомянутом уже монологе с рюмкой коньяка слова Василия Васильевича: «Мудрые китайцы на стали топтаться на мёртвом Мао, хотя за что — можно найти. Никто из великих не мог управлять большой страной, большим народом одними пряниками, без кнута. Ведь даже Черчиль признал, что Сталин принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой. За что же мы его так?».

Со временем всё больший авторитет приобретала фигура маршала Г. К. Жукова, занимая в умах и сердцах офицеров место путеводной звезды. Как в годы войны в нужное время в нужном месте появлялся Г. К. Жуков, так и в эти смутные дни вовремя появилась его книга «Воспоминания», которая не только ставила на место рать выскочек — «победоносцев», но и вселяла силу и уверенность в таких офицеров, как Василий Васильевич Колесник и его братьев во кадетстве.

Среди листков своеобразного «самиздата», которым обменивались «братья», внимание привлекла перепечатка двух стихотворений, остро полемизирующих друг с другом именно с позиций этих противоположных идейных направлений, не прекращающихся, кстати, до сих пор. Одна сторона, направленная против армии, представлена стихотворением Булата Окуджавы «Ироническое обращение к генералу», где говорится, что «пока на свете нет войны, вы в положении дурацком», поскольку как иначе вы должны совершенствовать «свою профессию и смелость?».

Хирургу нужен острый нож,
Пилоту — высь, актёру — сцена.

Геолог в поиске бессменно.
Кто знает дело, тот хорош.
Воителю нужна война,
Разлуки, смерти и мученья,
Бой, а не мирные ученья…

В общем, генерал без войны, что «прачка без воды и мыла».

Неиронический ответ Булату Окуджаве на его «Ироническое обращение к генералу» дал генерал-майор юстиции А. Ролов. В нём говорится:

И кто бы вдруг подумать мог,
Что Вы, войною опалённый,
Пускай в ту пору и «зелёный»,
Но спутник фронтовых дорог,
Забыли напрочь строчки эти:
«Мы все войны шальные дети,
И генерал и рядовой».

Шинель вы взяли — и домой.
Другим досталось жить в шинели,
Чтоб Вы печалились и пели.

А Вам, считайте, повезло
Вовсю шататься по Арбату,
Походной грязи не месить,
Страну с семьёй не колесить
И не считать одну зарплату.

Чернить военных стало модно.
Хотя не так и благородно,
Зато «сподвижники» поймут.
А злопыхателей немало
Вскричат:
— Ату их, генералов!
И руки недруги потрут

Когда вдруг пасквиль и талант
В содружестве сойдутся рядом,
То муза, сдобренная ядом,
Не принесёт успех, Булат.

Автор ответа, «беспризорник от войны, ставший генералом»,

созвучен был Василию Васильевичу не только настроением, но и судьбою. Беда только в том, что яд «Иронического обращение» брызгал со всех страниц и экранов (уже начиналась перестройка), а «Неиронический ответ» появлялся в какой-нибудь дивизионке да распространялся вот так, отпечатанный под копирку, — от брата к брату.

Разумеется, найденные в архиве покойного генерала и проницательные здесь следы его интеллектуального общения составляют лишь малую часть духовной жизни «братьев во кадетстве», но и они дают общее представление об их стойкой государственно-патриотической позиции, помогающей ориентироваться в общественно-политических завихрениях современности. Защитник Отечества должен знать, какое отечество он защищает и не может быть приказом отстранён от политики. Куда девать вулкан, вскипающий в груди?

Таков был один из невысказанных вопросов в глазах Василия Васильевича в ту нашу встречу; в них поражала парадоксальная одновременность влаги слёзной боли, огня взыскивающей правды и глубокой темноты отчаяния.

«А любовь Катюша сбережёт…»

«Тыловое обеспечение» воинскому явлению под названием «Колесник Василий Васильевич» осуществляла его любовь и жена, мать троих детей Екатерина Михайловна.

В одно время с Колесником училась в г. Орджоникидзе в педучилище Катя Горбачёва. Как было принято, на вечер в военное училище, где были одни мальчики, приглашали студентов педучилища, где были девочки. И наоборот. «Хитрая» подоплёка таких приглашений ни для кого не являлась секретом: на этих вечерах, на этих танцах завязывались дружба, симпатия, любовь, судьба. Как потом подтвердилось всей жизнью, между Васей и Катей завязалась любовь-судьба.

Что это судьба, молодой лейтенант, получивший назначение на службу в Приморский край, почувствовал сразу же после прибытия в населённый пункт под экзотическим названием «Боец Кузнецова». Всё хорошо: и Боец Кузнецова устраивает, и бойцы во взводе уже полюбили молодого командира, и на службе всё получается, а как-то пусто вокруг, душе чего-то не хватает… И летит в Орджоникидзе телеграмма: «Приезжай!».

Воспитатель детсада прощается со своими подопечными и едет на другой край Земли.

«Надо было его видеть в работе с солдатами! — вспоминает тот период Екатерина Михайловна. — Он весь светился, им можно было только любоваться. Да и солдаты у него светились. Сколько в них было жажды знаний, гордости за свои успехи! Друг к другу относились по-братски. Форму носили с достоинством. Идёт солдат по тропочке, как выточенный, значки и пуговки, как солнышки, горят, в кирзовых сапогах небо отражается.

Когда я приехала на этот полустанок Боец Кузнецова, ребята сначала ревновали меня к своему командиру. «Мы боялись, что вы его у нас отнимите», — признались они после».

Этот первый год их совместной жизни, первый год его службы в одной из первых рот специального назначения вспоминался как радостное солнечное утро, обещающее счастливый день.

«Говорят, что мы бедно жили. Не согласна! Жили скромно, это правда, без излишеств. Наши комнаты мало чем отличались от казарм. Разве что салфеточки из бязи. Но мы же были счастливы! Сколько было уверенности в будущем! Мы не ждали дара божьего, создавали жизнь своими руками, обогащали друг друга своими знаниями, жили богатой духовной жизнью».

К этому же периоду относится эпизод, после которого солдаты своего командира взвода, молоденького ещё лейтенанта,

стали называть «Батя».

Для Спецназа любое задание, тем более учебное, подразумевает преодоление трудностей. О степени этих трудностей и говорить неприлично: надо уметь справляться с любыми. Но то, что выпало взводу Колесника, зашкаливало за все, даже спецназовские мерки. После учебных прыжков с парашютом, которые сами по себе являются неслабым испытанием, командир роты решил отправить учебный взвод в расположение части «своим ходом», выделив пайки на трое суток. Прочертил на карте маршрут, приложив линейку от пункта запасного аэродрома до того самого Бойца Кузнецова. А это 300 километров. А это хребет Сихотэ-Алинь, это тайга, топи и болота. И ни одного населённого пункта.

Разумеется, взвод в три дня не уложился. Хорошо, что исправно работала у них рация, и Екатерина Михайловна, тогда ещё просто Катя, успокаивала своё сердце и на четвёртый, и на пятый, и на шестой день, узнавала, что они живы, что прорубаются ножами сквозь чащи, где, наверное, за все века Земли не ступала нога человека.

Вот тут-то и показал В. В. Колесник, на что способен кандидат в мастера по марафону и многоборью, разрядник по десяти видам спорта. Идя впереди взвода он не понукал, не нервничал. Все знали его девиз: «Делай, как я, делай лучше меня!». (Правда, его подчинённые при этом ворчали: «Как же делать лучше, когда до него не дотянуться?»).

Вид вернувшихся впечатлял: от одежды и обуви остались какие-то немыслимые лохмотья, лица и тела в ссадинах и коростах, в грязи, в засохшей болотной тине. Но — с горящими глазами: мы Спецназ!

«Вот тогда я первый раз услышала, как солдаты стали называть Васю «батей», — говорит Екатерина Михайловна. Те первые сержанты, которых готовил лейтенант Колесник, сохранили с ним связь пожизненно. От многих приходили открытки и письма чуть ли не до последних дней. А новичкам они, как эстафету, передали это имя — Батя. Причём это повторялось во всех гарнизонах — и в Легнице, и в Nitujvt (Польша), и в Уссурийске, и в Чирчике. Как будто работал какой-то беспроволочный солдатский телеграф, который передавал из одной части в другую: к вам едет «Батя».

Как того и хотел Василий Васильевич, первой родилась дочка. Назвали Наташей, отец её звал «Рыжиком», (Екатерина Михайловна скажет в беседе по секрету: папа очень любил всех троих детей, но к Рыжику относился, кажется, с особой ласковостью — её прелестные кудряшки медного цвета так

напоминали ему родную маму, Ольгу Фёдоровну).

Гарнизоны, гарнизоны… В одном родилась Наташи, в другом — Оля, в третьем — Миша. Не сразу вспомнишь кто, где, в каком классе был, сколько школ поменял. «И всё же наша семья с большой любовью вспоминает все гарнизоны, где служил наш папа, — продолжает рассказ Екатерина Михайловна. — В семье так повелось: папина служба под грифом «секретно» — о ней ни с кем, ни между собой. Я из тех офицерских жён, которые не командуют в частях, не влияют на судьбы подчинённых мужа, не кичатся сами и не позволяют детям пользоваться положением отца. Семья для Василия Васильевича была надёжным тылом, уютным, без излишеств бытом. Я знала свой удел: пораньше встать, всех позднее ложиться, провожать и встречать, ожидать и скучать. Он знал, что здесь его любят, ждут и всегда ему рады».

В семье поддерживалась атмосфера устойчивости, уверенности, благорасположённости: стрелка «семейного барометра» была постоянно направлена на душевное спокойствие, физическое и моральное здоровье Папы. Как в той песне: «Пусть он землю бережёт родную, а любовь Катюша сбережёт». Пусть он занимается любимым делом — служит Отечеству, — а всё остальное: дом, дети, условия для службы мужа взяла на себя Екатерина Михайловна. «Это не его головная боль, — говорила она. — Семейные проблемы решала сама, редко прибегала к его помощи».

Работать пришлось мало: то дети малые, то мест нет, то вообще работы нет. Всё больше на общественных началах кружки вела, участвовала в работе родительских комитетов.

Дети росли, радовали родителей, становились взрослыми. Какие-то неприятности, детские болезни, тревоги, проходили, как проходит всё на свете. Даже «холодная война» с учительницей Миши по русскому языку, которую вела несколько лет Екатерина Михайловна, теперь вспоминается с юмором. А тогда было не до шуток. Дело в том, что пятиклассник Миша, закончив четыре класса в Чирчике, здесь, в московской школе стал отставать по русскому языку. Учительница с очень своеобразным (мскажем так) характером, что называется «взъелась», обозвала его «дураком» неспособным исправиться, чем нанесла мальчику серьёзную психологическую травму. Причём третировала его долгое время.

Нет, мама не унизилась до банального скандала, ни слова не сказала в ответ на «дурацкие» обвинения, а методично и планомерно занималась с Мишей русским языком, пока он не стал первым призёром по району и третьим по Москве в художественном чтении. Ни злорадства над посрамлённым

взболмошным противником, ни торжества собственной победы — ничего этого было не нужно семье; просто было удовлетворение от преодоления психологического барьера неполноценности. Как когда-то в детстве у Василия Васильевича, когда он боролся со своим заиканием.

Получилось так, что именно Миша, младший ребёнок, единственный сын, любивший всех, особенно сестёр, стал главной болью семьи. Погиб в Чечне.

Рос он болезненным ребёнком. У него и игры-то были в основном, «в доктора» — всех лечил. Но однажды, когда отец его взял на прыжки, он «заболел» небом, и уже в третьем классе сказал всем и себе: «Буду десантником!». Ему спокойно возражали, что его в десант не возьмут. Говорилось это даже не из благих воспитательных «подначек», а просто из унылой констатации его здоровья.

И Миша взялся за «строительство» самого себя. Тут сказалась папина наследственность: в старших классах он сам себе стал главным тренером. И каким тренером! Даже утренние пробежки по набережной «от моста до моста» методично удлинялись и убыстрялись, чтобы планомерно увеличивался счёт: ещё раз! И уехал после школы по давно намеченному адресу — в Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище. У Екатерины Михайловны до сих пор стоит в ушах его незабываемый счастливо-ликующий возглас: «Мама, приняли! Говорят, не только в десант — в космос отправлять можно!».

После окончания факультете Спецназа Миша служил на Дальнем Востоке. Однажды позвонил: «Папа, я уезжаю в Чечню. Только, пожалуйста, ничего не предпринимай».

«Хотя я бы не стал никуда звонить, — говорил Василий Васильевич в одном из интервью вскоре после трагедии. — Я понимаю, что, если я его не отпущу в Чечню, это плохо скажется на дальнейшей судьбе Миши, понимал, как к нему Чечни было элементарно: командир бригады на Дальнем Востоке — мой бывший подчинённый. Да и в ГРУ достаточно людей… Жена тоже всё понимала и не отговаривала сына. Она ведь всю жизнь со мной была во всех передрягах. Кроме Афганистана, конечно…

Миша попал в Чечню 18 января 1995 года, а погиб на следующий день… 20-го утром мне об этом сообщили. А я в это время в госпитале лежал, у меня было двустороннее воспаление лёгких. Даже когда было прощание с сыном в госпитале Бурденко, меня выпустили на час. Я ещё после этого полтора месяца там пролежал.

Тяжело, очень тяжело… Как именно погиб Миша, что там произошло, я не знаю».

У смерти причины разные, но результат один — беспощадный, необратимый. Хотя Миша был дважды женат, но детей не оставил. И снова фамилия Колесник, о чём так трогательно заботился незабываемый Семён Гордеевич, осталась без мужского продолжения.

Такое вот шекспировское драматическое напряжение переживала эта семья. Работая над материалами Книги Памяти о спецназовцах, погибших в Афганистане и Чечне, я много раз сталкивался с родительским отчаянием: «Зачем, зачем я отпустил (а) его на эту проклятую, никому не нужную войну? Надо было пойти на всё, но не пускать!».

Драматизм родительского отчаяния Колесников был сильнее, чем у тех, кому надо было «идти на всё». Василию Васильевичу достаточно было, как говорят, «мизинцем шевельнуть». Екатерине Михайловне была бы простительна «материнская истерика», подталкивающая мужа. Но это были бы уже другой Василий Васильевич и другая Екатерина Михайловна. Это уже не был бы «брат во кадетстве» с крепким моральным стержнем, не поступающийся честью офицера ни при каких обстоятельствах. Это уже была бы не жена боевого офицера, настроенная с ним на одну волну, для которой его офицерская честь, может быть, более свята, если можно так сказать, потому что жене приходится быть вдвойне бдительной, чтобы не бросить тень на неё даже ненароком.

Нашлись бы люди, которые «с пониманием» бы отнеслись к родительским «слабостям». И Миша бы остался жить. Найдутся и люди, которые будут подкладывать даже теоретический оправдательный фундвмент под «слабину», мол, человеческая жизнь дороже компромисса с совестью. И неподсудно бы это было миру. Но сколько раз в оставшейся жизни и Михаилу, и родителям пришлось бы опускать глаза при встрече с подобными сюжетами и — главное! — оправдывать их?!

В христианстве есть святые, пострадавшие за веру, не поддавшиеся на искус лёгкого решения трудной проблемы. Они в легендах, молитвах, апокрифах. Святость атеиста Василия Колесника не претендует на подвиг, предполагающий канонизацию; это просто суть совестливого человека, не способного преступить справедливость.

И глядели на меня в ту нашу встречу его глаза, словно с иконы, признающие и призывающие лишь высший суд нравственности: «Те, кто пишет, что генералы, мол, своих детей в Чечню не отправляют, сами уже точно не отправили бы, будь генералами. А ведь выступают судьями, поучают… Чему? Как терять достоинство?».

Лишь вот в таком мимолётном своеобразном откровении-исповеди можно было догадаться (только догадаться!) об истинном весе той тяжести, что носил в душе отец после гибели сына и что выражал кратко: «Тяжело, очень тяжело…».

Профессия — Спецназ

Екатерина Михайловна, рассказывая о своём муже, как-то сказала: «Он был очень азартный, взрывной, увлекающийся. И в то же время — очень осторожный, предельно собранный, контролирующий каждое своё слово, каждое движение». Да ведь это противоположные чувства! — хочется удивлённо воскликнуть, услышав такую характеристику. Но поразмыслив, признаёшь, как точно она уловила полюса его характера, которые по законам диалектики, хотя и находятся в борьбе как противоположности, но составляют единое целое.

Каждая яркая личность отличается такими парадоксальными, на первый взгляд, контрастами. Сколько угодно примеров. Когда сочетаются в одном человеке высота духа, проблеск гения и низменная страсть, отточенный профессионализм и беспринципность и т. д. Сколько людей, столько и вариантов. Только у многих людей крайние полюса своего характера просто не явлены в силу незначительности: иные их приглушают сознательно внутренней боязнью выделиться, трусливо вжимаясь в некую «середину», в уютный безликий «центр». Недаром от этой «середины» слово «посредственность». В противоборстве полюсов не бывает центра. Недаром его давно называют «болотом», мёртвым застоем.

У Василия Васильевича удачно боролись эти два начала (азарт и осторожность), создавая цельный характер, возможно, идеальный для разведчика. Без азарта, без ослепительной озарённости мгновенного решения и его немедленного исполнения разведчик обречён. Но он ещё более обречён, если этому своему неуёмному механизму не поставит надёжные тормоза. С другой стороны, опять же будет обречён, если всю свою профессиональную жизнь проедет «на тормозах». Такая вот диалектика!

Профессиональная сторона жизни В. В. Колесника, как уже было отмечено, неотделима от всей его жизни в целом. И, наверное, не будет большим преувеличением сказать, что вся его военная судьба от суворовца до генерала есть хрестоматийный образец офицерского бытия. Причём — (подчеркнём особо) вся его служба от начала до конца проходила в самых профессиональных воинских подразделениях — частях специального назначения. Именно этому поколению «братьев во кадетстве» суждено было создавать советский Спецназ на основе партизанских действий во время Великой Отечественной войны.

Днём рождения Спецназа является 24 октября 1950 года,

когда Директивой Военного Министра СССР Маршала Советского Союза Василевского А. М. дано указание о формировании сорока шести отдельных рот специального назначения. В 1953 году, когда В. В. Колесник заканчивал суворовское училище, произошло сокращение Вооружённых Сил СССР. Осталось 11 рот. В одну из них он и был направлен в 1956 году после окончания пехотного училища.

Уже в следующем 1957 году по указанию министра обороны СССР Маршала Советского Союза Жукова Г. К. проведены организационно-штатные мероприятия в сторону усиления Спецназа. Были сформированы пять отдельных батальонов, переведены на новую оргштатную структуру отдельные роты специального назначения. Эта реорганизация непосредственно коснулась и В. В. Колесника, командовавшего в то время учебным взводом отдельной роты Спецназа, на базе которой был развёрнут отдельный батальон специального назначения в Северной группе войск. Затем там же он стал командовать ротой. То есть начало военной карьеры Василия Васильевича совпадает с рождением Спецназа. Потом появятся и отдельные бригады, одной из которых он будет командовать. «Служба шла, как хорошо отлаженный механизм», — только и ответит Василий Васильевич на просьбу журналиста рассказать о своей службе. Немногословие его диктовалось и секретностью спецназовской «работы», и тем самым сдержанным характером. Только и без вопросов ведь ясно: его специальность — «держать порох сухим». А это значит, чтобы не лилась кровь, надо пролить вдвое больше пота на учениях, на смотрах, на повседневной армейской рутине.

Но только в газете военного округа можно было познакомиться с какой-нибудь зарисовкой «Огненные вёрсты», в которой будет подробно описываться мастерство некоего молодого лейтенанта Иванова по выполнению сложного боевого задания в тылу «противника» Лишь посвящённые могли догадаться, что под фамилией Иванова закамуфлирован Колесник.

«Вот опять «противник» предпринял атаку. Хоть и темно, а различить цели можно. Лейтенант ставил задачи пулемётчику, автоматчику сержанту Р. Азиеву, вёл огонь сам, и всё большее раздражение появлялось у него по мере того, как возрастал поток вводных… Да, на этом пятачке, омываемом речушкой, не сманеврировать, не удержаться… Иванов оставил засаду, остальной состав группы повёл через водную преграду. И невелика, неширока она, но сил выкачала изрядно. Шатаясь от усталости, выбрались воины на хаотичное нагромождение валунов… И только в машине лейтенант Иванов позволил себе

расслабиться».

Всё это на языке Василия Васильевича называлось «работой отлаженного часового механизма».

В той пикировке между «Ироническим обращением к генералу» и «Неироническим ответом» ему со стороны военных отразилась извечная коллизия «видимого миру смеха и невидимых миру слёз», когда обыденному сознанию вольно похихикивать над «безработными» (без войны) генералами, а тем — не до шуток. Слишком строга и коварна «материя», с которой имеют де5ло генералы, чтобы позволить над ней иронию.

Теперь, когда вся жизнь В. В. Колесника сотошла в историю, когда на неё уже смотришь как бы со стороны, видишь истинный хрестоматийный пример, достойный занять место в учебных офицерских институтах. Без слов, без нытья, без вранья нести всю жизнь рутинную службу по «поддержанию пороха сухим», чтобы в нужный момент выстрелить в нужную цель. Сколько «боёв» (в кавычках, без войны) за свою профессиональную жизнь провёл В. В. Колесник и только один — настоящий, но зато как «выстрелил»! «Выстрел», за который он получил высокую степень воинского отличия — звание Героя Советского Союза.

Пусть у большинства офицеров (в идеале — у всех) будт только бои в кавычках, но офицерская профессия на то и существует, чтобы не оплошать, когда «раскроются кавычки». И полковник В. В. Колесник не был застигнут врасплох, когда ему было поручено наиответственнейшее, наисекретнейшее, наисложнейшее задание.

Об этой секретной операции под кодовым названием «Шторм-333» есть рассказ самого Василия Васильевича. Пусть он будет отдельной главой нашего очерка.

«Шторм — 333»

Альбом «50-летию Российских соединений и частей специального назначения Вооружённых Сил Российской Федерации».

Москва. 2000 год.

В ту пору я уже два был старшим офицером ГРУ ГШ, направленцем на Среднюю Азию. Этот регион, два среднеазиатских округа, разместившиеся здесь, их командование знал очень хорошо, сам до недавнего времени командовал 15-й бригадой специального назначения, входившей в состав САВО, а с 1976 года — ТуркВО.

2 мая 1979 года меня вызвал к себе тогдашний руководитель ГРУ генерал армии П. Ивашутин и поставил задачу сформировать 154-й отряд специального назначения. В его штат входила боевая техника, а общая численность солдат и офицеров составляла пятьсот двадцать человек. Ни такого вооружения, ни такого штата в спецназе до этого не было. Помимо управления и штаба, отряд состоял из четырёх рот. Первая рота имела на вооружении БМП-1, вторая и третья — БТР-60пб. Четвёртая — рота вооружения — состояла из взвода АНС-17, взвода реактивных пехотных огнемётов «Рысь» и взвода сапёров. В отряд также входили отдельные взводы: связи, РСЕ «Шилка», автомобильный и материального обеспечения.

Но главная особенность отряда заключалась в том, что в нём могли служить только представители трёх национальностей: узбеки, теркмены и таджики. Поэтому и назвали его «мусульманский» батальон (отряд в спецназе соответствует батальону в сухопутных войсках). Бойцов отбирали только двух призывов, прослуживших полгода и год. Особые требования предъявлялись к физической подготовке кандидатов. Поскольку эксплуатация боевой техники предполагает специальные знания, людей отбирали в мотострелковых и танковых частях обоих азиатских округов. В основе, конечно, лежал принцип добровольности, но при отсутствии волонтёров данной военно-учётной специальности хорошего спеца могли зачислить в отряд даже помимо его воли.

Через полтора месяца отряд был сформирован. В каждой роте был переводчик, курсант-стажёр Военного института иностранных языков. Но при таком национальном составе отряда у бойцов практически не было проблем с фарси — одним из основных языков Афганистана. Не удалось найти только офицера-

зенитчика подходящей специальности. «Мусульманином» стал темноволосый украинец капитан Паутов, который, когда молчал, терялся в общей массе. Возглавил отряд майор Х. Халбаев, занимавший до этого в 15-й бригаде должность заместителя командира одного из отрядов спецназа по воздушно-десантной подготовке.

Пока отряд занимался боевой учёбой, его бойцам в Москве уже шили форму афганской армии. На каждого военнослужащего были подготовлены легализационные документы установленного образца.

19–20 ноября отряд доставили самолётами в Баграм. Личный состав, имущество, предметы материального обеспечения, включая дрова, привезли на Ан-12. Всю тяжёлую технику — на Ан-22, «Антее». Эта операция заняла около суток.

Выполнив поставленную передо мной задачу, я из Ташкента убыл в Москву. Отряд оставался в Багараме почти месяц и адаптировался к новым условиям.

Согласно первоначальным планам отряд должен был выдвинуться из Баграма и с ходу захватить резиденцию Амина в Кабуле. Но после неудачного на него покушения Амин перебрался в недавно отстроенный дворец Тадж-Бек.

13 декабря отряду поставили задачу совершить марш и прибыть в кабул для усиления охраны главы государства. Такова была легальная задача «мусульманского» батальона.

Этот марш едва не стоил Халбаеву должности. По дороге одна из машин вышла из строя. Халбаев оставил с ней необходимые средства техпомощи, назначил руководить ремонтом своего заместителя по техчасти, и колонна продолжала движение. В Кабул отряд прибыл не в полном составе, и этот факт расстроил главного военного советника генерал-полковника С. Магомедова. Конфликт разгорелся ещё и потому, что Халбаев не любил оправдываться и не старался выглядеть лучше, чем есть на самом деле. Такое поведение сразу настроило против него Султана Кекезовича, по-восточному любившего чинопочитание.

16 декабря я получил задачу вылететь в афганистан. В помощники взял Олега Ульяновича Швеца. Семнадцатого загранпаспорта нам привезли прямо к самолёту. Вместе с нами в Афганистан летел генерал Юрий Иванович Дроздов и капитанр второго ранга Эвальд Григорьевич Козлов. Быстро познакомившись, выяснили, что нам предстоит одно дело. Они курировали деятельность спецподразделений «Гром» и «Зенит» по линии КГБ.

В Кабуле я представился главному военному советнику, и он мне сразу высказал недовольство комбатом. Обвинив Халбаева в

неумении грамотно организовать марш отряда, он настоятельно порекомендовал снять его с должности. Однако я давно знал Халбаева как вполне грамотного офицера и постарался убедить в этом вспыльчивого генерала. Посчитав мои доводы логичными, Султан Кекезович несколько успокоился.

Непосредственно дворец охраняла рота личной охраны Амина. Это была первая линия. Вторую должны были ставить мы. А третью линию занимала бригада охраны, которую возглавлял главный порученец Амина майор Джандат.

На следующий день мы поехали к нему знакомиться. Джандат закончил иностранный факультет нашего воздушно-десантного училища в Рязани, позже — Военную академию имени Фрунзе. Познакомившись, мы в общих чертах определили, как будем решать поставленные задачи, организовали связь. Мы объехали окрестности, и Джиндат показал, нам где можно организовать стрельбище и проводить занятия.

Каждый батальон бригады охраны имел свою казарму, и лишь танковый жил вместе с пехотным батальоном. Для танкистов не так давно начали строить казарму, которую и передали нам.

Это было двухэтажное здание, имевшее только пол, стены и крышу. Но окна мы завесили плащ-палатками, затопили буржуйки, и в помещении стало тепло. Кровати поставили в два яруса, и таким образом разместили весь личный состав. Хотя в штате отряда была автоперевязочная, для хирурга и врача-анестезиолога оборудовали помещение медпункта. На всё у нас ушло не более суток.

Когда я доложил Магомедову о проделанной работе, он приказал составить с афганцами план совместной охраны дворца, отработать план взаимодействия. Ну а для того, чтобы наладить личные контакты, генерал предложил организовать торжественный вечер, на который пригласить командование бригады. Поскольку узбеки умеют прекрасно готовить, с поворами проблем не было. Мы поставили палатку УСБ, где накрыли великолепный стол.

Афганцы уже знали меня как начальника штаба батальона. Швеца представили начальником разведки, комитетчиков тоже залегендировали под офицеров отряда. Гостей было человек пятнадцать. Поскольку они мусульмане, возникла проблема с тем, как подавать к столу водку и коньяк. Налили напитки в чайники. Разлили по первой. Смотрим — пьют. А под русскую водочку хорошо вести душевную беседу. Замполит бригады, по всей видимости, не рассчитав свои силы и утратил «революционную бдительность». Полагая, что за этим столом все друзья, он в порыве откровенности рассказал, как вместе с

начальником связи и Джандатом они удавили Тараки. Когда командир услышал, что несёт его комиссар, он пришёл в ярость. Но быстро отошёл и извинился перед нами, сказав, что его заместитель выпил лишнего и сам не понимает, что говорит. Конечно, мы и виду не подали, что нас эта история как-то заинтересовала. Но на следующий день в Москву ушло сообщение об убийстве Тараки, которое Амин тщательно скрывал.

Днём нас вызвал главный военный советник. Здесь же присутствовал и главный советник КГБ генерал-лейтенант Иванов. Нас проинформировали, что готовятся мероприятия по свержению режима Амина. В соответствии с планом руководства отряд должен был направить людей на аэродром, к генеральному штабу, на узел связи, в ХАД и царандой. При таком раскладе на основной объект — дворец Тадж-Бек — оставалась рота и два взвода. Соотношение сил и средств было явно не в нашу пользу. Поэтому на основании даже самых грубых расчётов я усомнился в возможности осуществить план, предложенный руководством. «Тогда разработайте свой», — сказал Магомедов.

Когда через некоторое время я доложил свой план, Магомедов с Ивановым, переглянувшись, объявили перерыв Пригласив нас вновь, Магомедов сказал, что мой план утвердили и я назначен руководителем операции. Но мне необходимо переговорить с Огарковым. Мы с Султаном Кекезовичем поехали на узел связи, откуда я по «Булаве» связался с Москвой. Начальник Генерального штаба ВС СССР приказал доложить свои соображения.

Я рассказал, что объект находится на господствующей высоте, задачу по его охране и обороне выполняет рота личной охраны Амина, бригада охраны, а от ударов с воздуха дворец прикрыт зенитным полком. Орудия и пулемётные установки полка находятся на позициях, которые в случае необходимости позволяют вести огонь по наземному противнику. Общая численность этих воинских частей составляет около двух с половиной тысяч человек. Кроме того не исключена возможность вмешательства двух танковых бригад, расквартированных под кабулом. В случае прибытия к дворцу, пусть и с некоторым опозданием, хотя бы одного танкового батальона остановить его будет нечем ввиду отсутствия противотанковых сил и средств. Также я объяснил начальнику Генштаба, что батальоны бригады охраны расквартированы в трёх городках. Для блокирования каждого нужно не менее роты. Плюс необходима рота для штурма самого дворца. Заканчивая доклад, я сказал, что, исходя из вышеизложенного, мне нужна рота десантников и взвод ПТУРС.

Выслушав меня Огарков пообещал выделить в моё

распоряжение необходимые силы и приказал подготовить и передать по ЗАС решение на штурм, которое должно быть подписано мной и Магомедовым.

Доклад был готов к трём часам ночи. Я и Султан Кекезович поставили свои подписи, и он был передан по ЗАС в Москву. С этого момента началась непосредственная подготовка к операции. Я разработал конкретный план захвата дворца, а также зенитного полка, поскольку без выполнения этой задачи нельзя было надеяться на осуществление основного замысла.

Полк предстояло захватить инженерному взводу, усиленному двумя расчётами АГС — 17. Гранатомётчики должны были отсечь огнём личный состав от средств ПВО на позициях, а сапёры — выйти к орудиям и пулемётным установкам и уничтожить их подрывом. Этой группой руководил подполковник Швец.

Заместителю командира отряда капитану М. Сахатову я поставил задачу отобрать людей для захвата танков, закопанных у дворца. Для этого нужны были бойцы, умеющие водить танки и вести из низ огонь. Кроме танковых экипажей в эту группу вошли четверо комитетчиков, два снайпера и два пулемётчика — всего двенадцать человек. На автомобиле ГАЗ — 66 они должны были выдвинуться мимо расположения третьего батальона и захватить три танка в капонирах.

Вторая и третья роты отряда, а также приданная рота десантников под командованием старшего лейтенанта Вострotина должны были блокировать расположение батальонов бригады охраны и не допустить их выхода из ППД.

Первой роте под командованием старшего лейтенанта В. Шарипова предстояло обеспечить продвижение ко дворцу группы «Гром» и «Зенита». Непосредственно штурм здания должны были осуществить группы спецназа КГБ совместно с двумя группами отряда…

План, отработанный на карте, я принёс на подпись Магомедову и Иванову. Однако, утвердив план устно, они свои подписи не поставили. Тогда в их присутствии я написал на карте: «План устно утверждён главным военным советником Магомедовым С. К. и главным советником КГБ Ивановым Б. И. От подписи отказались», поставил время, дату и свою подпись.

После этого мы с моим заместителем по руководству группами спецназа КГБ генералом Дроздовым отправились в отряд, чтобы поставить задачи участникам предстоящего штурма. Никто из исполнителей, кроме нас и Халбаева, не был посвящён в истинные планы, которые нам предстояло осуществить.

Поскольку комитетские группы не имели бронежилетов, мы отдали им свои. Подготовили штурмовые лестницы на случай,

если придётся штурмовать дворец по склонам, которые, кстати, были заминированы…

Первоначально штурм планировалось начать ровно в 21.00. Но 27 декабря время штурма было перенесено на более ранний срок, поскольку у нас возникли подозрения по поводу того, что афганцы догадываются о наших планах. Как позже выяснилось, подозрения эти имели под собой почву.

В 19.15, за пятнадцать минут до начала штурма группа Сахатова согласно замыслу выдвинулась к своему объекту. Проезжая через расположение 3-го батальона, спецназовцы увидели, что в подразделении объявлена тревога: в центре плаца стояли комбат и его заместители, личный состав получал оружие и боеприпасы. Мгновенно оценив обстановку, Сахатов принял решение захватить командование пехотного батальона. Автомобиль с нашими разведчиками внезапно остановился около афганских офицеров, и через считанные секунды те уже лежали в кузове ГАЗ-66. Автомобиль рванул вперёд, оставляя за собой шлейф пыли. В первые минуты афганские солдаты даже не поняли, что произошло, а когда открыли огонь вслед удаляющимся машинам, было уже поздно. Сахатов же метров через триста остановил машину, личный состав выпрыгнул из кузова и открыл огонь по солдатам батальона охраны. Оставшись без управления, афганцы наступали толпой и представляли собой прекрасную мишень. Два пулемёта и восемь автоматов спецназовцев оставили на поле боя убитыми более двухсот охранников. Снайперы тем временем сняли часовых, выставленных у танков.

Услышав стрельбу в расположении 3-го батальона, я дал команду на начало операции, запустив серию ракет. Две «Шилки» открыли огонь по дворцу, а ещё две — по расположению танкового батальона. Расчёты АГС — 17 работали по расположению 2-го батальона, не позволяя личному составу покинуть казармы. Вторая, третья и рота десантников на броне выдвинулись для блокирования батальонов бригады охраны, а первая рота совместно с группами спецназа КГБ устремилась к дворцу.

Дворец стоял на холме, возвышаясь над окрестностями метров на шестьдесят. К нему вела серпантинная дорога и пешеходная лестница шириной метра полтора. По ней шла группа лейтенанта Турсункулова и группа «Зенит». Под прикрытием огня «Шилок» рота Шарипова на БМП двигалась к дворцу по серпантину. Охрана дворца открыла по наступающим ураганный огонь. Головная БМП была подбита. Десант машину покинул и с помощью штурмовых лестниц начал взбираться на холм. Вторая

БМП столкнула подбитую, освобождая путь наступающим. Через десять минут после начала штурма девять БМП первой роты оказался на площадке перед дворцом.

Спецназовцы ворвались во дворец. Завязался жестокий бой с личной охраной Амина, состоявшей в основном из его родственников. К моменту проникновения штурмовых групп во дворец «Шилки» должны были прекратить огонь. Но в это время один из БТРов свалился в канаву, и командир экипажа своими просьбами о помощи забил нашу рабочую частоту. Управление временно было потеряно. Пришлось, как в старину, отправлять посыльного. Из-за заминки «Шилки» некоторое время били по дворцу, когда в нём уже работали наши группы. Через двадцать минут Тадж-Бек был взят. Охрана дворца практически вся погибла, в живых осталось около десяти человек.

Пока шёл бой, Сахатов со своей группой захватил танки и на одном из них двинулся к Генштабу, но был обстрелян десантниками, которые вместе с «зенотовцами» к этому времени здание уже захватили. Спецназовцы-то были одеты в афганскую форму, ехали на афганском танке, вот десантники и шарахнули по ним без лишних вопросов из «Мухи». Слава Богу, спецназовцы успели спешиться, и граната, прошив броню, никого не задела. Так, кстати, остался на ходу.

Когда Тадж-Бек был взят, тело убитого Амина в одном из окопов похоронил замполит отряда. Погибших защитников дворца похоронили их пленные товарищи немного позже и в другом месте. Хотя значительная часть солдат бригады охраны сдалась, бой после взятия Тадж-Бека не прекратился. В частности с остатками третьего батальона наш отряд воевал ещё сутки, после чего афганцы ушли в горы. А вот зенитный полк сдался практически без боя. Танковый батальон также не оказал достойного сопротивления. Всего было пленено около тысячи семисот афганцев. С нашей стороны во время штурма погибло десять человек: пять в отряде и пятеро в группах «Зенита» и «Грома».

Важную роль в том, что части кабульского гарнизона не были подняты по тревоге, сыграла диверсия, проведённая «зенитовцами» непосредственно перед штурмом. Они подорвали узел коммуникаций города, находящийся в специальном бетонном колодце.

Так минимальными силами с минимальными потерями был осуществлён государственный переворот в Афганистане.

Вечером следующего после штурма дня всех руководителей операции едва не уложил автоматной очередью наш же солдат. Когда мы ехали на аминовском «Мерседесе», нас обстреляли

недалеко от здания Генштаба, охраняемого десантниками. Первым заметил странные вспышки на асфальте и сообразил, что они означают, Олег Ульянович Швец. Он выскочил из машины и высказал часовому всё, что о нём думал. Пока ждали начальника караула, осмотрели «Мерседес», в капоте которого зияло несколько пулевых отверстий. Немного бы выше и… Юрий Иванович Дроздов подошёл к лейтенанту и негромко сказал: «Спасибо тете, сынок, за то, что ты своего солдата стрелять не научил».

В первый же день наступившего восьмидесятого года мы закончили передачу частям 40-й армии боевой техники и тяжёлого вооружения отряда. Второго января личный состав «мусульманского» батальона со стрелковым оружием был переброшен Ан-22 в Ташкент. В тот же день я попрощался с личным составом отряда, поблагодарил за службу.

Я увозил в Москву отчёты об операции, написанные её участниками, и списки представленных к наградам. В столице я доложил о ходе и результатах операции Петру Ивановичу Ивашутину, который руководил в то время ГРУ. Выслушав меня, он все подготовленные мной документы запер в свой сейф, приказав никому не рассказывать о том, что случилось в Кабуле. На следующий день меня вызвали на доклад к Устинову.

В приёмной министра было многолюдно. Трудно описать удивление многозвёздных генералов, увидевших, как полковника встречает порученец министра в звании генерал-лейтенанта, да ещё и помогает офицеру снять шинель.

В кабинете Устинов меня обнял, расцеловал, после усадил за стол и, достав пачку «Marlboro», предложил закурить. Я достал свой «Беломор», мы закурили, и я начал рассказывать. Когда министр увидел, что план операции не утверждён, а на нём стоит лишь подпись, которую я сделал в кабинете Магомедова, он покачал головой: «Я понимаю, почему осторожный кавказей Магомедов не поставил свою подпись на твоём плане. Но почему Иванов не расписался — понять не могу». Тактично промолчав, я продолжил рассказ. Министр слушал меня внимательно. Его интересовало всё, но особенно то, как вела себя в бою техника, насколько эффективны оказались ЗСУ и АГС — 17, инженерные боеприпасы, только появившиеся РПГ — 18 «Муха».

Когда я закончил доклад об операции, Устинов попросил рассказать о себе. Я сказал, что родители во время войны были партизанами и их на моих глазах расстреляли фашисты, что закончил суворовское, а затем пехотное училище, по распределению попал в спецназ, где и служу по сей день. Окончил Академию имени Фрунзе, командовал бригадой, сейчас

являюсь заместителем начальника направления по спецразведке. На вопрос министра, почему не поступаю в Академию ГШ, ответил, что на должность назначен недавно, да и возраст у меня предельный — недавно исполнилось сорок четыре года. Устинов сказал: «Передай Ивашутину, что я разрешаю тебе поступить вне конкурса». С этими словами он проводил меня до дверей. Увидев это, маршал Соколов, бывший тогда первым заместителем министра, сказал: «Ну, полковник, ещё никого из нас министр до дверей не провожал…».

Двадцать восьмого апреля был подписан Указ о награждении участников операции. Мне, Эвальду Козлову и ещё нескольким спецназовцам КГБ, погибшим при штурме, присвоили звание Героя Советского Союза. Орденом Ленина наградили семерых, в том числе Халбаева и Сахатова, хотя последнего я представлял к званию Героя. Двадцать человек, среди которых был и Олег Ульянович Швец, были награждены орденом Красного Знамени. Около шестидесяти человек наградили орденом Красной Звезды и ещё почти триста — медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». Всего же было награждено триста семьдесят участников операции «Шторм».

По окончании Академии Генерального штаба я был назначен на должность начальника направления спецразведки. В Афганистане полным ходом шла война. В начале 1984 года было принято решение об активном применении в Афганистане спецназа. Активное участие двух спецназовских бригад в боевых действиях требовали моего частого присутствия в Афганистане. Интересной работы было много, и скучать не приходилось.

Судьба других участников штурма дворца Тадж-Бек сложилась по-разному. Халбаев, командовавший отрядом, после развала СССР остался в Узбекистане, возглавлял 15-ю бригаду в Чирчике. Спустя некоторое время стал заместителем командира корпуса быстрого реагирования, недавно уволился в запас. Бывший замполитех отряда Ибрагимов после Халбаева командовал 15-й бригадой, затем преподавал в Военной академии Вооружённых Сил Узбекистана. После увольнения в запас живёт в Москве. Турсункулов, командовавший группой, которая вместе с «комитетчиками» штурмовал дворец по лестнице, ушёл в «Вымпел», уволился в звании подполковника и также проживает в Москве.

Многие из офицеров, участвовавших в операции «Шторм-333», ушли из спецназа в те рода войск, откуда их набирали в отряд. Володя Шарипов служил в Беллоруссии, закончил Академию имени Фрунзе, командовал мотострелковым полком, был заместителем командира дивизии. Заместитель

командира отряда капитан Сахатов после окончания Академии имени Фрунзе служил в Средней Азии, но потом, к сожалению, выпал из моего поля зрения.

Отряд после возвращения из кабула ввели в состав бригады. Но в том же 80-м году его доукомплектовали офицерами, личным составом и боевой техникой и совместно с таким же отрядом, сформированным в САВО, вновь направили в Афганистан…

«Спасибо за то, что ты был»

На этот раз Василий Васильевич собрал своих «братьев во кадетстве» в неурочное время. Не 9 мая по традиции, а в день своих похорон. Суровы и молчаливы были они у гроба. Немногословны были и их траурные речи на тризне друга. И лишь собравшись по обычаю наших предков в его доме на сороковой день они сообща как бы подвели итог этой жизни. Прослушав плёнку с записью их размышлений, реплик, тостов, я подумал, что нет и не может быть лучшего «материала» для заключительной главы очерка, чем эти живые голоса друзей Василия Васильевича, так созвучные с мыслями и интонациями его самого в запомнившемся мне том монологе. Тогда в его устах звучало: «Неужели ваши журналисты (приходилось молча проглатывать «ваши») не понимают, что, унижая нас, старшее поколение военных, они рубят сук, на котором сидит страна и они в том числе? Что за всеобщее умопомрачение?! Наоборот, сегодня в каждую молодую голову надо вкладывать наш опыт, нашу готовность к защите Родины».

И когда прозвучала фраза одного из выступающих на «сороковинах» «На каждом из нас лежит отблеск его любви к Родине», я, наверное, уже подпорченный нынешним цинизмом, изгнанием из лексикона высоких слов и понятий, вдруг с совестливым укором себе ощутил естественную простоту этих понятий в устах тех, кто ими живёт и ради их рискует жизнями. Одновременно сердце наполнилось радостью и гордостью воочию видеть и слышать эту наполненность высоким смыслом не каких-то абстрактных литературных положительных героев, а людей во плоти с конкретными биографиями.

Говоря о Васе (только так это имя упоминалось в их устах), они невольно говорили и о себе, и о своём времени. И вырастал из их разговоров образ Василия Васильевича как коллективный портрет поколения.

— Вася — наше Знамя.

— При жизни легенда.

— О нём будем внукам в книжках читать.

— Не любил, когда его хвалили. Говорил: «К чему культ личности?». Но когда есть личность, не страшен её культ.

— Я скажу как на духу: он повлиял на моё самосознание, на моё моральное самоутверждение. Однажды, вскоре после того, как Вася получил звезду Героя, мы разговаривали с одним из наших друзей. И тот сказал: «Знаешь, ведь Вася доказал не только своё геройство. Он показал, на что мы способны. Ведь каждый из

нас, окажись в его ситуации, повёл бы себя так же геройски. Он всех нас возвысил до Героя». У меня в ту пору был кризисный период, хотел отказаться от академии, бросить военную службу. Простая нехитрая мысль, что Васин героизм относится и ко мне, повернула моё самосознание, пристыдила за малодушие, вернула к чувству долга. И я поехал учиться в академию.

— Да, для нас, суворовцев, Вася — пример того, что у каждого может быть шанс из гадкого утёнка стать лебедем. Но феномен Васи глубже. Вы помните, в училище он ничем не выделялся. Никто, глядя на него, не мог бы сказать: «Лидер!» Претенденты на это звание, которые брали и статью и голосом, не всегда оправдывали ожидания. В Васе же удачно сочеталось обыкновенное и необыкновенным. Ведь для того, чтобы незаметный мальчишка в нужный момент стал Героем, надо, чтобы это «необыкновенное» в нём уже было.

И я вот думаю: где истоки этого «необыкновенного»? Они там, в суворовском училище, в той «булыгинской роте малышей» Булыгин ведь не только сказки нам рассказывал, он вливал в душу каждого любовь к родной стране, жажду справедливости, непримиримость ко злу.

— К козлу?

— И к нему — тоже!

— Согласен, что училище для Васи было чем-то большим, чем училище. Да, из той «булыгинской роты» почти все потом стали спецназовцами. Вася за всю свою жизнь никогда не терял связи с училищем, приезжал, встречался с новыми суворовцами, рассказывал им о Спецназе. Символично, что незадолго до своей кончины он снова съездил во Владикавказ. Он очень страдал, что училище в тяжёлом положении, и в материальном, и в моральном плане. Говорил, что все мы должны помогать ему.

— А ведь наше училище уникально! Это было единственное суворовское училище с 7-летним сроком обучения. С малого возраста семь лет повариться в этом котле…

— Не в сроке дело, а в качестве. Ведь нас воспитывали фронтовики. Один Нерченко Алексей Иванович, первый директор, чего стоит! Ещё в Гражданскую воевал, Великую Отечественную встретил заместителем командира дивизии, сражался под Смоленском, оборонял Москву. Недаром Вася часто вспоминал Алексея Ивановича, царство ему небесное.

— Знаете, как-то с Васей мы были в Майкопе. Там ведь в 43-м году было создано наше училище. И там в музее стоит его первое знамя. Вася как увидел знамя, счёл своим долгом сфотографироваться на его фоне.

— А каких только национальностей не было у нас! Как будто

все регионы страны были представлены. Но никому в голову не приходило, что Эдик Алексанян, например, — именно армянин и никто больше, паша Дулаев з осетин, Коля Дзидзигури — грузин, Лёня Мерменштайн — еврей, а Вася Колесник — украинец. Для нас они отличались только какими-то необычными фамилиями. И всё.

— Я только сейчас узнал, что Вася украинец.

— По привычке брать ответственность на себя я вот Паша Дунаев враждовал с Русланом Аушевым? Вот заладили ингуши с осетинами: кто кого первый обидел?..

— Я расскажу сейчас эпизод, когда наш спокойный неразговорчивый Вася «вышел из себя». Было это на одном приёме. Собралось много генералов, кажется, были и правительственные чины. Не буду называть фамилию генерала («необычную»), который самозванно захватил микрофон перед третьим тостом и понёс какую-то свою цветистую чушь. Мы с Васей были на периферии стола и, разумеется, о выступлении и не помышляли. Но тут Вася вскочил и заорал на этого, с микрофоном и «необычной» фамилией: «Ты что, не знаешь о ком третий тост? Офицеры, ко мне!» — скомандовал. Все вскочили, вытянулись по стойке «смирно» и выпили молча. Ещё не нарушилась ни скрипом ни звяком тишина, как Вася продолжил: «А четвёртый тост — за Георгия Жукова!» — и первым осушил полный фужер.

Тот от микрофона куда-то «слинял», а Вася разошёлся. Пошёл в пляс, организовал песни. Ну… в общем, оттуда мы возвратились, сами понимаете, поддерживая друг друга. Вася по дороге повторял: «Я тихий, тихий, но ты меня ещё не знаешь».

— А я хочу вспомнить другой эпизод. Вы знаете, что без Васи наши встречи 9-го мая вроде как неполноценные. В 79-ом году он мне позвонил накануне мая и сказал, что он не будет на встрече: длительная командировка. Действительно, много месяцев его не было ни видно, ни слышно. И вдруг среди зимы звонок: надо бы встретиться, кое-что обсудить. Когда встретились, он говорит: «Недавно был у Министра. Представлен к ордену Красного Знамени». Я догадался, что командировка его была в Афган. Где toq можно было получить боевой орден? «За что?» — спрашиваю. Молчит, как партизан. Прошло ещё какое-то время, снова звонок: «Понимаешь, — говорит, — обманули меня, дали не орден Красного Знамени, а Звезду Героя». Так и сказал: «обманули». Такой вот у него был юмор.

— Конечно, он тихий, не буйный. Смотрели как-то вместе телевизор где-то в гостинице. Кто плюётся, кто спорить начинает с экраном. А Вася тихо так, как бы про себя, говорит: «Не то, не

то, не то…».

— Как бы там не говорили, что «не было демократии» и т. д., была у нас первая армия в мире. И нам довелось служить в этой первой армии. Мы были как норовистые кони, за спины не прятались. Каким командиром был Вася! Как он подготовил 15-ю бригаду! В Афгане она дралась достойно. Многие часто вспоминали его излюбленное поучение: «Не надо бояться свиста пуль. Которая свистит, та не твоя».

— Надо же! Где мог погибнуть, не погиб, в здесь…

— Зато сразу, как от пули. Лёгкая смерть, как у святого.

— Тут разные оценки были: тихий — не тихий, заметный — незаметный. Вернёмся к суворовскому детству. Мало ли было тех, кто хотел ходить в павлиньих перьях. Вася не был павлином, это правда, не бросался в глаза. Но человек подлинной человечности не расталкивал других локтями, чтобы покрасоваться.

В нём постоянно шла моральная работа: как жить и для чего. Можно сказать, что к своему подвигу он шёл всю свою предшествующую жизнь.

Родина нам давала всё, что могла дать. Предъявлять к ней претензии, что не дала, чего недодала, могут только те, в «павлиньих перьях» Вася же как настоящий сын своей Матери-Родины любил её и гордился ею, какая бы она ни была и что бы с ней ни случилось. Это не просто красивые слова. Это суть красивого человека Васи Колесника.

— Вся жизнь его нам в назиданье. Чтоб быть таким, каким он был.

— Спасибо тебе, Вася, за то, что ты был.

Слушая эти разговоры, я думал, надо ли делать скидку на то, что, согласно пословице, «О покойнике — или хорошо, или ничего»? Возможно, какие-то теневые моменты так и остались в тени. Но там им и место, коль не они определяли эту личность! К тому же, с другой стороны, каждое произнесённое здесь слово перед лицом Небытия наполняется особенной ответственностью за правду, за искренность, за серьёзность. Кощунственно даже думать об искусственном приподнимании на котурны.

Пусть охвачена в этом разговоре лишь капля огромного океана жизни В. В. Колесника, но это именно та светлая капля, в которой, как в магическом кристалле, сфокусированы лучи его светлого облика.

Надеюсь, не будут на меня в обиде участники этого разговора из-за того, что я не обозначаю их имена, даю высказывания избирательно, не в том объёме и не в той последовательности, иногда не в прямом цитировании. Факты, мысли и оценки я не выдумал (авторы узнают себя), но я не привязываю их к

конкретным личностям, чтобы не отвлекаться от основного портрета.

Для меня все эти высказывания слились в единый мощный хор, гармонично оттеняющий соло того монолога, который произносил Василий Васильевич, осыпая меня риторическими вопросами и глядя глазами вселенской боли.

Альберт Устинов
Всё вокруг напоминает об отце

Не знаю, смогу ли я написать что-нибудь о папе. Уже много раз мысленно бралась за ручку, но на бумаге не смогла ничего написать… В голове мелькают какие-то фразы, мысли, не дают покоя вопросы, а 40 лет моей жизни пролистываются как цветные слайды… Все это очень личное и больное…

Не могу объяснить, но мне почему-то не хочется, чтобы о папе писали книги, снимали фильмы. Он самый обыкновенный человек и не совершал ничего героического, ничего из того, что не смог бы сделать любой нормальный человек. Папа просто честно и много работал, зачастую в ущерб семье. Он просто любил людей и добросовестно выполнял свою работу, так как его научили с детства. Он не лез в «герои», жил так, как мог. И мне не хочется, чтобы кто-нибудь, кому понадобится написать очередную диссертацию или пролезть на телевидение с очередным сенсационным сообщением, лезли в его жизнь, переворачивали всё с ног на голову. Так, как поступили с памятью тысяч людей, прошедших Великую Отечественную и отдавших свои жизни.

Я работаю всю жизнь среди гражданских людей, и мне неоднократно приходилось слышать весьма нелестные отзывы о военных: тупые, грубые, с одной извилиной, ограниченные, солдафоны… И я всегда задаю один вопрос: «А кто идёт в армию?» Дети из гражданских семей. Так на кого жалуетесь, кого вырастили — того и имеете в армии. Мужчины в армии — это лицо всего государства, всего народа. И если болеет армия, то это лишь одно из проявлений «болезни всего организма». Я не понаслышке знаю, что такое потерять близких людей. И всё равно не могу понять тех мам и жён, которые считают, что их жизнь, жизнь их детей должен защищать чей-то сын, чей-то муж, но не их. Своего-то жальче. Считают, что армия должна быть наёмной, т. к. им за эту работу будут больше платить, чем призывникам. А какая разница для матери, потерявшей ребёнка, сколько тысяч дадут за его жизнь. Или мой сын при мне, а остальные — не моя головная боль?

Очень часто, в последние 15–20 лет вспоминают царя-батюшку, как-де при нём хорошо жилось. Да только почему-то забывают, что на Руси ни при одном царе не было наёмной армии. Свою землю, своих родных защищали отцы и сыны не щадя живота своего. А наёмная армия во все времена покупалась теми, кто больше заплатит.

Вот и закономерный вывод: для того чтобы армию нельзя было перекупить, надо, чтобы она жила лучше других. Но, простите, так где же мы возьмём столько денег в бюджете, если мы элементарно не можем прокормить (причём в прямом смысле этого слова) нынешнюю голую армию? Может быть, это болезненные фантазии женской головки? Но мне не даёт покоя одна мысль (хотя, умом я прекрасно понимаю что она из разряда утопических): у нас в государстве не было бы всех этих проблем, если бы сыновья всех членов правительства, (и главы государства в том числе, так как, например, это принято в Англии) отслужили в армии рядовыми, вместе с детьми рабочих, крестьян, интеллигенции. А руководители предприятий имели право получать зарплату только в том случае, если её выплатили всем сотрудникам. Но у нас законы пишутся и не выполняются, начиная с «головы», а если что-то не устраивает в законах кого-нибудь, то закон просто дополняют или вообще меняют на другой.

У меня в родне много военных: деды, дяди, братья (родные и двоюродные) и даже сестра. И, конечно, папа.

Я не знаю, стал бы папа военным, если бы обстоятельства сложились иначе и его маленьким мальчиком не отдали в суворовское училище. Но я знаю, что он никогда не жалел, что стал военным.

И пока он служил в войсках, он делал всё для того, чтобы «чужие» мальчики, приходя в армию, получали хорошие навыки для жизни и, как это ни странно прозвучит, но и для семьи.

Мальчики, которые приходили в часть со школьной скамьи, обучались многим техническим специальностям (и после армии шли по ним работать), крепли физически, становились спортсменами. Мужали во всех отношениях, становились самостоятельными. И, кстати, если говорить об «извилинах», в те времена, когда учился в училище мой папа, интеллектуальному развитию курсантов и солдат уделялось не мало времени.

По-разному сложилась жизнь у выпускников военного училища. Не все из них стали кадровыми военными. Каков был уровень их подготовки, говорит то, кем они стали. Среди них есть и кандидаты исторических наук, технических, медицинских, дипломаты, военные переводчики, поэты, писатели, музыканты. И хотя судьбы у многих сложились непросто, все они вынесли из стен военного училища одно очень ценное качество: крепкую мужскую дружбу. И несмотря на то, что многие, закончив училище, не стали военными, у них у всех настоящее боевое братство, прочно спаянное их нелёгким военным детством.

И пока папа служил, он делал всё для того, чтобы мальчики,

пришедшие в армию, пользовались оружием только на полигоне, в учебке. И если в мирное время мальчикам приходится браться за оружие (вместо того чтобы учиться, работать, растить детей), то это, в первую очередь, вина и ошибки политиков в их большой игре.

Когда была на папиных поминках, слушала слова многих (одних знаю лично и очень хорошо, о других много слышала от папы) и ловила себя на мысли, что я очень мало знаю своего папу. Это и больно, и странно.

Большая часть его жизни была посвящена работе и друзьям — примерно процентов восемьдесят.

О папиной работе, не то что бы мы не интересовались (просто им был заведён такой порядок), дома почти ничего не говорили, особенно при детях.

Но, наверно, когда люди действительно любят друг друга, когда близки духовно, и не надо много слов, всё чувствуешь сердцем.

Когда мы были маленькими, то как все дети — очень любили ходить к папе на работу. Он иногда разрешал в части поплавать в бассейне, полазать в спортивном городке. И мы больше всего любили, когда он нас брал с собой на прыжки. Очень интересно было смотреть в небо, где из самолётов один за другим, словно пушинки от одуванчика, высыпаются парашютисты. Мы с нетерпением ждали момента, когда откроются парашюты — всё небо покрывалось белыми цветами. Потом парашютисты приземлялись и мы наперегонки бежали вручать букетики полевых цветов тем, кто смог приземлиться на две ноги и устоять (позже я узнала, что как раз те, кому мы дарили цветы, приземлялись неправильно. Красиво, но неправильно. Как раз они имели больше шансов поломать ноги, получить сотрясение позвоночного столба).

Для нас захватывающе интересно было наблюдать со скал, как в долине движутся колонны автомашин, бронетранспортёров, танков. Потом выяснялось, что эта мощь — всего-навсего «останки» былой роскоши, выставленные на полигоне для бомбометания… Так любопытно было всюду сунуть свой нос.

Наверное, с тех пор я очень люблю оружие, мне очень хотелось научиться прыгать с парашютом (брат свою мечту осуществил). Что-то хотелось делать, как папа, чему-то приходилось учиться, потому что папы никогда не было дома.

У меня, да и у сестры даже грамоты были по начальной военной подготовке в школе. Но к оружию отношусь, пожалуй, как к произведению искусства, как к одному из гениальных творений человеческого ума (которое человек, к сожалению,

использует на свою погибель). А вот когда решила прыгать с парашютом, пришла к папе за советом. И он мне его дал. «Конечно, ты можешь прыгать, но прежде подумай насколько важно для тебя иметь здоровых детей». Я поняла, что папа как никто другой, трезво оценивает всю сложность этой работы, какой бы красивой и лёгкой она ни казалась со стороны. И чем легче и красивее, тем больше профессионализм, больше сложностей во время учёбы.

Я хорошо помню всех «папиных» водителей, когда они служили в Средней Азии. Эти «дяди» к нам очень хорошо относились (хотя «дядям» самим было по 18–19 лет), играли с нами, когда была такая возможность. У нас сохранилось много вещей сделанных «папиными» солдатами. Это и маски из дерева и металла, различные панно, которые они вырезали или чеканили собственными руками. А вот — карандашный портрет моего младшего брата потерялся в один из наших переездов. Но до сих пор везде возим с собой маленький стульчик, который для трёхлетнего Миши сделали солдаты.

Потом, когда мы немного подросли, папа нам запретил появляться в части (особенно сестре и мне: все-таки Средняя Азия..). И хотя многие наши одноклассники нарушали запреты своих родителей и залезали на территорию части через забор, мы этого не делали. Папа к нам в этом отношении был очень строг. Приказы в нашем доме не обсуждались. Обычно домом командовала мама, но главой семьи всегда был папа. И мама никогда не вмешивалась в его служебные дела.

Однажды от одного из его подчинённых я услышала интересный отзыв о папе. «Я такого «ненормального» генерала вижу впервые в жизни. Ему не привозят продукты на дом, его жену и детей не развозят на служебном авто, в доме нет шикарной обстановки, и сам он к сыну приезжает очень редко (чтобы не маячить), тихо и на электричке».

Ещё мы очень долго не знали, что папа был в Афганистане. Мы, я имею в виду детей. Но не знать и не чувствовать — это разные вещи. Никогда не забуду новый год — 1980-й. Папа уехал в очередную командировку. Их у него было очень много. Я никогда не могла объяснить себе странное ощущение, которое возникало после отъезда папы в командировки. Папа вообще очень мало времени бывал дома: то на работе, то на собраниях, то на учениях, то на дежурстве, на учёбе, иногда на охоте или рыбалке (зачастую это была необходимость, а не увлечение. Когда во многих семьях даже к праздникам не было мяса), но при этом всегда ощущалось его присутствие. Иногда его не было дома по нескольку дней. И всё равно он был дома. А вот когда уезжал в

командировки, дом становился пустым, сиротливым (хотя мы все, как обычно были вместе с мамой). К их окончанию мы начинали скучать даже по запаху его папирос (которые терпеть не могли).

А в тот декабрь дома стало совсем неуютно. Повисла какая-то гнетущая тишина. Мама осунулась, бросалась к каждому телефонному звонку. Мы всё видели, но не спрашивали. Раз нам ничего не сказали, значит так надо. Но с тех пор так и не прошло ощущение тревоги от неурочных телефонных звонков. Ещё долгих десять лет папа «не вылезал» из афганских командировок. И с каждым приездом его виски становились всё белее и белее. Тогда я поняла, что значит читать по глазам.

За что папа получил Звезду Героя, мы узнали из журналов, из книг. И многие вокруг меня (те, с кем я общаюсь на работе) и до сих пор не знают, что мой папа Герой Советского Союза. У нас не принято об этом говорить.

Из всех льгот, которыми когда-либо пользовался папа и мы, — это плата за жильё и проезд на транспорте. А зачем? Ведь всё, что сделал папа, было не ради награды, не ради денег, просто иначе он не мог.

Больше всего на свете папа любил читать книги. И после работы самым любимым отдыхом для него было полежать на диване с книгой, да ещё и при включённом телевизоре (он мог и читать и слушать одновременно). Но вот рассказывать прочитанные книги он не любил. И даже в детстве, когда он нам рассказывал сказки, ухитрялся каждый раз рассказывать одну и ту же сказку на новый лад (сказка о хитром портняжке).

А ещё папе очень хотелось иметь собаку, но из-за его работы собаки у нас так и не было. Но зато у нас было столько разных птиц и зверей! Все знали папину слабость к животным и приносили нам разных подранков. Иногда мы сами приносили бездомных птиц и котов. Если их всех собрать можно было бы сделать маленький зоопарк: кабарга, лис, заяц, филин, кряква, удод, черепахи, ежи, коты, рыбки, воробьи, ласточки, щегол, канарейки, попугаи. Но, пожалуй, больше всего запомнился лисёнок. Он появился у нас ранним дождливым утром. Папа пошёл на автобусную остановку, там их забирала утром служебная машина (мы тогда жили в Уссурийске). И неожиданно вернулся. Мы думали, что он что-то забыл. Но вдруг из-под мокрющей плащ-накидки раздалось тявканье. Мама сразу возмутилась: «никаких мне собак…». И тут высунулась маленькая рыжая мордочка с чёрненькими бусинками глаз. Папа опустил гостя на пол и сказал: «Это же лисёнок». Он его пожалел и купил у пьяницы на остановке за три рубля. Так в нашем доме поселился Рыжик. Поначалу это был запуганный маленький

зверёк, но постепенно он освоился, отъелся, подрос и стал чувствовать себя героем дня. На него смотреть ходили целые экскурсии из школ и детских садов. А мы под папиным руководством его дрессировали. Когда он стал взрослым лисом, родители решили привезти его в Москву и подарить в уголок Дурова (мама писала в театр). Но папе не дали отпуск. У нас несколько раз пытались украсть лиса на воротник. И тогда папа решил отпустить лиса в тайгу. Сразу этого делать нельзя, ведь он привык к людям. Тогда его отдали на станцию при Уссурийском заповеднике — дали ему возможность «одичать». Мы его несколько раз проведывали там. Для нас это была трагедия. Мы так любили Рыжика. Но папа сказал, что он все-таки дикий зверь и в лесу ему будет лучше. Летом его выпустили в тайгу. Некоторое время он приходил к избушке лесника, там его подкармливали. А уже по снегу он пришёл не один и с тех пор совсем ушёл в лес.

Вот уже больше полгода нет папы… До этого не стало младшего брата… И с каждым из них из жизни уходит что-то неповторимое, и ты вдруг понимаешь, что никогда (это страшное слово) ни один день в своей жизни не повторить, не вернуть, не изменить ни одного сказанного слова.

В жизни мы так часто срываемся на злость, на резкость и так скупы в проявлении своих лучших чувств.

Из-за папиной работы я очень часто страдала (не знаю, как сестра с братом). Мне очень не хватало его присутствия, его внимания, интереса к моим делам (я знаю, что от мамы он всё знал о нас). Но мне он был нужен сам. И вот сейчас, когда его не стало, я понимаю, что он как мог старался быть с нами.

Всё на что я смотрю, за что берусь, связано с ним. И не только дома. На работе? Часы — подарили папе друзья на день рождения; маска — сделал один из его солдат; календарь-еженедельник — каждый год он мне приносил для работы; ручки (мне всегда говорят: «Какие у тебя красивые ручки! Откуда у тебя такие?» — папа знал мою слабость к красивым ручкам.

Недавно мне сказали: «Ты такая же прямолинейная, как твой отец. И если ты считаешь, что права, то тебя не переубедить изменить своё решение».

И конечно же папу потрясла смерть сына. Наверное, он себя винил, что не сумел сберечь сына. Я уверена, что эта мысль не давала ему покоя, хотя бы потому что он ужасно не любил бывать на кладбище. Пожалуй, лучше сказать, он редко бывал на кладбище. Разве можно любить свою боль. И он её глушил, как мог: работа, работа, работа… И терпеть не мог болеть — тогда мысли брали верх.

Когда Миша последний раз разговаривал с папой по телефону (мама по папиным глазам поняла — Чечня. Миша просил не давать маме трубку. Он боялся её уговоров, её слёз), папа заикнулся, что мог бы найти возможность… Но Миша ответил ему: «Папа не надо. Я всё равно поеду, иначе я не смогу смотреть своим подчинённым в глаза. Папа-генерал спрятал своего сыночка». И папа отступил… Есть время, когда каждый совершает свои мужские поступки. Папа положил трубку… и в доме повисла тишина, ощущение неизбежной беды.

А скольких мальчишек он избавил от Чечни! И хоть он об этом никогда не говорил, смерть Миши его подкосила. И если бы ни необходимость помогать сестре и мне растить детей, это случилось бы гораздо раньше.

Ольга Колесник
Мысли об ушедшем друге

Безвременно ушёл из жизни мой настоящий друг и общий любимец, гордость кадетов-суворовцев Кавказского Краснознамённого суворовского офицерского училища Василий Васильевич Колесник, генерал Советской Армии, Герой Советского Союза, представитель опасной профессии — военный разведчик-спецназовец.

Нестерпимое горе настигло нас, горе, которое никак не поддаётся реальному восприятию моим сознанием, сознанием родных и близких, друзей, товарищей, сослуживцев, людей, знавших Васю Колесника и общавшихся с ним. Эта неожиданная утрата — удар для всего нашего кадетского сообщества, глубокая рана для каждого питомца нашего училища. К сожалению, это случилось, оставив в душах скорбь и вечную память о нашем дорогом друге.

Вспоминая и оценивая наши 57-летние дружеские отношения, достаточно хорошо зная не понаслышке его жизненный путь, начиная с детских лет, по совместной учёбе в суворовском офицерском училище, его служебную офицерскую деятельность, успехи и достижения, отзывы и суждения о Василии Васильевиче друзей и товарищей, сослуживцев, я уверенно и совершенно объективно осознаю, что из жизни ушёл Великий Человек, Великий гражданин нашей Родины, преданный сын и патриот своей страны, достойнейший представитель советского народа, образец настоящего защитника Отечества. Для нас, суворовцев-кавказцев, Василий был и останется в нашей памяти гордостью и честью, образцом дружбы и товарищества.

Вся сознательная жизнь Василия Васильевича была посвящена преданному служению советскому народу, его процветанию, защите нашей Родины. Оставшись в 6-летнем возрасте сиротой после злодейского расстрела фашистскими палачами его родителей, он в 10 лет вместе со своим родным старшим братом Юрой надел алые погоны воспитанников Краснодарского суворовского военного училища. В суворовском училище под руководством высококвалифицированных, беспредельно преданных своему профессиональному долгу руководителей училища, офицеров-воспитателей, их помощников, военных и гражданских учителей-преподавателей Вася начал реализовывать свою детскую мечту стать офицером и на практике осваивать азы светского этикета и поведения, а также

тяжёлого армейского труда.

Об исключительных заслугах в учёбе Васи я ничего особенного и примечательного вспомнить не могу, но достоверно знаю, что учился он старательно, был дисциплинированным суворовцем, хорошим и надёжным товарищем, незаурядным спортсменом-легкоатлетом. Суворовцы уважали его за простоту и скромность, честность и справедливость, открытость и добропорядочность к окружающим, уважение к своим собратьям-суворовцам, упорство и настойчивость в преодолении трудностей. Эти и многие другие положительные человеческие качества воспитанные в нём наставниками, стали неотъемлемой чертой поведения, расцветали и приумножались в дальнейшей его жизни, деятельности и воинской службе. Откровенно говоря, сколько бы ни задумывался, напрягая свою память, не могу припомнить какой-либо недостойный поступок со стороны Васи при обращении с друзьями и окружающими его людьми. Даже удивляюсь себе, что я объективно не могу назвать ни одного отрицательного качества и его характере и поведении. Но это именно так, это действительность. Таким он был и живёт в моей памяти.

Описывать и характеризовать дальнейшие, после окончания офицерского училища, этапы и периоды его военной службы и деятельности, героические действия при выполнении правительственного задания в тяжелейших условиях Афганистана не берусь, так как знаю о его последующем жизненном пути либо из рассказов самого Васи, его родных и близких, товарищей-сослуживцев, его учеников и последователей, либо из написанных и опубликованных в последнее время (часто не всегда точных и объективных) статей и материалов в печати и других средствах массовой информации.

Я искренне и объективно выразил свои чувства и отношение к Васе, оставшиеся у меня в памяти в результате бесчисленных долголетних взаимных отношений, в различных ситуациях и случаях. Такой яркий и светлый образ моего большого друга Василия Колесника останется со мной до последних дней.

В заключении мне хотелось бы для того читателя, который не знаком с нашим училищем, дать краткую историческую справку о нём.

Краснодарское (впоследствии Северо-Кавказское, Кавказское, Орджоникидзевское) суворовское военное училище было создано в 1943 году. Просуществовало 24 года, будучи, на наш взгляд, необоснованно расформировано в 1967 году. За эти годы было произведено 20 выпусков, выпущено 1862 человека, из которых 204 суворовца закончили училище с золотой медалью и 179 — с

серебряной. Подавляющее число выпускников посвятили свою жизнь Вооружённым Силам. Училище дало Родине 35 генералов, среди которых генерал-полковник Ф. М. Кузьмин, Г. П. Касперович, С. Н. Суанов, генерал-лейтенант А. И. Мокроусов, В. П. Криунев, Г. В. Кащенко и другие. Гордостью и славой училища являются Герой Советского Союза генерал-майор В. В. Колесник и Герой Российской Федерации генерал-майор А. И. Отраковский. 12 человек стали докторами наук, более 100 — кандидатами наук.

В училище воспитаны более 15 мастеров и кандидатов в мастера спорта, сотни перворазрядников по различным видам спорта.

В соответствии с Договором от 4 августа 1999 года между Министерством обороны Российской Федерации и Правительством РСО-Алания было принято решение о возрождении Северо-Кавказского суворовского военного училища с 7-летним сроком обучения. В училище в настоящее время обучаются дети 19 национальностей из 9 регионов России. Преимущественное право поступления в училище предоставлено детям-сиротам, беспризорникам.

История Краснодарского-Орджоникидзевского училища, как и других суворовских училищ страны, убедительно свидетельствуют о том, насколько полезна и плодотворна их работа по подготовке и воспитанию командных и инженерных кадров, для которых честь Родины превыше всего.

Кадет на то и есть кадет,
Чтоб знала Русь и ведал свет,
Что крепче братства в мире нет,
Что в жизни нам одна дорога —
Святой суворовский завет:
Служить Отчизне с верой в Бога
От юных до преклонных лет!

Александр Чернявский
Слово о брате-ровеснике

Не верится, что Василия Васильевича нет, хотя было торжественное пронзительное прощание, поцелуй в родной, но холодный лоб, похороны, залпы прощального салюта, хотя ушли уже 9 из 40 дней.

Странно, но всё это воспринималось, как кадры из жуткого фильма, где энергичный и любимый друг согласился сняться в небольшой трагической роли. В фильме тяжёлом, надрывающем сердце, который обязательно кончится, и мы вновь будем обниматься, говорить, шутить и очень уважительно слушать его спокойную, простую, логичную, иногда ироничную речь. Мы будем радоваться теплоте общения и общности, тому, что этот жуткий фильм кончился, а Вася с нами и, значит, есть друг, единомышленник, суворовец-кадет, генерал. Герой Советского Союза, добрый, внимательный и очень надёжный, скромный человек огромного обаяния и незаурядной духовной силы.

Не верится, несмотря на рыдающих близких, друзей, суровых с печальными каменными лицами генерал-полковников в почётном карауле у незакрытого, утопающего в цветах гроба; несмотря на огромную концентрацию горя в церемониальном зале госпиталя им. Бурденко, битком забитом печальными людьми в военной форме и в штатском, людей разного возраста и разных национальностей, объединённых большим человеческим горем и связью своей судьбы, жизни, служением Родине. Каждый из них был очень обязан ему: спасением собственной жизни и совести, утверждением в себе высоких идеалов и абсолютной убеждённостью в святости Долга перед Родиной и Народом, умением побеждать и спасать, не терять себя и надежду, несмотря ни на что, на Победу.

Мне кажется, что и этим людям, как и мне, не верится, что мы не будем ощущать его тепло, его доброту, его умение зажечь и студить сердце, его спокойной силы и непоколебимой веры в людей, в правоту и святость дела, которое они делали с ним и под его руководством.

С 1945 года — года Великой Победы, я знаю Василия Васильевича, который был сыном победившей Родины. Тогда мы его звали Вася, а он был скромным, пытливым, серьёзным мальчиком, иногда с очень грустными глазами. Я помню его и вдумчивым, и серьёзным, весёлым и озорным суворовцем, прекрасным курсантом, к которому тянулись мальчишеские

сердца, хотя он и сам был мальчишкой. Я помню его курсантом-отличником, для которого учёба была главным и очень серьёзным делом, который никогда не подводил ни друзей, ни командиров, ни подчинённых, очень требовательным к себе и к другим.

Жизнь развела нас после училища по разным местам нашей Великой Родины, по разным военным специальностям, среди которых его специальность воспринималась мной как очень трудная и героическая.

То, что он стал Героем Советского Союза и генералом, все наши ребята и я, восприняли как естественные ступени его жизненного пути — служения Родине и Народу. Когда мы видели слёзы на суровых лицах молодых и не очень молодых, и не совсем старых его соратников, мы знали, что это слёзы подлинной любви, скорби и утраты. Когда один из них назвал его в прощальном слове великим человеком, он выразил то, каким он и был в жизни. Хотелось добавить, что Василий Васильевич был и человеком великой человечности. Его человечность проявлялась постоянно и скромно, без позы. И в семье, и среди друзей, подчинённых он был ровен в своей великой требовательности к себе и к ним.

В моём сознании Василий Васильевич — человек, суворовец, курсант, боевой офицер и генерал, Герой Советского Союза, нежный муж и отец — живёт как нечто единое, цельное, неумирающее и светлое.

Спасибо, Василий Васильевич, тебе и твоим близким, особенно Кате и Оленьке, что ты был с нами, всегда живёшь и будешь жить, как и в делах и сердцах тех, кто обязан тебе жизнью, человеческим достоинством, кто называл тебя Батей.

Как и все наши суворовцы-кавказцы, звали, зовём и будем звать тебя братом — братом-ровесником, братом любимым, пока мы сами ни уйдём в другую жизнь, в которой сейчас светится жизнь твоя, чтобы продолжить жить с тобой.

А. И. Анцышкин
Он весь светился изнутри

Впервые я встретился с Василием Васильевичем Колесником в 1956 году, когда прибыл в Приморье к месту службы. Мы оба получили назначение в отдельную роту специального назначения, которой командовал старший лейтенант Бреславский В. Е.

Место глухое и живописное. Вокруг — сопки, ближайшая деревня в восьми километрах. В посёлке Екатериновка на одну минуту останавливался поезд, который проходил по железной дороге Владивосток-Находка. Отсюда началась наша лейтенантская служба и холостяцкая жизнь.

Но холостяковали мы недолго. К Василию приехала жена, вернее невеста, ставшая женой. Но наша дружба не прервалась. Здесь у Василия и Екатерины мы, холостяки, нашли приют и внимание. Служба заполняла все дни, а в короткие часы отдыха мы шли к Василию с Катюшей. В службе мы не уступали друг другу, только я уступал на «семейном фронте». Все завидовали Василию, но я не спешил жениться.

Шли месяцы. Так случилось, что нас перебросили в Польшу. В товарняках — через весь Союз. Теперь мы оба были ротными в отдельном батальоне специального назначения. Интересная служба, новая обстановка ещё больше сблизила нас. К тому же через год я женился. Так что теперь со службы и меня ожидала жена. Так мы стали дружить семьями.

Василий — хороший друг, честный человек, целеустремлённый, немного прямолинейный, без хитрости и лицемерия. Службе отдавал всего себя. Старался делать её интересной, творческой, с искоркой. Изматывающие марш-броски превращал в захватывающую игру, соревнования. На него было приятно смотреть во время марша или на занятиях. Он весь светился изнутри, зажигая азартом своих подчинённых и своих сослуживцев. К солдатам относился заботливо, с пониманием. Не зря они его называли «Батей». Он не гнушался на марше у ослабевшего новичка взять рюкзак с карабином и помочь ему догнать взвод, перевести дыхание, при этом старался не унизить его достоинство, старался воспитывать у старослужащих заботливые товарищеские отношения. Его изобретательности можно было позавидовать. Василий был настоящим коммунистом, патриотом своей страны, чему учил и своих солдат.

Чтобы солдаты не скучали по дому, мы частенько устраивали

смотры, концерты, выезды на природу, экскурсии. Как-то командир предложил соревнования по художественной самодеятельности на приз. Учитывалось и состояние казарм, внешнего вида и многое другое. Наши жёны шили шторки, вышивали салфетки на тумбочки.

На концерте старались переплюнуть один другого лучшими номерами. За всем следили ревниво, строго. Ни в чём не уступали друг другу. Комиссии пришлось бы трудно выбрать лучшую роту. Затаив дыхание, ждали окончания концерта. Вдруг на сцене появляется девчушка с рыжими кудряшками, ей всего 4,5 года. Она почти целый час развлекала зал стихами, сказками и танцами. Зал от номера к номеру взрывался аплодисментами, вызывая её на «бис». Концерт окончен… Первое место заняла рота Василия. Буря аплодисментов, поздравления и немного грусти о первом месте. А это — аккордеон. Обидно, но справедливо. У нас не было такой Наташки, как у Василия. Это была его дочь.

Судьба нас то разводила, то опять сводила, но дружба наша продолжалась, хотя я уже не был в Спецназе. Я завидовал, в хорошем смысле этого слова, другу, его семье. Сейчас нашу дружбу продолжают наши дети. Я потерял лучшего друга, часть своего сердца. Память о нём будет всегда со мной. Вечная ему память. Скорблю вместе с его семьёй.

Лобачев Г. А., генерал-майор
Как штурмовали дворец Амина

Автор этого очерка профессиональный разведчик Юрий Иванович Дроздов во время операции «Шторм-333» руководил действиями спецподразделений КГБ — групп «Зенит» и «Гром». Его рассказ, повторяя канву событий во время штурма дворца Амина, уже знакомую читателю по воспоминаниям руководившего всей операцией В. В. Колесника, даёт дополнительные сведения, раскрывающие политическую и международную подоплёку непростых решений о вводе советских войск в Афганистан.

На этом фоне ещё ярче и отчётливее вырисовывается героическая роль В. В. Колесника, его воинский и гражданский подвиг.

Силы для проведения этой акции формировались постепенно. В середине сентября сразу же после захвата власти Хафизуллой Амином в Кабул прибыли 17 офицеров из спецподразделения КГБ СССР во главе с майором Яковом Семёновым. Они разместились на одной из вилл советского посольства и до поры до времени работали в различных ведомствах.

17 декабря 1979 года, на 19.00, я был вызван к Ю. В. Андропову вместе с Крючковым. Поскольку уточняющие вопросы о предстоящей беседе задавать было не принято, а документы управления, требующие внимания Андропова, были доложены Крючкову, я полагал, что мог потребоваться для более подробных объяснений по их содержанию.

Андропов приветливо поздоровался с нами, предложил горячего чаю с лимоном. Он быстро рассмотрел срочные документы, касающиеся деятельности нелегальной разведки, и заговорил о положении в Афганистане. Заканчивая беседу, Андропов попросил меня вылететь на несколько дней в Кабул, ознакомиться с обстановкой на месте, посмотреть, чем занимаются сотрудники, прибывшие туда в ноябре.

Беседу он закончил словами: «Обстановка там сложная, назревают серьёзные события, а ты у нас один из тех, кто по-настоящему воевал».

Я спросил: «Когда вылетать?». Юрий Владимирович посмотрел на Крючкова, который включился в беседу, и сказал: «Завтра утром в 6.30, аэропорт Чкаловский». Исходя из содержания беседы, я попросил информировать наше представительство в Кабуле о моём вылете и характере задания.

Андропов сказал, что это будет сделано Крючковым, и тепло попрощался со мной.

Вернувшись в управление «С», я отдал необходимые распоряжения подполковнику Э. Г. Козлову, сказав, что завтра, рано утром, вылетаем на несколько дней в Кабул. Все в отделе следили за обстановкой в кризисной точке, и ему без слов было ясно, что необходимо сделать до вылета. Как говаривал Александр Васильевич Суворов: «Солдатские сборы недолги. Вели закладывать бричку — и поехали».

Утром 18 декабря по дороге в аэропорт, сидя в машине, вспоминал всё, что мне было известно об Афганистане. Нужно заметить, что наши предки к этой стране как району возможных операций русской армии относились весьма серьёзно. Что же ожидало нас?..

Впервые с афганской проблемой мне пришлось столкнуться в Нью-Йорке. Внимательный анализ ситуации ещё в 1978–1979 годах подтверждал обоснованность тревоги руководства СССР за состояние южных границ страны. Изменения в политической жизни Афганистана в 1978 году серьёзно обеспокоили противников Советского Союза, ибо затрудняли осуществление их планов. В ЦРУ, например, было решено с помощью специально подготовленной агентуры противодействовать укреплению режима Тараки.

Американские разведчики, готовившие агентуру из числа афганцев, утверждали, что так просто русским Афганистан не отдадут, что создадут международную вооружённую коалицию сопротивления новому демократическому режиму и всеми силами будут добиваться ослабления советского влияния в стране, вплоть до развёртывания басмаческого движения в советской Средней Азии. С какой целью? Закрепление в Афганистане приблизило бы США к уникальной кладовой мира — Таджикистану.

В период «атомного бума» Советский Союз провёл тщательную разведку на Памире. Её результаты, ставшие известными Западу, особенно по запасам урановой руды, давно не давали покоя монополистам многих стран. Поэтому и сегодня всеми силами Россию пытаются вытеснить из Таджикистана, спешат построить из Исламабада на Памир автомагистраль, проложить новый Шёлковый путь через Горный Бадахшан.

За спиной России, оказывающей экономическую и военную помощь Таджикистану, ряд западных и израильских фирм пытаются перекупить добычу полезных ископаемых здесь.

Недавно в Душанбе побывал гражданин Израиля Аркадий Фукс, который вёл с местными руководителями переговоры о

том, как не пускать в Таджикистан русские компании, а через подставные (американские, английские, китайские) фирмы произвести захват горнодобывающей промышленности Таджикистана.

При чём тут Таджикистан, если речь идёт об Афганистане?

Да при том, что всё это начиналось ещё тогда, в 70-е годы. И речь тогда шла о необходимости защиты южных рубежей страны, о сохранении в руках советского народа перспективных источников энергии и других богатств Памира. Разведка предупреждала о возможном развитии событий. А сегодня? Практически только 201-я мотострелковая дивизия и наши пограничники своими силами и кровью гарантируют безопасность закулисных сделок западных фирм по вытеснению России из экономики Таджикистана, в создании и развитии которой она принимала и принимает непосредственное участие. Парадокс!

Инертность России в этом регионе может обойтись ей дороже, чем ошибочное решение советского руководства о вводе войск в Афганистан в 1979 году.

Бывший директор ЦРУ С. Тернер в своих мемуарах даже утверждает, что они о предстоящем вводе нашего ограниченного контингента узнали заблаговременно, а следовательно, администрация Соединённых Штатов имела возможность, если бы хотела, воспрепятствовать этому. Располагая практическим опытом ведения длительной войны на чужой территории (Вьетнам), военно-политические круги США внимательно следили за развитием обстановки в зоне возрастающего конфликта в Афганистане.

Несмотря на то, что от технических средств американской разведки не ускользнули произведённые перемещения некоторых соединений, среди американских политических деятелей и аналитиков разведки в то время всё же не было единого мнения о готовности и возможности осуществления Советским Союзом военного вторжения в Афганистан. Эксперты исходили из того, что втягивание нашей армии в афганский конфликт ляжет тяжёлым бременем на экономику, не говоря уже о потерях в человеческих ресурсах, чего, безусловно, не избежать. Но можно однозначно утверждать, что среди немногих, кто страстно желал всего этого, был известный своим иезуитским отношением к СССР Збигнев Бжезинский, рассматривавший обескровливание Советского Союза в афганской войне как своего рода компенсацию тех потерь, которые США понесли во время вьетнамской кампании.

Наряду с традиционными методами ведения разведки

американцы определённое значение придавали проведению в Афганистане тайных операций военного характера, на что в дополнение к уже утверждённому бюджету ЦРУ Конгресс США выделил 40 млн. долларов.

ЦРУ в Афганистане по-настоящему воевало с СССР. Об этом довольно обстоятельно писал в газете «Вашингтон пост» американский журналист Стив Колл. Он сообщал, что в октябре 1984 года военно-транспортный самолёт С-141 «Старлифтер», на борту которого находился директор ЦРУ Уильям Кейси, приземлился на базе ВВС южнее Исламабада. Директор ЦРУ совершил эту секретную поездку для планирования стратегии войны против советских войск в Афганистане. Вертолёты доставили Кейси в три секретных учебных лагеря близ афганской границы, где он наблюдал, как повстанцы-моджахеды вели огонь из тяжёлого орудия и учились делать бомбы из пластиковой взрывчатки и детонаторов, поставляемых ЦРУ. Во время визита Кейси поразил пакистанских лидеров, предложив им перенести афганскую войну на вражескую территорию — в Советский Союз. Кейси хотел переправлять подрывные пропагандистские материалы через Афганистан в южные республики СССР, где проживает преимущественно мусульманское население. Пакистанцы согласились, и вскоре ЦРУ поставило тысячи экземпляров Корана и другой исламской литературы.

Как рассказал пакистанский генерал Мохаммед Юсаф, Кейси заявил: «Мы можем причинить много вреда Советскому Союзу».

Визит Кейси был прелюдией к секретному решению администрации Рейгана в марте 1985 года, нашедшему отражение в директиве по национальной безопасности № 166 о резком усилении секретных операций США в Афганистане. Оставив политику простого противодействия советским войскам, команда Рейгана тайно решила применить на поле боя в Афганистане американские высокие технологии, чем попытаться деморализовать советских командиров и солдат. Эта новая тайная помощь США началась с увеличения поставок оружия, а также с «непрерывного потока» специалистов из ЦРУ и Пентагона, которые приезжали в секретную штаб-квартиру управления (УМР) Пакистана, находившуюся близ Равалпинди. Там специалисты ЦРУ встречались с офицерами пакистанской разведки и помогали им в планировании операций афганских повстанцев. В сезон боевых действий в Афганистане порой до 11 групп из пакистанского УМР, обученных и снабжённых ЦРУ, сопровождали моджахедов через границу для наблюдения за их действиями.

По информации Юсафа и западных источников, эти группы нападали на аэродромы, склады горючего, повреждали линии

электропередачи, мосты и дороги. Специалисты из ЦРУ и Пентагона снабжали моджахедов подробными фотоснимками со спутников и планами советских целей вокруг Афганистана, передавали американские радиоперехваты переговоров советского командования на поле боя.

ЦРУ поставляло надёжные средства связи и обучало пакистанских инструкторов пользоваться ими. Эксперты психологической войны привозили пропагандистские материалы и книги.

Эскалация тайных операций малой войны со стороны США против СССР, начатая в соответствии с директивой Рейгана по национальной безопасности в 1985 году, содействовала изменению характера афганской войны, придавала более обострённый характер.

Летом 1994 года в США в издательстве «Атлантик мансли пресс» вышла книга Питера Швейцера под громким названием «Победа», раскрывающая тайную стратегию администрации Рейгана, ускорившую распад Советского Союза.

Швейцер, опираясь на до сих пор засекреченные американские документы, к которым он сумел получить доступ, утверждает, что США оказывали широкую финансовую помощь афганским моджахедам, способствуя наращиванию поставок современных вооружений и разведывательных данных. При этом они рекомендовали использовать эти поставки как для борьбы в самом Афганистане, так и для организации «операций непосредственно в Советском Союзе».

Конечно, решать афганскую проблему тогда надо было более резкими политическими демаршами по дипломатическим каналам. Почему этого сделано не было, мне неизвестно.

Когда 27 декабря 1979 года я разговаривал из Кабула по ВЧ с Андроповым, то он, заметив: «Это не я тебя посылаю», перечислил мне членов Политбюро, находившихся в переговорной комнате, что означало принятие продуманного коллективного (ответственного) решения.

В феврале 1992 года навестившие меня в Москве новые партнёры по бизнесу, бывшие сотрудники ЦРУ США, и американские журналисты очень интересовались участием спецназа КГБ и ГРУ в войне в Афганистане. Они были так настойчивы, что мне пришлось остановить эту атаку, сказав одному из них:

— Не будем трогать Афганистан. Из присутствующих мы двое здесь знаем правду, каждый со своей стороны. Если мы поднимем на страницах прессы эту тему, вряд ли это будет способствовать укреплению наших новых партнёрских отношений. Не надо.

Американец смутился, немного подумал и ответил:

— А ведь правда, тогда очень многое проходило через мои руки. Лучше не будем трогать эту тему.

— Уже в этих двух фразах — сенсация, — подытожил корреспондент толстого американского журнала.

Американцы сдержали своё слово и в афганскую тематику в дальнейших беседах не углублялись.

Так как же всё-таки всё было тогда?

В воспоминаниях участников тех событий есть личное восприятие происходившего вокруг, своё понимание картины боя. Я, как и они, храню в своей памяти события тех дней и испытываю тёплое чувство признательности к тем, кто был рядом, чувство вины и боль за тех, кого не уберёг.

Далее, чтобы понятнее был ход событий, я приведу выдержку из книги генерала А. А. Ляховского «Трагедия и доблесть Афгана»:

> «8 декабря в кабинете Л. И. Брежнева состоялось совещание, в котором принял участие узкий круг членов Политбюро ЦК КПСС: Ю. Андропов, А. Громыко, М. Суслов и Д. Устинов. Они долго обсуждали положение, сложившееся в Афганистане и вокруг него, взвешивали все «за» и «против» ввода туда советских войск. В качестве доводов необходимости такого шага со стороны Ю. Андропова и Д. Устинова приводились: предпринимаемые ЦРУ США (резидент в Анкаре Пол Хенци) усилия по созданию «Новой Великой Османской империи» с включением в неё южных республик из состава СССР; отсутствие на юге надёжной системы ПВО, что в случае размещения в Афганистане американских ракет типа «Першинг» ставит под угрозу многие жизненно важные объекты, в том числе космодром Байконур; возможность использования афганских урановых месторождений Пакистаном и Ираком для создания ядерного оружия; установление в северных районах Афганистана власти оппозиции и присоединение этого региона к Пакистану и т. п.».

На том совещании было принято решение проработать два варианта: руками спецслужб КГБ устранить Хафизуллу Амина и поставить на его место Бабрака Кармаля; послать какое-то количество войск на территорию Афганистана для этих же целей.

Сейчас рассекречены совершенно секретные документы из Особой папки Политбюро ЦК КПСС по афганским событиям, которые приводятся ниже.

Совершенно секретно.

Выписка из протокола № 176 заседания Политбюро ЦК КПСС от 6 декабря 1979 г.

О направлении спецотряда в Афганистан

Согласиться с предложениями по этому вопросу, изложенными в записке КГБ СССР и Минобороны от 4 декабря 1979 г. № 12/2/0073 (прилагается).

Секретарь ЦК Л. Брежнев

4 декабря на заседании Политбюро ЦК КПСС было принято решение о направлении в Афганистан подготовленного отряда ГРУ Генерального штаба общей численностью около 500 человек. Это был так называемый «мусульманский» батальон под командованием майора Х. Т. Халбаева, состоявший из представителей коренных национальностей среднеазиатских республик. 9 и 12 декабря с аэродромов Чирчика и Ташкента его перебросили на авиабазу Баграм. Все офицеры и солдаты были одеты в афганскую военную форму, сшитую по образцам, присланным по линии военной разведки.

Совершенно секретно.

ЦК КПСС.

Председатель Революционного совета Генеральный секретарь ЦК НДПА и премьер-министр ДРА Х. Амин в последнее время настойчиво ставит вопрос о необходимости направить в Кабул советский мотострелковый батальон для охраны его резиденции.

С учётом сложившейся обстановки и просьбы Х. Амина считаем целесообразным направить в Афганистан подготовленный для этих целей отряд ГРУ Генерального штаба общей численностью около 500 чел. в униформе, не раскрывающей его принадлежности к Вооружённым Силам СССР. Возможность направления этого отряда в ДРА была предусмотрена решением Политбюро ЦК КПСС от 29.6.1979 г. № П 156/ИХ.

В связи с тем, что вопросы о направлении отряда в Кабул согласованы с афганской стороной, полагаем возможным перебросить его самолётами военно-транспортной авиации в первой половине декабря с.г. Тов. Устинов Д. Ф. согласен.

Ю. Андропов, Н. Огарков

№ 312/2/0073

4 декабря 1979 г.

В начале декабря в Баграм прибыли ещё две подгруппы специальной группы КГБ «Зенит» (по 30 человек в каждой), а 23 декабря — спецгруппа «Гром» (30 человек). Такие кодовые названия у них были в Афганистане, в Центре они назывались по-другому: группа «Гром» — подразделение «А», или, по версии журналистов, «Альфа», а «Зенит» — «Вымпел». Численность «зенитовцев» в Афганистане вместе с ранее прибывшими достигла более 100 человек. Общее руководство ими осуществлял А. К. Поляков.

Секретно.

Главнокомандующему Военно-воздушными силами

Командующему войсками Туркестанского военного округа

Командующему Воздушно-десантными войсками

Копия:

Главнокомандующему Сухопутными войсками

Главнокомандующему войсками ПВО страны

Начальнику Оперативной группы Генерального штаба

(г. Термез)

Переход и перелёт государственной границы Демократической Республики Афганистан войсками 40 армии и авиации ВВС начать в 15.00 25 декабря с.г. (время московское).

Д. Устинов

№ 312/1/030

25.12.79 г

Примерно в середине декабря началась форсированная переброска мелких армейских подразделений в Афганистан. С одним из них нелегально прибыл Бабрак Кармаль, который обосновался в Баграме под охраной сотрудников 9-го управления КГБ во главе с В. И. Шергиным. Здесь же находились и А. Ватанджар, С. Гулябзой и А. Сарвари, сподвижники бывшего генсека НДПА Н. М. Тараки. В середине декабря планировалось убрать Амина, и новое руководство к моменту переворота обязано было находиться в Афганистане.

11 декабря заместитель командующего ВДВ генерал-лейтенант Гуськов поставил задачу захватить «объект Дуб» —

резиденцию Амина в центре Кабула. Ни плана дворца, ни системы его охраны не было. Известно было только, что дворец охраняют примерно две тысячи гвардейцев. Штурм поручался всего двадцати двум «зенитовцам» и роте «мусульманского» батальона. 13 декабря в 15.30 личный состав получил приказ на боевые действия. Бойцы должны были за час выдвинуться из Баграма в Кабул и штурмом овладеть резиденцией Амина. Неизвестно, чем бы закончилась эта авантюра, но, к счастью, в 16 часов последовала команда «отбой!».

Сотрудники «Зенита» В. Цветков и Ф. Ерохов пристреляли снайперские винтовки на 450 метров — именно с такого расстояния они намеревались стрелять в афганского лидера. Выбрав позиции на маршруте обычного следования Амина в Кабул, они установили дежурство, но помешала усиленная охрана вдоль всей трассы.

Окончилось неудачей и покушение на Амина 16 декабря. Он был легко ранен, а его племянник Асадулла Амин, шеф афганской контрразведки, получил серьёзное ранение и после операции, сделанной советским хирургом А. Алексеевым, самолётом был отправлен на лечение в Советский Союз. За находившимися в Багграме оппозиционерами во главе с Б. Кармалем из Ферганы прилетел самолёт Ан-12, и они снова улетели в СССР.

Только поздно вечером 17 декабря «зенитовцам» и «мусульманскому» батальону поставили задачу выдвинуться из Баграма в Кабул в район Дар-уль-Амана, куда перемещалась новая резиденция главы ДРА. Вечером того же дня в Москве полковник В. В. Колесник, ранее руководивший подготовкой «мусульманского» батальона, получил приказ от начальника ГРУ генерала армии П. И. Ивашутина вылететь в гражданской форме одежды в Афганистан для выполнения специального правительственного задания. Вместе с ним должен был лететь ещё один офицер, но по просьбе Колесника направили подполковника О. У. Швеца. Быстро оформив все необходимые в таких случаях документы (заграничные паспорта им привезли прямо к самолёту), они в 6.30 18 декабря отправились с аэродрома Чкаловский через Баку и Термез в Баграм. До Термеза летели с экспедитором, сопровождавшим военторговский груз, а до места назначения ещё с двумя попутчиками — сотрудниками КГБ полковником Ю. И. Дроздовым и подполковником Э. Г. Козловым. В Термезе обнаружились неполадки в самолёте, пришлось искать новый. Хорошо ещё, что встречали сослуживцы из ТуркВО. Они организовали обед и помогли поменять самолёт…

В Баграм прилетели только поздно ночью. Комитетчики уехали с какими-то людьми в гражданском, а Колесник и Швец, переночевав в первом попавшемся капонире, утром 19 декабря направились в Кабул, где представились главному военному советнику генерал-полковнику С. К. Магометову и резиденту ГРУ в Кабуле, которые были предупреждены об их прибытии. После прозвучавших в адрес командования батальона претензий со стороны Магометова В. В. Колесник, хорошо знавший майора Халбаева, взял его под защиту, сказав, что комбат толковый, хотя и немногословный. На него можно надеяться, в трудную минуту не подведёт. Переговорив по телефону со своим начальством в Москве и переночевав в посольстве, 20 декабря Колесник и Швец поехали в расположение батальона, который разместился примерно в километре от дворца Тадж-Бек, в недостроенном здании, с окнами без стёкол. Вместо них натянули плащ-палатки, поставили печки-«буржуйки», кровати в два яруса. Афганцы выделили им шерстяные одеяла из верблюжьей шерсти. В тот год зима в Кабуле была суровая, ночью температура воздуха опускалась до 30 градусов мороза. Продукты питания покупали на базаре. В общем кое-как устроились.

Накануне Амин перебрался во дворец Тадж-Бек и оказался под «крылышком» «мусульманского» батальона.

Система охраны дворца была организована тщательно и продуманно. Внутри несла службу личная охрана Амина, состоявшая из его родственников и особо доверенных людей. Они и форму носили специальную, отличную от других афганских военнослужащих: на фуражках белые околыши, белые ремни и кобуры, белые манжеты на рукавах. Жили они в непосредственной близости от дворца в глинобитном строении, рядом с домом, где находился штаб охраны (позже, в 1987–1989 гг., в нем разместится оперативная группа МО СССР). Вторую линию составляли семь постов, на каждом из которых располагалось по четыре часовых, вооружённых пулемётом, гранатомётом и автоматами. Смена их производилась через два часа. Внешнее кольцо охраны образовывали пункты дислокации батальонов бригады охраны (трёх мотопехотных и танкового). Они располагались вокруг Тадж-Бека на небольшом удалении. На одной из господствующих высот были закопаны два танка Т-54, которые могли простреливать прямой наводкой местность, прилегающую ко дворцу. Всего в бригаде охраны насчитывалось около 2,5 тысяч человек. Кроме того, неподалеку располагался зенитный полк, на вооружении которого было двенадцать 100-мм зенитных пушек и шестнадцать зенитных пулемётных установок (ЗПУ-2), а также строительный полк (около тысячи человек,

вооружённых стрелковым оружием). В Кабуле были и другие армейские части: две пехотные дивизии и танковая бригада.

21 декабря полковника В. В. Колесника и майора Халбаева вызвал главный военный советник генерал-полковник С. К. Магометов и приказал усилить охрану дворца подразделениями «мусульманского» батальона. Им предписывалось занять оборону между постами охраны и линией расположения афганских батальонов.

Сразу же приступили к выполнению боевой задачи. Быстро установили контакт с командиром бригады охраны майором Джандадом (он же порученец Амина), согласовали с ним расположение оборонительных позиций подразделений батальона и все вопросы взаимодействия. Для связи лично с ним Джандад предоставил небольшую японскую радиостанцию. Сам командир бригады владел русским языком (хотя и скрывал это), так как учился в Советском Союзе — в Рязани в воздушно-десантном училище, а затем окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. По легенде, полковник В. В. Колесник действовал в роли «майора Колесова» — заместителя командира батальона по боевой подготовке, а подполковник О. У. Швец — майора Швецова», офицера особого отдела. Один из их попутчиков (полковник Ю. И. Дроздов) стал капитаном Лебедевым» — заместителем Халбаева по технической части. Вечером же 22 декабря пригласили командование бригады на товарищеский ужин.

После согласования всех вопросов с афганцами приступили к проведению практических мероприятий. Приняли решение, спланировали боевые действия, поставили задачи ротам. Отрекогносцировали маршруты выхода и позиции подразделений и т. д. В частности, на одном из маршрутов имелось естественное препятствие — арык. Совместно с солдатами бригады построили мостик через него — уложили бетонные фермы, а на них положили плиты. Этой работой занимались в течение двух суток.

22 и 23 декабря советский посол проинформировал Амина, что в Москве удовлетворили его просьбу о направлении советских войск в Афганистан и готовы начать их ввод 25 декабря. Афганский лидер выразил благодарность советскому руководству и отдал распоряжение Генеральному штабу ВС ДРА об оказании содействия вводимым войскам.

По свидетельству Магометова, когда он разговаривал по спецсвязи с Д. Ф. Устиновым, министр обороны спросил его: «Как идёт подготовка к выполнению плана по отстранению от власти Амина?». Но Магометов не знал об этом ровным счётом ничего. Через некоторое время представитель КГБ СССР генерал-лейтенант Б. Иванов, видимо, переговорив с Ю. В. Андроповым,

пригласил к себе Магометова и показал ему разработанный сотрудниками КГБ план. Главный военный советник возмущался потом, говоря, что это был не план, а «филькина грамота». Пришлось разрабатывать операцию по захвату дворца заново.

Во второй половине 23 декабря В. В. Колесника и Х. Халбаева вызвали в советское посольство. Там они сначала доложили генерал-полковнику Султану Кекезовичу Магометову результаты проделанной работы, а затем прошли в кабинет на второй этаж, где размещалось представительство КГБ. Здесь находился человек в штатском, которого все называли Борисом Ивановичем (руководитель аппарата КГБ в Афганистане), а также другие сотрудники. В начале беседы Борис Иванович поинтересовался планом охраны дворца. После доклада полковником В. В. Колесником решения предложил ему подумать над вариантом действий на случай, если вдруг придётся не охранять, а захватывать дворец. При этом он добавил, что часть сил батальона может выполнять другую задачу, а им придадут роту десантников и две специальные группы КГБ. В общем, сказали: идите думайте, а завтра утром приезжайте и докладывайте свои соображения. Советник командира бригады охраны полковник Попышев тоже получил задачу разработать свой вариант плана действий батальона, как человек, хорошо знающий систему охраны дворца…

В директиве № 312/12/001, подписанной Устиновым и начальником Генерального штаба Н. В. Огарковым 24 декабря, определялись конкретные задачи на ввод и размещение войск на афганской территории. Участие в боевых действиях не предусматривалось. Конкретные боевые задачи соединениям и частям не подавление сопротивления мятежников были поставлены чуть позже, в директиве министра обороны СССР от 27 декабря № 312/12/002.

…Решения по новой задаче принимались всю ночь. Считали долго и скрупулёзно. Понимали, что это и есть реальная задача, ради которой они здесь. И пришли к выводу, что если в батальоне заберут две роты и одну роту (без взвода), о чём предупреждал руководитель представительства КГБ, то захватить дворец батальон не сможет, даже с учётом усиления и фактора внезапности. Соотношение сил и средств на всех направлениях складывалось примерно 1:15 в пользу афганцев. Необходимо было задействовать все силы батальона и средства усиления. Исходя из этого и разрабатывали план.

Утром 24 декабря первым докладывал полковник Попышев. Сразу стало понятно, что к своей миссии он подошёл чисто формально, по принципу «чего изволите» — ведь задачу

выполнять нужно было не ему. Он доказывал, что выделенных сил и средств батальону достаточно, но подтвердить свои слова расчётами не смог. Затем решение на захват дворца Тадж-Бек доложил полковник В. В. Колесник. Обосновал необходимость участия в штурме всего батальона с приданными силами и средствами, детально изложил план действия. После долгих обсуждений командованию батальона сказали: «Ждите». Ждать пришлось долго. Только во второй половине дня сообщили, что решение утверждается, и батальон будет выполнять задачу в полном составе. Но подписывать этот план не стали. Сказали: «Действуйте!».

На проведение всех мероприятий, связанных с вводом войск в ДРА, отводилось менее суток. Такая поспешность закономерно повлекла за собой дополнительные потери. В 12.00 25 декабря поступило распоряжение на переход государственной границы

…Магометов и Колесник приехали на полевой переговорный пункт, который был развёрнут на стадионе «Клуб-э-Аскари» недалеко от американского посольства, вечером 24 декабря. По правительственной связи позвонили генералу армии С. Ф. Ахромееву (он находился в Термезе в составе Оперативной группы Министерства обороны СССР, которая осуществляла руководство вводом советских войск в Афганистан). Телефонистка долго отказывалась соединить полковника Колесника, говорила, что его нет в специальных списках, но затем, видимо, спросив у Ахромеева, всё же соединила. Первый заместитель начальника Генерального штаба приказал доложить решение. Выслушав, стал задавать вопросы по его обоснованию и расчётам. Его интересовали мельчайшие детали. По ходу разговора делал замечания и давал указания.

Затем с С. Ф. Ахромеевым переговорил Магометов. Ему была поставлена задача к утру 25 декабря доложить решение за двумя подписями (своей и Колесника). Когда выходили из переговорной кабины, Магометов сказал Колеснику: «Ну, полковник, у тебя теперь или грудь в крестах, или голова в кустах».

Тут же на узле связи написали доклад, и к двум часам ночи шифровка была отправлена. Доехали вместе до посольства, а затем Колесник поспешил в батальон. Надо было готовиться к выполнению боевой задачи… Министерством обороны СССР Колесник был назначен руководителем операции, которая получила кодовое название «Шторм-333» Руководить действиями спецподразделений КГБ было поручено Ю. Дроздову. Ставя ему задачу по ВЧ, Ю. В. Андропов и В. А. Крючков указали на необходимость продумать всё до мелочей, а главное — максимально обеспечить безопасность участников операции.

Об этой операции высказывается много различных суждений, причём самых невероятных. Даже участники тех событий по-разному воспринимают их. Многое недосказывается или опускается вообще. Суммируя рассказы очевидцев и имеющийся документальный материал, можно восстановить примерно такую картину.

Амин, несмотря на то, что сам в сентябре обманул Брежнева и Андропова (обещал сохранить Н. М. Тараки жизнь, когда последний был уже задушен. В итоге советское руководство два-три дня «торговалось» с Х. Амином из-за уже мёртвого к тому моменту лидера апрельской революции), как ни странно, доверял советским руководителям. Почему? Если не отбрасывать версию, что он был связан с ЦРУ, то, скорее всего, он получал такие инструкции или, возможно, считал, что победителей не судят, с ними… дружат. Так или иначе, но он не только окружил себя советскими военными советниками, консультировался с высокопоставленными представителями КГБ и МО СССР при соответствующих органах ДРА, полностью доверял… лишь врачам из СССР и надеялся в конечном итоге на наши войска.

Не доверял же парчамистам, ждал нападения или от них, или от моджахедов. Однако стал жертвой политической интриги совсем с другой стороны.

В первой половине декабря на генсека НДПА было совершено покушение «недовольными партийцами из оппозиционных фракций». Он был легко ранен, пострадал и его племянник Абдулла — шеф службы безопасности. Х. Амин, расправившись с террористами, отправил племянника на лечение в Советский Союз, а сам сменил свою резиденцию в Арене и 20 декабря перебрался во дворец Тадж-Бек.

Возвратившись примерно в три часа ночи 25 декабря из посольства в расположение батальона, полковник В. В. Колесник возглавил подготовку к боевым действиям по захвату дворца. Активную помощь в этом ему оказывал подполковник Швец О. У.

Вечером 25 декабря 1979 года я провёл совещание с командирами своих разведывательно-диверсионных групп о результатах разведки объектов и мерах по овладению ими. В основном все были готовы. Недоставало плана дворца. Ослабить оборону дворца сотрудники 9-го управления отказались по соображениям конспирации, но смогли провести разведчиков-диверсантов во дворец, где они всё внимательно осмотрели, после чего генерал Дроздов составил поэтажный план Тадж-Бека. Офицеры «Грома» и «Зенита» М. Романов, Я. Семенов, В. Федосеев и Ж. Мазаев провели рекогносцировку местности и разведку огневых точек, расположенных на ближайших высотах.

Неподалеку от дворца на возвышении находился ресторан, где обычно собирались высшие офицеры афганской армии. Под предлогом того, что советским офицерам якобы требуется заказать места для встречи Нового года, спецназовцы побывали в ресторане, откуда Тадж-Бек был виден как на ладони.

Всё было готово. За объектом внутри и снаружи продолжалось непрерывное агентурное наблюдение. Поздно вечером 26 декабря В. В. Колесник и я вместе с Э. Г. Козловым и О. У. Швецом ещё раз отработали план операции по объекту Тадж-Бек. Основным замыслом этого плана было решение главной задачи силами двух смешанных штурмовых групп «Гром» и «Зенит», действия которых обеспечивались созданием внешнего и внутреннего колец окружения силами подразделений «мусульманского» батальона и средств огневой поддержки. Особое внимание уделялось вопросам связи и взаимодействия.

Планом операции предусматривалось в назначенное время (первоначально начало операции намечалось на 25 декабря, в последующем штурм дворца перенесли на 27 декабря) тремя ротами занять участки обороны и не допустить выдвижения к дворцу Тадж-Бек афганских батальонов (трёх мотопехотных и танкового). Таким образом, против каждого батальона должна была действовать рота спецназа или десантников (танковый батальон располагался с одним из мотопехотных).. Командиром приданной парашютно-десантной роты был старший лейтенант Валерий Востротин. Десантники выделялись своей выправкой, подтянутостью и организованностью. Сам Востротин в Афганистане воевал трижды. Сначала командиром роты. Был тяжело ранен в одном из боёв в июле 80-го. Затем командовал батальоном. Ещё одно ранение. На завершающем этапе войны командовал 345-м отдельным парашютно-десантным полком и стал Героем Советского Союза.

Против танкового батальона выставляли также взвод ПТУРС «Фагот». Ещё одна рота предназначалась для непосредственного штурма дворца. Вместе с ней должны были действовать две специальные группы КГБ. Частью сил предполагалось захватить и разоружить зенитный и строительный полки. Предусмотрели также охрану и резерв.

Одной из важнейших задач был захват двух закопанных танков, которые держали под прицелом все подходы к дворцу… Для этого выделили 15 человек во главе с заместителем командира «мусульманского» батальона капитаном Сатаровым, а также двух снайперов из КГБ.

От действий этой группы во многом зависел успех всей операции. Они начинали первыми.

Руководство батальона хорошо понимало, что задача может быть выполнена только при условии внезапности и военной хитрости. В противном случае им никому живыми не уйти. Поэтому, чтобы приучить афганцев и раньше времени не вызвать подозрения, разработали соответствующий сценарий и начали проводить демонстрационные действия: стрельба, выход по тревоге и занятие установленных участков обороны. В ночное время пускали осветительные ракеты. Так как ночью были сильные морозы, по графику прогревали моторы бронетранспортёров и боевых машин пехоты, чтобы можно было их по сигналу сразу завести.

Сначала это вызывало беспокойство командования бригады охраны дворца. Например, когда первый раз запустили ракеты, расположение батальона мгновенно осветили прожекторы зенитного полка и приехал начальник охраны дворца майор Джандад. Ему рассказали, что идёт обычная боевая учёба и проводятся тренировки для выполнения задачи по охране дворца, а местность освещают, чтобы исключить возможность внезапного нападения на дворец со стороны моджахедов. В последующем афганцы всё время просили, чтобы не очень шумели моторы боевой техники ночью, так как мешают спать Амину. Командир батальона и «майор Колесов» сами ездили к командиру бригады охраны и успокаивали его. Постепенно афганцы привыкли и перестали настороженно реагировать на подобные «манёвры» батальона. А они продолжались в течение 25, 26 и первой половины 27 декабря. Новую задачу в батальоне знали только Колесник, Швец и Халбаев..

Главная роль в начальный период советского военного присутствия в ДРА отводилась силам специального назначения. Действительно, фактически первой боевой акцией в операции «Шторм-333», которую осуществили 27 декабря советские подразделения и группы спецназа, стал захват дворца Тадж-Бек, где размещалась резиденция главы ДРА, и отстранение от власти Хафизуллы Амина.

Для широкой общественности долго оставалось тайной, что же произошло тогда в Кабуле. Об этой операции высказывалось много различных суждений, ходили самые невероятные слухи. Рассказы многих участников тех событий субъективны и часто противоречат друг другу. А картина того дня выглядела так.

Советские военные советники и специалисты, работавшие в войсках ПВО ДРА, установили контроль над всеми зенитными средствами и местами хранения боеприпасов, а также временно вывели из строя некоторые зенитные установки (сняли прицелы, замки). Таким образом была обеспечена беспрепятственная

посадка самолётов с десантниками.

Ночью 24 декабря командующий войсками Туркестанского военного округа генерал-полковник Ю. П. Максимов по телефону доложил министру обороны и начальнику Генерального штаба о готовности войск к выполнению поставленной задачи, а затем направил в их адрес шифротелеграмму с докладом о готовности.

В 12.00 25 декабря 1979 года в войска поступило распоряжение, подписанное министром обороны СССР Д. Ф. Устиновым, о том, чтобы переход и перелёт государственной границы Демократической Республики Афганистан войсками 40-й армии и авиации ВВС начать в 15.00 25 декабря (время московское).

Первыми переправились разведчики и десантно-штурмовой батальон капитана Л. В. Хабарова, которому предстояло занять перевал Саланг, а затем по понтонному мосту под руководством генерала К. Кузьмина пошли остальные части 108-й мотострелковой дивизии.

Одновременно самолётами военно-транспортной авиации началась переброска по воздуху и высадка основных сил 103-й воздушно-десантной дивизии и остатков 345-го отдельного парашютно-десантного полка на аэродромы столицы и Баграма. К сожалению, не обошлось без жертв — в 19.33 25 декабря при заходе на посадку в Кабуле врезался в гору и взорвался Ил-76 (командир — капитан В. В. Головчин), на борту которого находилось 37 десантников. Все десантники и 7 членов экипажа самолёта погибли.

…26 декабря для установления более тесных отношений в «мусульманском батальоне» устроили приём для командования афганской бригады охраны. Приготовили плов, на базаре купили всевозможной зелени и т. п. Правда, со спиртным были трудности.

Выручили сотрудники КГБ. Они привезли с собой ящик «Посольской» водки, коньяк, различные деликатесы (икру, рыбу), другие закуски — стол получился на славу.

Из бригады охраны пришло пятнадцать человек во главе с командиром и замполитом. Во время ужина старались разговорить афганцев. Провозглашали тосты за советско-афганскую дружбу, за боевое содружество и т. д. Сами пили гораздо меньше (иногда солдаты, которые обслуживали на приёме, вместо водки наливали в рюмки советских офицеров воду) Особенно разговорчивым оказался замполит бригады, который в пылу откровенности рассказал «капитану Лебедеву», что Н. Тараки был задушен по приказу Х. Амина.

Это была тогда новая и очень важная информация. Джандад

быстро распорядился, и замполита тут же куда-то увели. Командир объяснил, что замполит немного выпил лишнего и сам не знает, что говорит. В конце приёма расстались если не друзьями, то по крайней мере, хорошими знакомыми.

27 декабря воздушно-десантные подразделения 103-й дивизии генерал-майора И. Ф. Рябченко и выделенные силы от КГБ СССР согласно плану вышли к важным административным и специальным объектам в столице и «усилили» их охрану.

Части 108-й мотострелковой дивизии к утру 28 декабря сосредоточились в районе северо-восточнее Кабула.

27-го декабря В. В. Клесник и Ю. И. Дроздов доложили новый план боя. Утвердили. Вернули без подписи со словами: «Действуйте», и началась непосредственная подготовка к штурму.

Дворец Тадж-Бек располагался на окраине Кабула в Дар-уль-Амане, на высоком, поросшем деревьями и кустарником крутом холме, который был к тому же ещё оборудован террасами, а все подступы к нему заминированы. К нему вела одна-единственная дорога, усиленно охраняемая круглосуточно. Его толстые стены способны сдержать удар артиллерии. Если к этому добавить, что местность вокруг дворца простреливалась, то станет понятным, какая нелёгкая задача стояла перед армейским спецназом и спецгруппами КГБ СССР.

Наши военные советники получили разные задачи: некоторые 27 декабря должны были остаться в частях на ночь, организовать ужин с подопечными афганцами (для этого им было выдано спиртное и закуска) и ни при каких обстоятельствах не допустить выступления афганских частей против советских войск. Другим, наоборот, было приказано долго в подразделениях не задерживаться, и они раньше, чем обычно, уехали домой. Остались только специально назначенные люди, которые были соответственно проинструктированы.

Утром 27 декабря я пригласил В. В. Колесника к себе в номер посольской гостиницы в баню. По старому русскому обычаю помылись, сменили бельё, молча выпили бутылку коньяку. Впереди нас ждал бой….

Шла непосредственная подготовка к штурму дворца. У сотрудников КГБ был детальный план дворца (расположение комнат, коммуникаций, электросети и т. д.). Поэтому к началу операции «Шторм-333» спецназовцы из «мусульманского» батальона и группы «Гром» (командир майор Семёнов) и «Зенит» (командир майор Романов) детально знали объект захвата № 1: наиболее удобные пути подхода; режим несения караульной службы; общую численность охраны и телохранителей Амина; расположение пулемётных гнёзд, бронемашин и танков;

внутреннюю структуру комнат и лабиринтов дворца Тадж-Бек; размещение аппаратуры радиотелефонной связи и т. д. Более того, перед штурмом дворца в Кабуле спецгруппой КГБ был взорван так называемый колодец — фактически центральный узел секретной связи с важнейшими военными и гражданскими объектами ДРА. Готовились штурмовые лестницы. Проводились и другие подготовительные мероприятия. Главное — секретность и скрытность.

В середине дня они ещё раз обошли позиции батальона, проинформировали офицеров о плане операции и объявили порядок действий. Командир «мусульманского» батальона майор Халбаев, командиры спецгрупп М. Романов и Я. Семенов поставили боевые задачи командирам подразделений и подгрупп, организовали подготовку к штурму.

Личному составу «мусульманского» батальона и спецподразделений КГБ разъяснили, что Х. Амин повинен в массовых репрессиях, по его приказу убивают тысячи ни в чём не повинных людей, он предал дело Апрельской революции, вступил в сговор с ЦРУ США и т. д. Правда, эту версию мало кто из солдат и офицеров воспринимал. «Тогда зачем Амин пригласил наши войска, а не американцев?» — резонно спрашивали они. Но приказ есть приказ, его надо выполнять. И спецназовцы готовились к бою.

В это время Хафизулла Амин находился в эйфории: наконец-то ему удалось добиться заветной цели — советские войска вошли в Афганистан. Днём 27 декабря он устроил пышный обед, принимая в своём роскошном дворце членов Политбюро, министров с семьями. Формальным поводом для торжества стало возвращение из Москвы секретаря ЦК НДПА Панджшири. Он заверил Амина: советское руководство удовлетворено изложенной им версией смерти Тараки и сменой лидера страны. СССР окажет Афганистану военную помощь.

Амин торжественно произнёс: «Советские дивизии уже на пути сюда. Всё идёт прекрасно. Я постоянно связываюсь по телефону с товарищем Громыко, и мы сообща обсуждаем вопрос, как лучше сформулировать для мира информацию об оказании нам советской военной помощи».

Днём ожидалось выступление генсека по афганскому телевидению. На съёмки во дворец Тадж-Бек были приглашены высшие военные чины и начальники политорганов. Однако во время обеда многие гости почувствовали себя плохо. Некоторые потеряли сознание. Полностью отключился и Амин. Его супруга немедленно вызвала командира президентской гвардии Джандада, который позвонил в Центральный военный госпиталь

(Чарсад Бистар) и поликлинику советского посольства. Продукты и гранатовый сок были немедленно направлены на экспертизу, подозреваемые повара-узбеки задержаны. Усилен режим охраны.

Когда советские врачи — терапевт Виктор Кузнеченков и хирург Анатолий Алексеев — подъехали к внешнему посту охраны и, как обычно, стали сдавать оружие, их дополнительно ещё и обыскали, чего раньше никогда не было. Что-то случилось? Наши врачи определили: массовое отравление. Амин лежал раздетый до трусов, с отвисшей челюстью и закатившимися глазами. Он был без сознания, в тяжёлой коме. Умер? Пощупали пульс — еле уловимое биение.

Полковники Кузнеченков и Алексеев, не задумываясь, что нарушают чьи-то планы, приступили к спасению главы «дружественной СССР страны». Сначала вставили на место челюсть, затем восстановили дыхание. Отнесли его в ванную комнату, вымыли и стали делать промывание желудка, форсированный диурез… Эта работа продолжалась примерно до шести часов вечера. Когда челюсть перестала опадать и пошла моча, врачи поняли, что Амина удалось спасти. Но, почувствовав, что назревают какие-то тревожные события, А. Алексеев заблаговременно отправил женщин из дворца, сославшись на необходимость срочно сделать в лаборатории анализ промывных вод.

Пройдёт довольно значительное время, прежде чем дрогнут веки Амина и он придёт в себя, затем удивительно спросит: «Почему это случилось в моём доме? Кто это сделал? Случайность или диверсия?».

Это происшествие очень встревожило офицеров, ответственных за организацию охраны председателя Ревсовета ДРА (Джандад, Экбавль). Они выставили дополнительные (даже внешние) посты из афганских военнослужащих и позвонили в танковую бригаду, чтобы там были готовы оказать помощь. Однако помощи им ждать было неоткуда, так как наши десантники уже полностью блокировали расположившиеся в Кабуле части афганских войск.

В 15.00 из посольства передали, что время начала штурма (время «Ч») установлено — 22.00, потом перенесено на 21.00. Позже оно периодически уточнялось и в конце концов стало — 19.30. Видимо, руководители операции рассчитывали, что сработает план устранения Амина путём его отравления и тогда, возможно, отпадёт необходимость штурмовать дворец Тадж-Бек. Но ввиду строгой секретности этого плана советские врачи не были к нему допущены и по незнанию сорвали его выполнение.

…После бани 27 декабря 1979 года я и В. В. Колесник в

полдень ещё раз зашли каждый к своему руководству. В район расположения «мусульманского» батальона ехали молча, каждый думал о своём.

Пообедали, и в середине дня В. В. Колесник, О. У. Швец и я ещё раз обошли исходные позиции батальона. Колесник отдал указания подходившим командирам рот, приказал с наступлением сумерек переместить одну из «Шилок» на удобную позицию для подавления возможного огня зенитной батареи. Всё делал спокойно, уверенно. На одной из высоток заметил группу афганских офицеров, изучавших район обороны «мусульманского» батальона. К афганцам для выяснения причин поехал Швец. После штурма дворца ко мне приведут Джандада, который расскажет, что они получили сообщение о наших намерениях, не поверили, но на всякий случай решили провести рекогносцировку. Об этой рекогносцировке и результатах беседы доложили руководству операцией. Видимо, об этом было сообщено в Центр. Нам же передали, что штурм назначен на 15.00.

Получив это сообщение, вместе с Колесником решили срочно собрать всех командиров рот, штурмовых групп и подразделений огневой поддержки на втором этаже казармы.

Как старшему по званию, Колесник предложил мне открыть совещание. В своем кратком выступлении я дал политическую оценку обстановки, раскрыл общую поставленную задачу, дал оценку сил и средств противника и основного объекта, нашего положения, соотношения сил и средств, общее расположение сил и средств «мусульманского» батальона и штурмовых групп. После этого Колесник отдал боевой приказ подразделениям, перечислив для каждого конкретные задачи.

Около шести часов вечера Колесника вызвал на связь Магометов и сообщил, что время штурма перенесено и начинать нужно как можно скорее. Спустя 15–20 минут группа захвата во главе с капитаном Сатаровым выехала на машине ГАЗ-66 в направлении высоты, где были закопаны танки. Танки охранялись часовыми, а их экипажи находились в казарме, расположенной на расстоянии 150–200 метров от них. В часовых должны были стрелять В. Цветков из «Зенита» или Д. Волков из «Грома».

Находившийся на командном пункте полковник Григорий Бояринов, который входил в состав «Зенита», заметно волновался, так как прибыл в Кабул лишь накануне и ещё не освоился в новой обстановке. Видя это, капитан 2 ранга Эвальд Козлов решил помочь ему, хотя и не должен был находиться в составе штурмовых групп. Ни Козлов, ни Бояринов не могли предположить, что после штурма дворца станут Героями

Советского Союза, причём полковнику не суждено было вернуться из этого боя.

Когда машина Сатарова подъехала к расположению третьего батальона, оттуда вдруг послышалась стрельба из стрелкового оружия. Полковник Колесник немедленно скомандовал: «Огонь!» и «Вперёд!». Одновременно кабульское небо рассекли две красные ракеты — сигнал для солдат и офицеров «Мусульманского» батальона и спецгрупп КГБ. На дворец обрушился шквал огня. Это произошло примерно в четверть восьмого вечера.

Первыми по дворцу прямой наводкой по команде капитана Паутова открыли огонь зенитные самоходные установки ЗСУ-23–4 («Шилка»), обрушив на него море снарядов. Автоматические гранатомёты АГС-17 ударили по расположению танкового батальона, не давая экипажам подойти к танкам. Первой ко дворцу по плану должна была выдвигаться рота старшего лейтенанта Владимира Шарипова, на десяти БМП которой в качестве десанта находились подгруппы «Грома» во главе с О. Балашовым, В. Емышевым, С. Головым и В. Карпухиным. Майор Яков Семёнов со своим «Зенитом» на четырёх БТРах получил задачу прорваться к торцевой части дворца, а затем совершить бросок по пешеходной лестнице, которая вела вверх к Тадж-Беку. У фасада обе группы должны были соединиться. Общее руководство ими осуществлял полковник Г. И. Бояринов. Боевые машины сбили внешние посты охраны и устремились к Тадж-Беку.

Однако в последний момент план изменили, и первыми к зданию дворца на трёх БТРах выдвинулись подгруппы «Зенита», старшими которых были А. Карелин, Б. Суворов и В. Фатеев. Четвёртая подгруппа «Зенита» во главе с В. Щиголевым оказалась в колонне «Грома». Боевые машины сбили внешние посты охраны и устремились по единственной дороге, ведущей на площадку перед дворцом. Едва первая машина миновала поворот, из здания ударили крупнокалиберные пулемёты. У шедшего первым БТРа были повреждены все колёса, а машина Бориса Суворова сразу же загорелась. Сам командир подгруппы погиб, а его люди получили ранения. «Зенитовцы» вынуждены были залечь и стрелять по окнам дворца, некоторые из них при помощи штурмовых лестниц стали взбираться вверх в гору.

В четверть восьмого вечера в Кабуле прогремели сильные взрывы. Это подгруппа КГБ из «Зенита» (старший Борис Плешкунов) подорвала «колодец» связи, отключив афганскую столицу от внешнего мира.

Спецназовцы быстро выскочили на площадку перед Тадж-

Беком. Командиру первой подгруппы «Грома» О. Балашову осколками пробило бронежилет; в горячке он сначала не почувствовал боли и бросился вместе со всеми ко дворцу, но затем всё же был отправлен в медсанбат.

Первые минуты боя были самыми тяжёлыми. На штурм Тадж-Бека пошли спецгруппы КГБ, а основные силы роты В. Шарипова прикрывали внешние подступы ко дворцу. Другие подразделения «мусульманского» батальона обеспечивали внешнее кольцо прикрытия. Ураганный огонь из дворца прижал спецназовцев к земле. Поднялись они лишь тогда, когда «Шилка» подавила пулемёт в одном из окон. Продолжалось это недолго — может быть, минут пять, но бойцам показалось, что прошла целая вечность.

Единственная дорога круто серпантином взбиралась в гору с выездом на площадку перед дворцом. Дорога усиленно охранялась, а другие подступы были заминированы. Едва первая боевая машина миновала поворот, из здания ударили крупнокалиберные пулемёты. БМП была подбита. Члены экипажа и десант покинули её и при помощи штурмовых лестниц стали взбираться вверх в гору. Шедшая второй БМП, столкнула подбитую машину с дороги, и освободила путь остальным. Они быстро выскочили на площадку перед Тадж-Беком. Сначала на штурм пошли спецгруппы КГБ, за ними последовали некоторые солдаты из спецназа. Для устрашения оборонявшихся, а может быть, и со страху атакующие дворец громко кричали, в основном матом…

Самым сложным оказалось ворваться в само здание. Когда бойцы выдвинулись к главному входу, огонь ещё более усилился. Творилось нечто невообразимое. Ещё на подступах ко дворцу был убит Г. Зудин, ранены С. Кувылин и Н. Швачко. В первые же минуты боя у майора М. Романова было ранено 13 человек. Самого командира группы контузило. Не лучше обстояло дело и в «Зените». В. Рязанов, получив сквозное ранение в бедро, сам сделал перевязку ноги и пошёл в атаку. В числе первых в здание ворвались А. Якушев и В. Емышев. Афганцы со второго этажа бросали гранаты. Едва начав подниматься по лестнице, ведущей к Тадж-Беку, Якушев упал, сражённый осколками гранаты, а бросившийся к нему Емышев был тяжело ранен в правую руку. Позже её пришлось ампутировать.

Э. Козлов, М. Романов, С. Голов, М. Соболев, В, Карпухин, А. Плюснин, В. Гришин и В. Филимонов, а также Я. Семёнов с бойцами из «Зенита» В. Рязанцевым, В. Быковским, В. Макаровым и В. Поддубным первыми ворвались в здание дворца. А. Карелин, В. Щиголев и Н. Курбанов штурмовали дворец с торца.

Спецназовцы действовали отчаянно и решительно.

…Бой в самом здании сразу же принял ожесточённый и бескомпромиссный характер. Если из помещений не выходили с поднятыми руками, то выламывались двери, в комнату бросали гранаты, а затем без разбору стреляли из автоматов. «Шилки» на это время перенесли огонь на другие объекты. БМП покинули площадку перед дворцом и заблокировали единственную дорогу.

Всё шло как будто по плану, но случилось непредвиденное. При выдвижении подразделений батальона в район боевых действий с построенного через арык мостика свалился один бронетранспортёр и перевернулся. Люки оказались закрытыми, и экипаж не мог из него выйти. Командир отделения стал вызывать по радиостанции подмогу. Он включился на передачу, безостановочно вызывал своего старшего командира. Этим в самый ответственный момент радиосвязь была парализована. Пришлось командованию батальона использовать другие средства связи. Хорошо ещё, что они были предусмотрены заранее.

Другая рота и два взвода вели огонь по танковому батальону и не дали его личному составу добраться до танков. Затем они захватили танки и одновременно разоружили личный состав строительного полка. Спецгруппа захватила вооружение зенитного полка, а личный состав взяла в плен. На этом участке руководство боевыми действиями осуществлял подполковник О. У. Швец. Во дворце офицеры и солдаты личной охраны Амина, его телохранители (их было около 100–150 человек) сопротивлялись отчаянно и в плен не сдавались. «Шилки» снова перенесли огонь и стали бить по Тадж-Беку и по площадке перед ним (заранее была установка — никому из спецгрупп КГБ и спецназа на площадку из дворца не выходить, потому что живым оттуда выпускать не будут). Но не все эту установку выполнили и поплатились за это жизнью. В здании на втором этаже дворца начался пожар. Это оказало сильное моральное воздействие на обороняющихся.

Однако по мере продвижения спецназа ко второму этажу Тадж-Бека стрельба и взрывы усиливались. Солдаты из охраны Амина, услышав русскую речь и мат, стали сдаваться высшей и справедливой силе. Как потом выяснилось, многие из них учились в десантной школе в Рязани, где видно, и запомнили русский мат на всю жизнь. Я. Семёнов, Э. Козлов, В. Анисимов, С. Голов, В. Карпухин и А. Плюснин бросились на второй этаж. М. Романову из-за сильной контузии пришлось остаться внизу.

Позже мне не раз приходилось слышать мнение, что дворец Тадж-Бек брали спецгруппы КГБ, а армейцы только присутствовали при этом. На мой взгляд, это не совсем так. Одни

чекисты ничего бы сделать не смогли. Конечно, по уровню личной подготовки спецназовцам трудно было тягаться с профессионалами КГБ, но именно они обеспечивали успех этой операции.

Когда штурмовые группы разведчиков-диверсантов ворвались во дворец и устремились к своим объектам внутри здания, встречая сильный огонь охраны, участвовавшие в штурме спецназовцы «мусульманского» батальона создали жёсткое непроницаемое огневое кольцо вокруг объекта, уничтожая всё, что оказывало сопротивление. Без этой помощи потерь было бы значительно больше. Ночной бой, бой в здании требует теснейшего взаимодействия и не признаёт выделения каких-либо ведомств.

Находившиеся во дворце советские врачи попрятались кто куда мог. Сначала думали, что напали моджахеды, затем — сторонники Н. М. Тараки. Только позднее, услышав русский мат, они поняли, что атакуют свои. Алексеев и Кузнеченков, которые должны были помогать дочери Амина (у неё был грудной ребёнок), нашли «убежище» у стойки бара. Вскоре они увидели Амина, который шёл по коридору в белых адидасовских трусах, держа в высоко поднятых, обвитых трубками руках, словно гранаты, флаконы с физраствором. Можно было только представить, каких это усилий ему стоило и как кололи вдетые в кубитальные вены иглы.

Алексеев, выбежав из укрытия, первым делом вытащил иглы, прижал пальцами вены, чтобы не сочилась кровь, а затем довёл генсека до бара. Амин прислонился к стене, но тут послышался детский плач — откуда-то из боковой комнаты шёл, размазывая кулачками слёзы, его пятилетний сынишка. Увидев отца, бросился к нему, обхватив за ноги, Амин прижал его к себе, и они вдвоём присели у стены.

Спустя много лет после тех событий А. Алексеев рассказывал, что они не смогли больше находиться возле бара и поспешили уйти оттуда, но когда шли по коридору, то раздался взрыв и их взрывной волной отбросило к двери конференц-зала, где они и укрылись. В зале было темно и пусто. Из разбитого окна сифонило холодным воздухом и доносились звуки выстрелов. В. Кузнеченков стал в простенке слева от окна, А. Алексеев — справа. Так судьба их разделила в этой жизни.

Амин приказал своему адъютанту позвонить и предупредить советских военных советников о нападении на дворец. При этом он сказал: «Советские помогут». Но адъютант доложил, что стреляют именно советские. Эти слова вывели генсека из себя, он схватил пепельницу и бросил её в адъютанта, закричав

раздражённо: «Врёшь, не может быть!». Затем сам попытался позвонить начальнику Генштаба, командиру 4-й танковой бригады, но связи с ними не было. После этого Амин тихо проговорил: «Я об этом догадывался, всё верно».

Тем временем, спецгруппа КГБ прорвалась к помещению, где находился Хафизулла Амин, и в ходе перестрелки он был убит офицером этой группы. Труп главы правительства ДРА и лидера НДПА завернули в ковёр… Основная задача была выполнена.

Когда спецназовцы прорывались по второму этажу, раздался женский крик: «Амин, Амин…». Кричала, видимо, его жена. Н. Курбатов из «Зенита», единственный из бойцов, кто знал местный язык, стал переводить Семёнову. Вскоре спецназовцы увидели Амина, лежащего возле стойки бара.

На двух захваченных у афганцев танках к зданию дворца прибыла группа капитана Сатарова. Он доложил Колеснику, что когда они проезжали мимо третьего батальона бригады охраны, то увидели — в батальоне объявлена тревога. Афганские солдаты получают боеприпасы. Рядом с дорогой, по которой проезжали спецназовцы, стоял командир батальона и ещё два офицера.

Решение пришло быстро. Выскочив из машины, они захватили командира афганского батальона и обоих офицеров, бросили в машину и поехали дальше. Некоторые солдаты, успевшие получить патроны, открыли по ним огонь, а затем и весь батальон устремился в погоню за машиной — освобождать своего командира. Тогда спецназовцы спешились и начали стрелять из пулемётов по бегущей пехоте. Открыли огонь и бойцы роты, обеспечивающей действия группы Сатарова. «Положили» очень много — порядка 250 человек, остальные разбежались. В это время из снайперских винтовок сняли часовых возле танков и чуть позже захватили их.

С командного пункта, вырытого на гребне горы рядом с одной из «Шилок», Колесник и я руководили боем. По кратким радиосообщениям чувствовался его ритм, нарастание и затухание. В какой-то момент резкое усиление огня — и наступила тишина. Даже отдельных выстрелов не было.

— Всё, — сказал Колесник и добавил: — Это мой первый и настоящий в жизни бой. А у вас?

— Очередной, — ответил я после недолгого молчания.

Бой продолжался 43 минуты.

Командир роты старший лейтенант Шарипов доложил, что дворец захвачен. Полковник Колесник дал команду на прекращение огня и перенёс свой командный пункт непосредственно во дворец.

Когда мы с Колесником поднялись к Тадж-Беку, к нам стали

подходить командиры штурмовых групп и подразделений с докладами. В. Карпухин подошёл к ним с каской в руках и показал застрявшую в тримплексе пулю: «Смотрите, как повезло. Я теперь маму увижу». Раненых и погибших эвакуировали на БМП и бронетранспортёрах.

Вошли во дворец. Внизу, в холле, продолжали перевязывать раненых. Разгорячённые только что закончившимся боем, проверяя, нет ли затаившихся аминовцев, ходили спецназовцы и штурмовики.

В тот вечер в перестрелке был убит общий руководитель спецгрупп КГБ полковник Г. И. Бояринов, его заменил подполковник Э. Г. Козлов. По свидетельству участников штурма, в конференц-зале осколком гранаты был сражён полковник В. П. Кузнеченков.

Всего в спецгруппах КГБ непосредственно при штурме дворца погибло пять человек и было 17 раненых. Почти все были ранены, но те, кто мог держать оружие в руках, продолжали сражаться. В «мусульманском» батальоне погибло 5 человек, ранено — 35. 23 бойца, получившие ранения, остались в строю. Например, раненный в ногу старший лейтенант В. Шарипов продолжал руководить вверенной ему ротой. Остальных раненых медик батальона капитан Ибрагимов вывез на БМП в кабульский госпиталь.

Вполне вероятно, что кто-то из наших соотечественников пострадал от своих же: в темноте личный состав «мусульманского» батальона и спецгруппы КГБ узнавали друг друга по белым повязкам на рукавах, паролю «Миша — Яша» и… мату. Но ведь все они были одеты в афганскую военную форму, а вести стрельбу и бросать гранаты приходилось часто с приличного расстояния. Вот и попробуй тут уследить ночью, в темноте, да ещё в такой неразберихе, у кого на рукаве была повязка, а у кого нет…

В течение ночи спецназовцы несли охрану дворца, так как опасались, что на его штурм пойдут дислоцированные в Кабуле дивизии и танковая бригада. Но этого не случилось. Советские военные советники и переброшенные в афганскую столицу части воздушно-десантных войск не позволили им этого сделать. К тому же спецслужбами заблаговременно было парализовано управление афганскими силами.

Не обошлось и без курьёзов. Ночью нервы у всех были напряжены до предела. Ждали нападения верных Амину войск. Предполагали, что во дворец ведёт подземный ход. Вдруг из шахты лифта послышался какой-то шорох. Спецназовцы вскочили, стали стрелять из автоматов, бросили гранаты, но

оттуда выскочил обезумевший от страха кот.

Захват остальных ключевых объектов в Кабуле прошёл спокойно и с минимальными потерями, в том числе и здания министерства обороны ДРА. Комитетчики и спецназ довольно быстро покончили с охраной, но начальник генерального штаба Якуб сумел забаррикадироваться в одной из комнат и начал по рации вызывать подмогу, прежде всего рассчитывая на 444-ю бригаду командос. Однако никто не поспешил ему на выручку, и к полуночи, поняв всю бесперспективность дальнейшего сопротивления, он сдался на милость победителей. Милость проявлена не была. В группе захвата присутствовал афганец — один из функционеров «Парчам», по некоторым данным, Абдул Вакиль, который зачитал «предателю» Якубу приговор «от имени партии и народа» и затем собственноручно застрелил уже бывшего начальника генштаба из пистолета.

Вечером 27 декабря на связь с находившимся на аэродроме в Баграме Бабраком Кармалем вышел Ю. В. Андропов. От себя и «лично» от Л. И. Брежнева он поздравил Кармаля с победой «второго этапа революции» и назначением его Председателем Революционного совета ДРА. Кармаль сразу же распорядился перевезти его в столицу.

В ночь на 28 декабря в Афганистан вошла ещё одна мотострелковая дивизия, ранее развёрнутая в Кушке (командир генерал Ю. В. Шаталин) Она направилась в Герат и Шинданд. Один полк этой дивизии разместился на аэродроме Кандагар. Позже он был переформирован в 70-ю бригаду.

Утром 28 декабря, прозвучали последние выстрелы операции по ликвидации аминовского режима, в ходе которого спецназ, впервые появившийся в Афганистане, сказал своё веское и решительное слово. Никто из «мусульманского» батальона не подозревал, что отгремевший ночной бой был лишь дебютом, после которого предстоит участие в сотнях операций, ещё более кровопролитных, чем эта, и что последний солдат спецназа покинет афганскую землю лишь в феврале восемьдесят девятого года.

В ту ночь произошёл не просто очередной государственный переворот в Кабуле, при котором власть из рук «халькистов» перешла к «парчамистам», поддержанным советской стороной, а было положено начало резкой активизации гражданской войны в Афганистане, была открыта трагическая страница, как в афганской истории, так и в истории Советского Союза. Солдаты и офицеры — участники декабрьских событий искренне верили в справедливость своей миссии, в то, что они помогают избавиться афганскому народу от тирании Амина и, выполнив свой

интернациональный долг, вернутся к себе домой. Они не были политологами и историками, учёными и социологами, которые должны были бы предсказать дальнейший ход событий и дать ему оценку. Они были солдатами, выполнявшими приказ…

Спецназовцы утром разоружили остатки бригады охраны. Более 1700 человек афганцев было взято в плен. Однако и здесь не обошлось без потерь. В частности, когда в здании штаба бригады охраны появился белый флаг, то из подъехавшего к нему БМП выскочил замполит роты и двое солдат (хотя было указание из машин не выходить). С крыши глинобитного строения, где размещалась личная охрана Амина, раздалась пулемётная очередь, и все трое погибли.

Убитых афганцев, в том числе и двух малолетних сыновей Х. Амина, закопали в братской могиле неподалеку от дворца Тадж-Бек (впоследствии, с июля 1980 года, там располагался штаб 40-й армии. Труп Амина, завёрнутый в ковёр, ещё ночью под руководством замполита батальона капитана Анвара Сахатова был погребён там же, но отдельно от остальных. Никакого надгробия ему поставлено не было. Оставшиеся в живых члены его семьи были посажены в тюрьму Пули-Чархи, сменив там семью Тараки.

Даже дочь Амина, которой во время боя перебило ноги, оказалась в камере с холодным бетонным полом. Но милосердие было чуждо людям, у которых по приказу Амина были замордованы их близкие и родственники. Они жаждали мести.

В середине дня 28 декабря командование «мусульманского» батальона прибыло в здание советского посольства в Кабуле.

Сперва доложили генерал-полковнику С. К. Магометову и резиденту ГРУ о выполнении задачи. Затем полковник В. В. Колесник связался с Москвой из кабинета посла и доложил генералу армии П. И. Ивашутину о результатах операции, одновременно предложив ему вывести батальон из Афганистана в Чирчик. Начальник ГРУ ГШ распорядился решать этот вопрос с командованием ТуркВО.

Я сел писать подробную шифровку в Москву. Помню, что во всех докладах командиров штурмовых групп подчёркивалось: «Претензий к десантникам нет. Молодцы». Шифровка заняла несколько страниц. В ней были перечислены наиболее отличившиеся при штурме дворца Тадж-Бек сотрудники групп «Гром» и «Зенит», а также десять офицеров и солдат «мусульманского» батальона. Это было моё предложение. Наградные же стали писать в Москве во второй половине января 1980 года.

Вечером произошёл случай, чуть было не стоивший жизни

всем непосредственным руководителям операции «Шторм-333». Они возвращались в расположение батальона на правительственном «мерседесе» и, хотя заранее согласовали сигналы с генерал-лейтенантом Н. Н. Гуськовым, возле здания Генштаба ВС ДРА были обстреляны своими же десантниками. Спустя годы генерал-майор Василий Васильевич Колесник вспоминал: «Раздалась автоматная очередь. Первые пули впились в землю перед машиной, затем трасса пуль стала подниматься, машина вдруг резко остановилась и заглохла. Мы стали кричать, что свои. И после обмена паролями стрельба прекратилась». Олег Ульянович Швец выскочил из машины и бросился за придорожные кусты. Послышались возня и звук оплёух.

— Ты что, балда, не видишь, что по своим стреляешь?

Когда вышли из машины и подняли капот, увидели, что там было пять пулемётных пробоин. Я вслух сказал: «Чуть выше — и все бы погибли так бездарно». После громкой тирады мата, выплеснутой Швецом в сторону стрелявшего, я вышел из машины навстречу подошедшему офицеру и спросил:

— Твой солдат?

Лейтенант-десантник молчал.

— Спасибо, лейтенант, что не научил его стрелять, — добавил я.

Дроздов, Колесник и Швец пересели в бронетранспортёр к Халбаеву, взяли на буксир «мерседес», в котором остались Козлов с Семёновым, и поехали в расположение батальона.

По прибытии на место решили «отметить» успех. «Впятером мы выпили шесть бутылок водки, — рассказывал спустя годы генерал-майор Василий Васильевич Колесник, — а было такое впечатление, будто и не пили вовсе. И нервное напряжение было настолько велико, что, хотя мы не спали, наверное, более двух суток, заснуть никто из нас никак не мог. Некоторые аналитики оценили действия спецназа как вероломные. Но что было делать в такой обстановке? Вопрос стоял — или они нас, или мы их».

И сколько бы лет ни прошло, у каждого спецназовца штурм дворца Х. Амина останется в памяти навсегда. Это был кульминационный момент всей их жизни, и они с честью выполнили задание своего правительства.

Закрытым Указом Президиума Верховного Совета СССР большая группа сотрудников КГБ (около 400 человек) была награждена орденами и медалями. Полковнику Г. И. Бояринову было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Такого же звания были удостоены В. В. Колесник, Э. Г. Козлов и В. Ф. Карпухин. Ю. И. Дроздова наградили орденом Октябрьской Революции. Командир группы «Гром» М. М. Романов был

награждён орденом Ленина. О. У. Швеца и Я. Ф. Семёнова наградили орденом Боевого Красного Знамени. Получили правительственные награды также около 300 офицеров и солдат «мусульманского» батальона, из них 7 человек наградили орденом Ленина (в том числе Халбаева, Сатарова и Шарипова) и порядка 30 — орденом Боевого Красного Знамени (в том числе В. А. Вострotина). За «штурм дворца Амина» полковник В. П. Кузнеченков, как воин-интернационалист, удостоен ордена Боевого Красного Знамени (посмертно). А. Алексееву же дали Почётную грамоту при его отъезде из Кабула на Родину.

Участники штурма дворца, выполняя приказ, рисковали жизнью (некоторые погибли и были ранены). Другое дело — ради чего? Ведь солдаты всегда являются пешками в чьей-то большой игре и сами войн никогда не начинают…

По возращении из Кабула в Москву 31 декабря 1979 года я с одним из офицером ГРУ, принимавшим участие в операции, был на приёме у начальника Генерального штаба маршала Н. В. Огаркова. Николай Васильевич внимательно выслушал наш доклад и принял от нас единственный документ, характеризующий все особенности этого боя: лист карты с нанесённой обстановкой, задачами подразделений спецназа и таблицей взаимодействия. Маршал бросил быстрый взгляд на карту и спросил: «Почему не утверждена?» Мы промолчали. Обычно сдержанный, он выругался в адрес не утвердивших боевой документ, встал и положил лист карты в свой приоткрытый сейф.

Я не осуждаю двух генералов, которым не хватило мужества поставить свои подписи, утвердить документ, воспользоваться правом, предоставленным им руководством страны. Мы уходили выполнять задание правительства, сознавая, что можем не вернуться, оставляя, как принято в таких случаях, всё на сохранение другим. Их же поступок оставил щемящее чувство досады: мы рисковали жизнью, они — возможной оглаской личной причастности к этому событию. Может быть, этот шаг характеризовал их личное отношение к решению руководства страны? Не знаю, но разделяю возмущение маршала Н. В. Огаркова.

«Афганцы» всё помнят. И каждый год 27 декабря в 15.00 они встречаются на установленном ещё после первого боя месте. Постоят, посмотрят друг на друга, поговорят и помолчат.

Труд солдата на Руси исстари был в почёте. Опасность, нависшая сегодня над страной, настоятельно требует исправить эту вторую ошибку. Пока не поздно, пока…

Дроздов Ю. И., генерал-майор Комбриг

Теперь, когда многое пережито, когда в прошлом остались самые яркие и наиболее насыщенные событиями страницы из истории 15-й бригады спецназначения, хотелось бы на суд потомков вынести воспоминания о личности, без участия которой не было бы достижений ни прошлых, ни нынешних лет. Василий Колесник — легенда, принадлежащая не только армейскому Спецназу, но всей России.

Главное Разведывательное Управление всегда отличалось сдержанностью и незаурядной скромностью. Именно вследствие этого многие герои Великой Отечественной войны и недавней афганской войны до сих пор не получили достаточной огласки. Примером этому может служить вышедшая в 2002 году из издательства «Олма — Пресс» в Москве книга «Россия в лицах. ГРУ. Дела и люди». Как ни странно, в этом добротном справочнике я не нашел фамилии Василия Васильевича Колесника. Так и после смерти остался в тени этот необыкновенный и героический человек. Может быть, я что-то не понимаю? Но о секретности тут говорить не приходится, так как операция, которую он проводил 27 декабря 1979 года в Кабуле, уже давно вошла во все учебники специальных операций мира. Ее изучали по деталям до мелочей и будут изучать многие поколения. Она была талантливо спланирована менее чем за трое суток и проведена менее чем за час. Каждому отечественному спецназовцу хорошо известно и имя Героя Советского Союза генерал-майора В. В. Колесника.

… В жаркую ночь междугородний автобус, завершив свой длинный путь по горам и ущельям через три азиатские республики, доставил меня в пункт назначения в столицу Узбекистана.

«Алмазом в песчаной оправе» великих среднеазиатских пустынь издавна называли эту землю. А там, где с Чимгана несет свои живительные воды стапятидесятикилометровой длины река Чирчик, питающаяся снегом Западного Тянь-Шаня, правым притоком Сыр-Дарьи, в средней части ее долины, расположен город Чирчик. Он возник давно на границе расселения оседлых и скотоводческих племен, на перекрестке важных торговых путей, соединяющих страны Востока и Азии со странами Средиземноморья и Европы, а при советской власти стал город индустриальным.

…Такси остановилось у монумента, белеющего в темноте. Стояла жаркая и темная беззвездная ночь. Пронзительно пели цикады. Недалеко ревел Аккавак, несущий в канале свой стремительный поток.

Необычный памятник погибшим производил сильное эмоциональное впечатление. Центром композиции являлись три белоснежных стелы, в верхней части которых — как бы летящий в сторону города клин птиц — олицетворение тех, кто не вернулся с войны. Стелы установлены на верхней террасе, а ниже, у подножья стел, около гранитного «родника» с пульсирующей струйкой воды, расположена скульптура раненой птицы. Последний взмах крыла, голова, устремленная к небу, — это реквием павшему солдату. На граните «родника» высечена строфа из стихотворения Р. Гамзатова:

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.

Забегая вперед скажу: с началом войны в Афганистане Меккой советского спецназа стал этот город, а священным камнем этого города стал Памятник. Впоследствии тысячи солдат и офицеров стояли у подножья памятника на Аккаваке (стоял и я) перед отправкой в Афганистан. Не предполагая, что через какое-то время кто-то из них, раненых и выживших, молчаливой толпой будут возвращаться к этому месту. К глубокому сожалению, мы уже никогда не сможем выполнить однажды данную клятву: «Встретиться у трех журавлей». Дорога туда нам заказана… Но все это навсегда запечатлелось в нашей памяти…

Как оказалось, главным делом жизни нашего поколения была Афганская война. В Афганистане части спецназа были малочисленными по сравнению с общевойсковыми частями и соединениями. Они составляли всего 4,5 процента от общей численности ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Но это были наиболее подготовленные военнослужащие: они показали себя, по словам генерала Громова, профессионалами самой высокой пробы.

Как и кем формировалась эта элита чирчикского Спецназа, я постараюсь рассказать. Итак, обо всем по порядку. Многое в моей жизни связано с Василием Васильевичем Колесником, которого я знал тридцать лет, и которого величал не иначе как Батей…

Мы познакомились в 1972 году, когда я, двадцатидвухлетний лейтенант, выпускник училища, получив предписание в

разведуправлении САВО, прибыл для прохождения службы в чирчикскую отдельную бригаду специального назначения.

Приехал я из Ташкента около четырех утра, было еще достаточно темно, со мной находилась молодая жена Галина, биография которой в будущем почти полностью повторила сюжет известного культового советского фильма «Офицеры». Прибыв в часть, я испытал понятное, каждому чувство волнения. Ведь начинался новый период моей жизни. Откуда мне было тогда знать, что в то время не просто исполнилась моя курсантская мечта, а в принципиальном плане и коренным образом определилась моя офицерская судьба и, в конечном счете, отсюда началась и военная карьера. Тогда еще я и не мог предполагать, что ближе этой части у меня не будет никакой другой, и служить в ней мне доведется дважды. Именно здесь произойдет много значимых событий, начало которым было положено в то сентябрьское утро. Предчувствуя, что впереди у меня много интересного, я как губка впитывал впечатления и информацию, на ходу пытаясь разобраться, куда же все-таки судьба меня занесла. При этом первые впечатления оказались весьма добрые и положительные.

В тот период времени часть спецназа была секретным и хорошо обученным соединением. Под руководством начальника штаба в бригаде была образцово организована служба войск. Это я почувствовал с первых минут поиска, переходя от одного КПП (полк гражданской обороны) к другому КПП (отдельная школа военных поваров). На мой вопрос о том, где находится бригада спецназа, все дежурные офицеры страшно удивлялись и давали невразумительный ответ. Она была так залегендирована, что о существовании ее не знали даже в соседних воинских частях… Тогда, сообразив, я начал спрашивать иначе, «Есть ли тут парашютисты-десантники?». Оказалось, что такие есть.

… В темноте, куда меня направили, действительно располагалось что-то похожее на военный городок. Но пребывания людей там не ощущалось. Долго я ходил вдоль забора части, пока не подошел к зданию, по внешнему виду похожему на КПП. Постояв в растерянности около совершенно неосвещенного объекта, я хотел уже уйти, но в этот момент услышал тихий разговор внутри здания. Обрадовавшись, я энергично постучал в дверь и был крайне удивлен быстротой реакции дежурного наряда. Дверь открылась. На пороге стоял высокий сержант в голубом берете. Я только начал объяснять причину моего прихода, как он уже снял телефонную трубку и доложил невидимому дежурному о прибытии заместителя командира 6-й роты, то есть о моем приезде. Выходит, обо мне

знали и уже ждали.

«Вот это организация службы. Значит, я служить буду в шестой роте?!» — подумал я.

Пользуясь моментом, огляделся. Здание КПП соответствовало обычным уставным стандартам, но в комнатах было синее маскировочное освещение, и окна были наглухо задрапированы черными шторами. Вот почему городок и КПП выглядели такими нежилыми. Подобной светомаскировки я в войсках, до того уже побывавший в Уральском, Забайкальском и Белорусском округах, еще не видел. Позднее я понял, что спецназ удачно использовал воздушно-десантные войска в качестве «крыши». Десантная форма, активное применение легенды, согласно которой соединения специального назначения назывались воздушно-десантными бригадами, а в Афганистане мотострелковыми бригадами, — все это позволяло нашим войскам в определенной степени скрывать свою истинную суть. Принимавшиеся в спецназе строгие меры конспирации позволяли достаточно длительный период времени не выходить ему из тени ВДВ. Прежде всего я был приятно удивлен хорошей строевой выучкой и бросающейся в глаза предупредительностью, с одной стороны, и сдержанностью, с другой, в поведении сержанта-дежурного по КПП части, который, внимательно проверив мое предписание, сказал: «Пожалуйста, проходите, товарищ лейтенант», — при этом, как мне показалось, подчеркнуто отдал честь, приложив руку к голубому берету, лихо одетому почти на правое ухо. Не скрою, сам процесс проверки документов, который, будучи довольно коротким по времени, мне очень понравился тем, что дежурный действовал, хоть и в рамках инструкции, но, я бы сказал, подчеркнуто четко. Кроме того, в форме одежды сержанта Рыкова, так звали дежурного, я не заметил никаких нарушений, что мне также было приятно отметить. Подстать ему по выправке оказались и два дневальных по КПП, которые вышли из дежурной комнаты и с нескрываемым интересом рассматривали молодого лейтенанта, прибывшего в часть.

Дежурный по КПП повел меня в штаб, где и передал дежурному по части, который пригласил меня зайти в дежурку. В комнате было два офицера — майор Кондратович и лейтенант Тимченко, бросились в глаза железные сейфы для пистолетов и большая лопасть вентилятора, крутящаяся со специфическим шелестом под потолком.

Высокий блондин, Дмитрий Васильевич, замполит второго отряда спецназа, доброжелательно пожал мне руку и пояснил:

— Вас ждали. Так еще вчера звонил лично начальник разведки округа полковник Ф. И. Гредасов. По приказу

начальника штаба Колесника, который сейчас исполняет обязанности комбрига, вам уже подготовлена отдельная комната в доме офицерского состава, куда помощник дежурного по части сейчас и отвезет.

Это было так неожиданно и как нельзя кстати. Минут через десять мы уже были в жилом городке, в котором стояло около десятка домов офицерского состава. Нашему взору предстал двухэтажный кирпичный дом, по добротности и особенностям кладки архитектуры относящийся к началу двадцатого века. Во время последнего землетрясения его стены немного треснули и были насквозь стянуты стальными балками. Поднялись по широкой лестнице на второй этаж и очутились в большой пустой комнате коммунальной квартиры. Две семьи моих теперешних соседей, тоже офицеров бригады, старших лейтенантов Манченко и Коновальчикова еще спали. Стрелки часов показывали пять утра. Помощник дежурного по части, который привез нас в эту квартиру, ушел, а следом за ним в комнату влетели высокий блондин в спортивном костюме (им оказался мой ротный командир А. А. Неделько) и несколько солдат в туркестанских выгоревших на солнце шляпах с двумя кроватями, табуреткой, тумбочкой, двумя матрацами и подушками.

— С приездом! — сказал Анатолий Артемович, — Вот по приказу комбрига — принимайте мебель и постели.

Мы познакомились с ротным. Солдаты сноровисто установили посреди комнаты принесенный инвентарь и, спросив разрешения у «товарища старшего лейтенанта», убежали.

— Товарищ лейтенант, давайте умывайтесь, приводите себя в порядок и приходите в часть для представления командованию, — сосредоточенно и официально отдал распоряжение мне Неделько и удалился.

…Разгорался новый день, который открывал мою офицерскую службу. Зашевелились и начали хлопать дверями ванной наши соседи. Я переоделся в парадную форму и ушел представляться в штаб, где дежурный провел меня прямо к кабинету командира бригады, и пока там были посетители, пояснил, что командир полковник Мосолов Р. П. в настоящее время находится в отпуске, а его обязанности исполняет начальник штаба бригады подполковник Колесник. Когда исполняющий обязанности комбрига освободился, я зашел в кабинет и доложил о своем прибытии в часть для дальнейшего прохождения службы. Навстречу мне из-за стола вышел подполковник, одетый в офицерскую рубашку с погонами, выше среднего роста, крепкий, подтянутый и красивый. Открытое выразительное лицо, приветливый взгляд, четкая немногословная речь, скорее

лаконичная, доверительный голос. Колесник внимательно смотрел мне прямо в глаза и, крепко пожав руку, поздравил с прибытием в бригаду. Он закурил беломорину и, присев, начал беседу — поинтересовался моим размещением на новом месте и здоровьем жены. Я поблагодарил его за заботу. Колесник объявил, что я назначаюсь на должность погибшего лейтенанта Парамонова, подчеркнув, что шестая рота является отличным подразделением и мне очень повезло служить в таком коллективе. Коротко дал характеристику командному составу роты, пожелал успехов и отправил меня представляться командованию батальона, которое уже находилось на плацу и готовилось к построению. Я представился комбату капитану Нихимчук и его начальнику штаба майору Лабадзе.

Я хорошо запомнил, что с первой нашей встречи Колесник произвел на меня самое приятное впечатление. Удивило меня его доброе, простое и сердечное отношение во время беседы, а трижды удивила его забота о нашей молодой семье.

Во время построения шестой роты на развод на занятия старший лейтенант Неделько официально представил меня личному составу подразделения. На плацу перед одноэтажным длинным зданием барачного типа — нашей казармой, стояла моя шестая рота. Здесь начиналась хлопотная непрерывная солдатская жизнь с тревогами, подъемами и отбоями, занятиями в классах и на учебных полях, изнурительными учениями и парашютными прыжками. Сотня пар любопытных глаз с интересом разглядывала меня.

— Кто ты, лейтенант? Чего стоишь?

Рота заняла свое место в строю бригады, а я встал на правом фланге роты левее командира. Буквально с первых минут моего пребывания в части меня охватил совершенно необычный душевный подъем, при этом поймал себя на мысли, что мне здесь уже все нравится, хотя я еще фактически ничего не знаю о бригаде. Порадовала меня деловая и спокойная атмосфера, без ругани и унижения, опрятная форма одежды военнослужащих и то, что солдаты-спецназовцы четко отдавали честь, переходя на строевой шаг. Более того, воинскую честь мне, зеленому лейтенанту, отдавали даже прапорщики, что, как известно, очень редко встречается в армии.

Во время беседы с офицерами роты, оказалось, что из пяти человек четверо взводных закончили суворовские училища, так же как и подполковник В. В. Колесник, являющийся выпускником Орджоникидзевского суворовского училища. Я этому был несказано рад, так как знал, что «кадеты» отличались от других выпускников военных училищ особым демократизмом и умением

руководить и командовать без ругани. Уместно будет сказать, что за годы моего общения с Василием Васильевичем Колесником я никогда не слышал грубого слова или пренебрежительного тона. Эту манеру общения с подчиненными я и для себя взял на вооружение, наверное, с тех первых минут пребывания в части.

Одним мгновением пролетели первые недели, месяцы и годы службы. С первого дня и на всю службу в этом гарнизоне определился мой распорядок работы. Рабочий день начинался в шесть утра — с пятидесятиминутной утренней зарядки, и заканчивался после отбоя в 23 часа. Правда, в дневное время, в самую жару, как и всюду в Азии, распорядком части для всех был закреплен обеденный перерыв на два часа, и я, если не было прыжков, полевых выходов или учений, проводил это время дома.

С первых минут службы, и навсегда, я очень гордился тем, что попал в отборные войска разведки и очень старательно относился к своим служебным обязанностям. Ведь из всех подразделений ГРУ особым романтическим ореолом были окружены части специального назначения, получившие устойчивое сокращенное название — спецназ. Командовал бригадой опытный офицер фронтовик полковник Р. П. Мосолов. Под стать командиру был и начальник штаба бригады подполковник Василий Васильевич Колесник. В тот период рядом с Мосоловым он был, конечно, молод — ему было всего 37 лет. Но он хотя и был моложе Мосолова, но, как передала солдатская молва, тоже хлебнул горюшка в годы войны: потерял родителей, расстрелянных у него на глазах карателями, пережил оккупацию и тяжелое послевоенное время. Для нас, лейтенантов, возраст Колесника значения не имел, так как это был уже сложившийся руководитель, имеющий свое я.

Через несколько лет комбрига Р. П. Мосолова назначили начальником службы войск штаба САВО, а В. В. Колесник принял у Роберта Павловича бригаду, достойно продолжил заложенные предшественниками боевые традиции и порядки.

Его любили в коллективе. Обладая незаурядным талантом организатора, даром искусного психолога, Василий Васильевич очень тонко разбирался в людях. Буквально за три-пять минут он составлял мнение о человеке и потом, со временем, вряд ли его менял, поскольку таковое было безошибочным. Не скажу, что находиться в одной упряжке с ним было легко и просто. Нет, это был ежедневный экзамен на зрелость, на готовность служить делу, которому себя посвятил, без устали, без нытья, передышки, выходных и праздников. Одним словом, необходимо было соответствовать критериям, выдвигаемым Колесником к кадрам. А он был для нас примером во всем.

Как оказалось, Колесник являлся хорошим спортсменом. Рассказывали, еще в СВУ Василий увлекся гимнастикой и акробатикой, стрельбой и бегом. Будучи уже курсантом, занял призовое место на соревнованиях среди училищ округа по бегу на марафонскую дистанцию. Выполнил нормы кандидата в мастера спорта по марафону, стрельбе, по многоборью и парашютному спорту, а к тому же еще по десяти видам у него был второй разряд. Под его неусыпным контролем каждое воскресенье в бригаде проводились соревнования по боксу, по легкой атлетике, по плаванию, по популярному тогда в десантных войсках и спецназе гиревому спорту. Любимой настольной игрой Василия Васильевича были шахматы — они тренировали ум, оттачивали память, развивали смекалку. И часто в штабе после обеда или в минуты отдыха любил сыграть партию в шахматы.

Боевая подготовка в бригаде шла своим ходом. Василий Васильевич хорошо знал и любил ее, вникал в истоки обучения, всегда требовал нового в методике и учебно-материальной базе. Он часто напоминал нам: «Обучение войск делается в роте, меньше в батальоне». Ротное расписание занятий он рассматривал, как государственный план, и всякий срыв его требовал считать чрезвычайным происшествием. Штатный личный состав подразделений спецназа мужал на тактических учениях и маневрах. Занимаясь реальной разведывательной и диверсионной деятельностью в тылах «противника» он наводил страх на штабы частей и соединений, привыкших работать в комфортных условиях…

Нам, лейтенантам, служить при Колеснике было очень интересно. Один период обучения совершенно не походил на другой. Военнослужащие бригады занимались альпинизмом, совершали восхождения и учебные разведвыходы в горы Чимгана и там же неделями учились акклиматизации и выживанию в условиях высокогорья. К юбилею 60-летия Октябрьской революции подавляющая часть разведчиков, после сдачи соответствующих нормативов, была награждена знаками «Альпинист СССР».

Разведчики бригады хорошо знали громадный Среднеазиатский регион, как по собственному двору, ходили на учениях бескрайними степями Казахстана, мучились от жажды в пустынных барханах Туркмении, закалялись и физически, и духовно в предгорьях Тянь-Шаня…

Впоследствии весь этот опыт был востребован в Афганистане: в горах Гиндукуша, в пустынях Регистан и Дашти-Марго…

Самым волнующим и любимым периодом подготовки личного состава бригады являлись сборы по ВДП и прыжки с

парашютом, которые проводились на авиационной базе Ферганской 105-й воздушно-десантной дивизии непосредственно на чирчикском полигоне. С этой целью приказом командующего ВДВ генерала армии В. Ф. Маргелова в распоряжение комбрига полковника Колесника высылались по два самолета военно-транспортной авиации АН-2 и АН-12 из Ферганы. И тут наш комбриг умел показать себя опытным и бесстрашным парашютистом. Я помню мы не раз обсуждали в курилке с офицерами, как это ему удается так элегантно красиво отделяться от самолета. А как грамотно он приземлялся независимо от метеоусловий на капризном Багише.

Нашим вероятным противником в тот период считался Китай, а не ближайший сосед — Афганистан. Под руководством наших офицеров-переводчиков мы добросовестно изучали китайский язык и Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая, где планировалось боевое использование групп нашей бригады. Нам внушали, что «Китай ведет открытую пропаганду войны, причем острие этой пропаганды направлено против СССР, в лице которого маоисты усматривают главное препятствие в реализации своих великодержавных гегемонистских целей».

Мы изучали рельеф, гидрографию, климат, административное устройство, экономику, нравы и обычаи населения этого самого крупного по площади автономного района Китая. На его огромной площади смогли бы поместиться три таких государства, как Франция. Горно-пустынный характер местности и резко-континентальный климат на театре военных действий, совместно с хорошо налаженным административно-полицейским режимом и преобладанием чисто китайского населения были нашими противниками. Нас ориентировали на то, что подозрительность, природная наблюдательность и дисциплинированность китайцев могут свести на нет усилия наших диверсионных групп. Каждая штатная группа изучала несколько «своих» возможных объектов: электростанции, плотины, три атомных реактора, химические предприятия, мосты, единственную железную дорогу из Ланьчжоу в Урумчи с пропускной способностью 20 пар поездов в сутки и др. Особое внимание уделялось качеству предполагаемых диверсий. И, как нам бросилось в глаза, вроде бы совершенно не изучались варианты эвакуации разведчиков, после выполнения задачи. Но мы были молоды и недолго предавались размышлениям о своей обреченности в случае реальной выброски в тыл противника. Молодым кажется, что они бессмертны и учебно-боевые задачи мы воспринимали так, как сейчас молодежь принимает виртуальные компьютерные игры в войну…

К счастью, война с великим китайским соседом тогда не разгорелась, а вот самый мирный наш сосед Афганистан, вошел в нашу жизнь и историю страны. Но до этого дня еще нам оставалось несколько лет…

Важнейшим направлением работы командиров всех степеней являлась индивидуально-воспитательная работа с подчиненными по укреплению воинской дисциплины. Василий Васильевич был нетерпим к нарушениям. Многое из того, что практиковал Колесник в работе с офицерами подразделений, впоследствии я широко использовал в своем полку на Дальнем Востоке. Это, пожалуй, было, единственное дело, которое шло достаточно уверенно. Помогали знания основ политработы в подразделении, полученные в стенах училища, а также повседневная практика под оком требовательного комбрига. Хотя работа с людьми очень сложна и многогранна, потому не обходилось без досадных ошибок, эксцессов, сбоев и неприятностей. Набивая первые шишки, я впитывал опыт старших товарищей. Анализировал сказанное комбригом, болезненно воспринимал критику в свой адрес и старался не повторять ошибок. Во всем старался, как учил Колесник, мыслить самостоятельно и искать собственный путь решения проблемы. Этому способствовала творческая обстановка сложившаяся в роте при новом командире капитане Голубовиче, кстати, выпускника того же СВУ, что и комбриг.

В нашем 2-м отряде спецназа, состоящем из четырех рот, шла незримая борьба за первенство. Мы постоянно конкурировали с четвертой ротой, которая выделялась в лучшую сторону. Ею командовал хороший офицер, мой сосед Володя Манченко, а замполитом у него был Саша Зуев. С командирами групп лейтенантами Александром Тимченко, Сергеем Маковским, Сергеем Золотаревым, Сергеем Харламовым мы первыми в бригаде оборудовали в казарме прекрасный спортивный уголок, где, помимо спортивных тренажеров и боксерских груш красочно оформили стенды с фотоиллюстрациями приемов самбо, карате, джиу-джитцу. А также отразили специфику десантной службы и спецназа, историю разведки в наглядной агитации подразделения. Сам комбриг Колесник приходил смотреть на наши труды и сдержанно похвалил. После этого, по нашему опыту подобные спортивные уголки, и стенды о разведке в ленинских комнатах, стали делать и другие роты части. Одобрение инициатив комбригом воодушевляло на новые дела. При поддержке комбрига капитан Александр Голубович взялся за создания современного класса командирской подготовки и ТВД и довел его до совершенства.

Авторитет Колесника в коллективе строился на основе

справедливой и жесткой требовательности, оттеняемой заботой о подчиненных. Например, Василий Васильевич легко и щедро выделял свою легковую машину не только своим помощникам и заместителям, но и молодым лейтенантам.

Мне запомнились мудрые слова комбрига по этому поводу:

— Нас не будет, а это железо останется…Чего его жалеть?! Заправить горючим и выделить по заявке. Кто еще лейтенанту поможет, если не мы.

При этом добрые жесты делались им самостоятельно без унизительных обращений и просьб подчиненных. Вот как, однажды, произошло это со мной. Ко мне прилетала из Свердловска жена с ребенком. Я написал рапорт о выезде в ташкентский гарнизон по семейным обстоятельствам. Подписывая мой рапорт, комбриг тут же дал команду начальнику автослужбы капитану Хайдарову выделить в мое распоряжение автомобиль УАЗ для проезда в аэропорт города Ташкента.

Точно также, как подарок к свадьбе, была выделена «Волга» командиру группы нашей роты старшему лейтенанту Валере Крутских, когда тот попросил освобождения от службы, в связи с регистрацией брака. В этом был стиль работы Колесника с подчиненными.

Да за такого командира мы, лейтенанты, готовы были пойти и в огонь, и в воду.

Василий Васильевич проводил дальновидную кадровую политику, которую пронизывала большая человечность. Он растил и холил, воспитывал командиров, вел по жизни и оберегал, предостерегал от ошибок и опрометчивых шагов. Своевременно отправлял на повышение, готовил кандидатов к поступлению в академии (командную, военно-дипломатическую, военно-политическую). Отбор происходил не время от времени, а постоянно в течение года. И порой офицер еще до этого не дорос, но ему проведенными беседами зажигали ориентиры, к которым следовало стремиться. Тем самым рождалось усердие, которое очень необходимо в порой рутинном и нелегком ратном деле. Ежегодно многие офицеры нашей части поступали в военные академии. Я не помню случая, чтобы кто-то из наших не поступил. Так незаметно и повседневно рождался золотой запас офицерской элиты, ставшей завтрашним отрядом командиров-единоначальников спецназа ГРУ ГШ.

За усердие и успехи в службе командир щедро представлял офицеров и прапорщиков к орденам и медалям. Я помню, как мы радовались за Неделько, Стодеревского, Шапиро, Павловского, Харламова, когда они получили свои первые государственные награды. Кстати сказать, все мои сослуживцы и товарищи в

последующем в мирное и военное время были награждены боевыми орденами. Несколько человек получили досрочные воинские звания, и я оказался в числе этих счастливцев…Это произошло в апреле 1975 года (на три месяца раньше срока!) мне, по представлению комбрига Колесника, приказом министра обороны СССР было присвоено досрочное звание старшего лейтенанта.

Не раз комбриг устраивал нам психологические проверки. Помню, 8 марта, в женский праздник, часть была поднята по тревоге. Оперативно, за 45 минут, сбежались все офицеры и прапорщики, и перед строем Колесник сказал следующее:

— Я собрал вас в связи с тем, что нам нужно набрать сто добровольцев для выполнения срочного боевого задания. Прошу желающих выйти из строя на десять шагов вперед.

И вся бригада в едином порыве вышла вперед. Оказалось, что учения, в которых предстояло участвовать нашему личному составу, должны были состояться только через неделю, но Колесник нашел минуту для проверки «на вшивость» своих питомцев. До этого бригаде не раз пришлось принимать непосредственное участие в чрезвычайных ситуациях. Только на моей памяти: помощь пострадавшим от землетрясения в Ташкенте, карантинные действия в эпицентрах эпидемий холеры и черной оспы, тушение пожара на трансформаторном заводе в Чирчике, участие в подавлении бунта осужденных в Чимкенте и др. Вот и эта очередная проверка продемонстрировала, что боеготовность и моральный дух личного состава, как всегда, на высоте.

На высоте были и наши жены. В военторговском магазине за пять минут можно было выведать, когда в бригаде очередная «тревога», кто с кем «незаконно» переспал прошлой ночью, о чем шла речь на последнем совещании офицеров. Что сказал командир. Командира уважали и боялись даже наши жены. Командир был строг. Если «Батя» брался кого-то ругать, а без дела он никого не ругал, то делал это без всякого хамства и мата. Исключительно литературно и вежливо. Но при этом он с едва уловимой ехидцей изображал в лицах всех участников конфликта, да так, что все единодушно сходились во мнении: на язык «Бате» лучше не попадаться, и лучше бы он просто обматерил, чем стоять и слушать его уничтожительную речь.

Все стремились службой добиться уважения командира. Он хвалил так же, как и ругал — с чувством меры и справедливо. В попытках сослаться на какие-либо трудности, он с присущей ему образностью замечал:

— Знаете, где бывает просто? Писать в баньке! Штаны

снимать не надо!

Вспоминаю, как на соревнованиях бригады среди разведывательных групп я «блуданул», и по ошибке прошел лишний десяток километров. В итоге занял среди «зубров» — разведчиков почетное третье место. Кто — то из подводивших итоги упомянул об этой моей оплошности.

На что Колесник парировал:

— Плох тот разведчик, что не плутал по карте! И мне приходилось. А ведь все равно, молодец, из двадцати групп обошел семнадцать. — И вручил мне почетную грамоту, которую я бережно храню до сих пор.

Лично В. В. Колеснику, как командиру и человеку, я обязан неожиданному повороту в своей дальнейшей военной судьбе. Не знаю, что он во мне увидел, какие черты приметил, но ростом своим по службе обязан я именно ему.

…В начале 1975 года командование бригады представило меня на повышение, и все соответствующие документы были направлены в ГРУ. Мы с нетерпением ждали приказа о назначении, но он вышел в другой интерпретации. Из Псковской области, где размещался учебный полк спецназа, на эту должность замполита отряда, которую прочили мне, был назначен капитан. Расстроен был не один я. Вместе со мной открыто переживали и тем поддерживали меня командир бригады Колесник В. В., начальник политотдела подполковник Лысак Н. В., его заместитель майор Кондратович Д. В., сослуживцы по роте и друзья.

Новых перспектив в ближайшем будущем, как казалось, не предвиделось. Но вмешался его Величество Случай. В начале лета состоялся военный совет округа, на котором мне поручили выступить с информацией по опыту работы с личным составом роты. Я с волнением готовился к этому докладу. И когда подошло время, выехал с комбригом и начальником политотдела на заседание военного совета в г. Фрунзе (ныне г. Бишкек). Как оказалось, мое невольное присутствие на том военном совете сыграло весьма существенную роль в дальнейшей военной судьбе.

А произошло следующее. Во время обеденного перерыва мы стояли с комбригом и начальником политотдела, когда к нам подошли командир и начальник политотдела 17-го армейского корпуса САВО.

Они поговорили с Василием Васильевичем и Николаем Васильевичем, а уходя, генерал налету спросил у комбрига:

— Твой орел на какой должности? — имея в виду меня. Василий Васильевич пояснил, дав краткую характеристику мне, и, что было лестно для моего самолюбия, — назвал при этом

передовым офицером части.

— А на выдвижение ему не пора?

— Пойдешь ко мне в отдельную часть замполитом? — обратился комкор ко мне.

— Что это за часть? — спросил я.

— Отдельный реактивно-артиллерийский дивизион прикрытия государственной границы. Отдельный! Прямого подчинения мне! — подчеркнул он.

— Ты какое училище закончил?

— Свердловское. Артиллерийский факультет.

— Ого, вот тебе и по профилю подходит. Подумай.

Полковник В. В. Колесник повернулся ко мне и с улыбкой спросил:

— Ну, и что ты думаешь?

— Я патриот наших войск и уходить в пехоту не желаю. — с пафосом ответил я.

— А где же я тебе должность замполита батальона найду?!

— Ничего, я подожду.

— Не валяй дурака, Олег, соглашайся на эту высокую должность, зарабатывай право поступать в академию, а затем ко мне комиссаром придешь, сменишь Николая Васильевича, — недовольно оборвал меня Колесник.

— Я в перерыве сообщу Зинченко о нашем решении, — вступил в разговор начальник политотдела подполковник Лысак, — не упускай момент, Олег.

Вот так неожиданно состоялось мое «сватовство» и назначение. Честно говоря, в повседневных армейских хлопотах о состоявшейся беседе с неизвестным мне комкором я уже и подзабыл. Не особенно я поверил и в реальность того очень будничного разговора.

Лето как всегда было напряженным, я продолжал прыгать с парашютом и лазить по горам на учениях, а в секретке части, оказывается, уже несколько недель лежал приказ о моем назначении. Его по распоряжению комбрига положили под сукно, чтобы не оголять роту на период самых ответственных занятий боевой подготовки.

Так что без прикрас — назначение было для меня внезапным, радостным и одновременно несколько грустным.

Впоследствии, продолжая дальнейшую службу в ста км от Алма-Аты, я поддерживал постоянную переписку с командиром, друзьями и сослуживцами. В Капчагае в это время начали формировать 22-ю бригаду, что подтолкнуло меня выйти на майора Н. А. Лобанова, своего бывшего комбата, работавшего в тот период в разведуправлении округа и попросить его

содействия в возвращении в систему. Мои обращения не оставались без ответа, так например, В. В. Колесник мои письма и открытки регулярно зачитывал на совещании офицеров бригады, что радовало и обнадеживало.

Полный молодого задора и сохраняя чирчикский заряд ответственности за боевую готовность, я вместе с командиром вел бескомпромиссную борьбу за поддержание боевой готовности части, в которой служил. Вмешивался во все. Проверял комплектность, документацию, заправку, техническое состояние боевых и транспортно-заряжающих машин, часто бывало сам садился за руль и по местным дорогам проверял технические возможности БМ-21 и других автомобилей. Наличие многочисленной автомобильной техники создавало основные проблемы для боеготовности подразделений части, и вызывали постоянную головную боль за своевременность ее восстановления и ремонта. Эксплуатация же лихими водителями этого транспорта всегда была на грани фола. А по ночам мне снились прыжки из АН-12, тактико-специальные учения, лица друзей и комбрига… Я жил воспоминаниями о спецназе.

Неожиданно в студеном январе 1976 года мне позвонил начальник политотдела корпуса, поинтересовался делами, и в заключение разговора отдал приказ — оформлять документы в военно-политическую академию. К концу июня все решилось — я сдал вступительные экзамены, прошел конкурс и стал слушателем общевойскового факультета ВПА им. Ленина.

Мое поступление в академию оказалось большой неожиданностью для всех офицеров и членов семей нашего гарнизона, но только не Василия Колесника и офицеров бригады спецназа. Сдержанно отреагировавший на случившееся, приняв все как должное, Василий Васильевич многозначительно сказал:

— Встретимся в Москве.

Потом было расставание с гарнизоном. Когда жигуленок прапорщика, любезно согласившегося довести нас до Алма-Аты, покатил от подъезда дома, а за окнами — лица гарнизонных друзей, их жен и детей, в глазах которых грусть и безграничная зависть, — заходила ходуном душа, резануло глаза.

Прощай, Средняя Азия, прощай, задолбанный гарнизон, где течет из крана ржавая вода, где ты оставил такой кусок молодой жизни, лучше которого, как потом окажется, и не было… Как молоды мы были! С какими друзьми — спецназовцами крестились под куполом парашюта. Когда и где встретимся мы вновь?! Кто служил, тот меня поймет. В Москве к тому времени уже учились многие мои сослуживцы по бригаде: командиры Володя Манченко, Толик Неделько, Володя Елисеев,

политработники Юра Артемов, Саша Зуев и другие…

Впереди ждала столица нашей Родины…

Там в Москве через несколько лет нас уже ждал и полковник В. В. Колесник, получивший назначение старшим офицером в центральный аппарат ГРУ ГШ ВС СССР.

Прошло несколько лет учебы, которые полны многими воспоминаниями. В этот период мне довелось в очередной раз, после Чирчика, встречаться с командующим ВДВ, человеком-легендой, генералом армии В. Ф. Маргеловым. Когда я рассказал о последних встречах Василию Васильевичу Колеснику, то он оживился и заметил, что свои первые парашютные прыжки совершал на Дальнем Востоке на базе 37-го воздушно-десантного корпуса, которым командовал генерал В. Ф. Маргелов.

По словам Колесника, закончив училище, он получил распределение на Дальний Восток. В то время это было модно, многие выпускники писали рапорта с просьбой направить их для службы в этот регион. В Корее шла война, на границе «пахло жареным». В Шкотово, где дислоцировался штаб армии, всем выпускникам начальник отдела кадров задал один и тот же вопрос:

— Не желаешь ли прыгать с парашютом?

Вызвался один Колесник:

— Готов прыгать в тыл противника!

Это и определило его десантную спецназовскую судьбу.

Вспоминая Маргелова, Колесник говорил, что с первых дней создания спецназа тот опекал разведчиков отдельной роты спецназ и неоднократно добивался передачи ее в состав своего корпуса.

Любопытно, как Василий Васильевич рассказывал мне о своей первой встрече с Маргеловым:

— Где-то часов в десять мы прибыли на площадку приземления «Украинка». К нам подошел Василий Филиппович и, весело поздоровавшись с нами, шутливо спросил:

— Чего это, товарищи десантники, скрючились как стариковский хрен? Выше голову, радуйтесь — на прыжки приехали. А это для десантника — наслаждение!

— Как-то само собой за шутками мы почувствовали себя бодрее. Так с благословения Маргелова в тот день я совершил свой первый прыжок.

— А затем прыгнул и остальные пятнадцать прыжков из самолета Ли-2.

Мог ли я тогда предполагать, что будет продолжение этого нашего разговора. Прошли годы, и причудливая судьба военного забросила меня в Днепропетровск, родной город В. Ф. Маргелова,

где до сих пор сильны десантные традиции и где любили и помнили не только семью Маргеловых, но и своего земляка украинца — полтавчанина Василия Колесника. В 2000 году на церемонию открытия памятника генералу Маргелову администрация области оказала генералу Колеснику большую честь пригласив на торжества. Так причудливо переплелись судьбы этих двух неординарных личностей.

Прошли многие годы, прежде чем, повзрослев, я полностью осознал, как мне повезло со своим командиром и наставником.

Листаю страницы памяти. Окончив с отличием обучение в академии, я в 1979 году был направлен в распоряжение начальника ГРУ ГШ генерала армии П. И. Ивашутина. Вскоре определен в структурное подразделение центрального аппарата, которое тогда дислоцировалось в Тушино. В аппарате ГРУ по всему чувствовалось, что назревают драматические события, связанные с Афганистаном, поскольку уж очень часто в те месяцы приходили различные новости: о гибели наших советников в Герате, о переброске технического персонала на аэродром Баграм, об оживлении частей бездарно расформированной накануне Ферганской воздушно-десантной дивизии и другие.

Прямо скажу, что служить в центральном аппарате мне было еще рановато и, честно говоря, не очень хотелось. Ну что такое капитан — «мальчик на побегушках», а я мечтал «о продуваемых всеми ветрами войсках» и военной карьере. Часто разговаривал по этому поводу с Колесником, который в том году очень часто находился в Чирчике. Конечно, все события подготовки «мусульманского» батальона на базе нашей бригады были окутаны завесой глубокой секретности, и я понятия не имел обо всем. Однако в коридорах управления прошел слух о формировании какого-то батальона. Я подошел к Василию Васильевичу и прямо спросил:

— Говорят в Чирчике расширяется штат? Возьмите меня замполитом батальона.

— А ты откуда знаешь? — удивился Василий Васильевич.

— В разведке служим. — отшутился я.

— Твое время еще не наступило. Ты туда не подходишь. Еще успеешь. — ответил Колесник.

А потом наступили известные события, о которых написал армейский поэт:

В декабре есть еще одна дата
Без отметки на календаре.
Я тебя целую, как брата,
На кабульском чужом дворе.

…В начале января 1980 года я согласно приказу убыл в Приморский край для приема должности заместителя командира отдельного полка разведки ГРУ. Перед отъездом позвонил Колесникам, попрощался. Екатерина Михайловна пожелала мне хорошей службы на «Дальнем, но любимом Востоке», а по поводу мужа, сдержанно ответила, что Василий Васильевич еще в командировке. Через полгода, где-то уже летом я получил от нее письмо, в котором, помимо короткого послания, оказалась вложена фотография В. В. Колесника в парадной форме с золотой Звездой Героя. Без лишних слов мне все стало ясно. Где был Василий Васильевич и что делал в Чирчике.

Шесть лет после этого я не был в Москве. Но эти сложные годы, насыщенные большой и важной работой, дали мне очень много полезного. Я ни разу не пожалел, что уехал из Москвы. У нас была отличная связь с Главным управлением, и я часто общался по телефону с Василием Васильевичем. Он знал обо мне практически все. И то, что награжден орденом, и то, что получил подполковника, и то, что по-прежнему хочу вернуться в спецназ. Однажды он спросил меня об этом:

— А на равную должность пойдешь? В Печоры?

— Нет вопросов, согласен, — ответил я не раздумывая ни минуты.

Вскоре меня вызвали на беседу в Москву. После нескольких встреч и бесед в ГРУ я был в ГлавПуре и на Старой Площади. И только в ЦК узнал, что меня утверждают на должность не в печорский учебный полк спецназа, а в Псков на 2-ю бригаду спецназа.

— Ай да Колесник, — подумал я. — В мелочах и в крупном по-прежнему, проверяет людей «на вшивость».

А что было бы, если б я отказался от печорского полка?!

Через две недели состоялся приказ, и однажды вечером, завершив восьмичасовой перелет из Хабаровска в Пулково, мы вышли на священную ленинградскую землю. Нашу семью радушно встретил старший офицер РУ ЛенВО майор Р. Р. Латыпов, который после тяжелого ранения в ДРА, перебрался в Питер. Встречал он меня по поручению начальника генерал-майора Пияльцева, который уже был наслышан, что мы старые сослуживцы по Чирчику. Новогодние праздники 1986 года мы с семьей отмечали уже в офицерском общежитие бригады, в Промежицах, на берегу реки Великая.

Вот так, при поддержке Василия Васильевича только через десять лет мне удалось осуществить свою мечту. Вспоминая

Колесника, думаю, не для всех он был удобен. Уж очень свободолюбивой и упрямой был личностью. На все имел собственное мнение и всякий раз его стоически защищал. Не гнул голову, не заискивал, слышать не мог о подхалимстве, об угодничестве. Одним словом, знал себе цену, что, между прочим, не всем нравилось, не всеми приветствовалось и принималось. Поэтому и находились типы, потирающие руки от желания расправиться с ним, насолить, подножку подставить, нанести удар в спину. Об этом наиболее ярко свидетельствует его длительный срок ожидания генеральского звания.

Будучи великим тружеником, он никогда не останавливался на достигнутом, не бронзовел.

Можно привести много примеров, когда Колесник брал ответственность на себя, а подчиненных выручал из беды. Расскажу о трех таких характерных и драматических случаях.

Всем в наших войсках известно имя Х. Т. Холбаева. Он со своим «мусульманским батальоном» прославил советский спецназ. Но мало кому известно, что Хабиб Таджибаевич после окончания Ташкентского высшего общевойскового командного училища всю свою жизнь прослужил в 15-й обр СпН. Хабиб был добросовестным, исполнительным командиром группы, роты спецназ, замкомандира отряда. Невысокого роста, крепкий, черноволосый, немногословный, он не особенно выделялся на общем фоне. Но после событий 1975 года за ним закрепилась репутация очень смелого и дерзкого офицера. События, в ходе которых отличился старший лейтенант Холбаев, происходили на учениях войск ТуркВО. Выполняя задачу в тылу условного противника, он со своей группой захватил в качестве языков целый автобус с офицерами штаба воздушной армии. Был грандиозный скандал. Учения оказались на грани срыва. Дерзкому командиру группы обещали «кару небесную», объявили взыскание от руководства ТуркВО, а главный наш уважаемый судья — командир бригады — на служебном совещании офицеров поставил Холбаева всем в пример и приказал подготовить наградной материал для поощрения молодого офицера. И не так важно, что в тот раз награда обошла героя, а важно, что воспитывался смелый десантный характер. Все офицеры осознали, что не надо бояться на учениях действовать, как в бою. Я не знаю, что думал Василий Васильевич Колесник в 1979 году при отборе кандидатуры на должность командира «мусульманского» батальона, но уверенность в том, что Холбаев выполнит любой приказ, у него была.

Как известно, в 1979 году Колеснику вновь решительно пришлось выручать своего питомца.

13 декабря батальону была поставлена задача на марш Баграм — Кабул своим ходом. Этот марш чуть не стоил Холбаеву должности. По дороге, как это часто случается, одна из машин вышла из строя. Для того чтобы не задерживать отряд, Холбаев принял решение — оставил с неисправной машиной необходимые средства техпомощи, а колонна отряда продолжила движение. Факт прибытия в Кабул отряда в неполном составе был негативно воспринят главным военным советником С. К. Магомедовым. Конфликт усилился еще и из-за того, что Холбаев не любил оправдываться и не старался показать себя лучше, чем он есть. Только вмешательство Колесника спасло комбата. Он жестко заявил: «Я Холбаева знаю давно как вполне подготовленного офицера, и его действия в данной ситуации были верными». После этого разговора с Колесником, в ходе которого Василий Васильевич проявил твердость и упрямство, генерал-полковник Магомедов уступил.

А потом был известный штурм…

Не могу не рассказать еще об одном случае, характеризующем эту выдающуюся личность.

В декабре 1981 года батальон спецназа под командованием майора Игоря Стодеревского провел успешную операцию по уничтожению бандформирований в районе Джар — Кудука. Впоследствии Игорь Юрьевич мне рассказал:

После операции и меня, и батальон, обвинили за глаза в каком-то мародерстве. Полковник Лобадзе из разведуправления ТуркВО, по просьбе Колесника из Москвы приезжал разбираться.

У нас многие тогда объяснительные писали. Михаил Николаевич в обиду нас не дал, а при разборе высказался: «Спецназ не должен привлекаться к несвойственным ему функциям, тогда и сплетен не будет. Я Стодеревского знаю с 1971 года и его людям верю».

Колесник старался оберегать командиров частей и соединений спецназа от репрессий вышестоящего командования. Часто в первые годы войны командование армии поспешно снимало командиров с должностей за потери и ошибки. После кадровых замен 1986 года Василий Васильевич стал вмешиваться в решение кадровых вопросов и часто именно поэтому летал в Кабул.

Примечателен такой факт, осенью 1988 года закончился срок службы в Афганистане командира 177-го оо СпН подполковника Анатолия Блажко. Прослужив два года в Газни, он уже ждал заменщика, когда неожиданно был приглашен на беседу к начальнику штаба армии генерал-майору Ю. Грекову. В кабинете, кроме него, находился начальник направления ГРУ Герой

Советского Союза полковник В. Колесник, прибывший из Москвы.

Начальник штаба армии предложил комбату остаться на третий год до вывода войск.

— Хорошо, я согласен, — ответил Блажко, — но у меня одно условие.

— Какое еще условие? — побагровел Греков. — Ты, что о себе думаешь? Какие еще условия можешь нам ставить?

— Пусть выскажется, — остановил начальника штаба сдержанный полковник Колесник. — Он востребован в спецназе, умело командует отрядом, в будущем возглавит соединение спецназначения. А как всякий мыслящий командир имеет право на собственное мнение. Слушаем Вас!

— Я прошу разрешения съездить на две недели в отпуск в Союз, — сказал Блажко.

— Думаю, эту просьбу можно будет удовлетворить? — спросил Колесник, повернувшись к Грекову

— Нет вопросов, — сразу сменил тон Греков.

Не без участия Колесника состоялся и мой отъезд в Афганистан…

В мае 1986 года на сборах руководящего состава частей спецназа ГРУ, что проходили в Чучково, приехал бессменный начальник ГРУ генерал армии П. И. Ивашутин. Тогда я видел его последний раз и записал сказанные им исторические слова:

— Нашего разведчика должна отличать прежде всего честность и правдивость. Разведчик должен пользоваться абсолютным доверием.

Это стало его завещанием для нас.

Мы тогда и не могли знать, что в недрах КГБ шло расследование побега в США заместителя руководителя советской военной разведки в Греции полковника С. Бокова. Позднее этот предатель выдал лейтенанта ВМС Греции В. Попелуса, который 8 лет работал на СССР и дал большую информацию по вооружению НАТО (в частности, по системе «Гарпун»). После того разбирательства Ивашутина и Долина отправили на пенсию.

По счастливому совпадению рядом со мной в зале оказался бывший командир 15-й обр СпН подполковник В. М. Бабушкин, отстраненный от должности за бой на границе с Пакистаном. Мы с большим интересом выслушали его доклад о положении дел в ДРА и опыте боевых действий спецназа. Долго расспрашивали его об афганской службе и в перерывах между занятиями. Мог ли я тогда знать, что скоро буду именно в тех местах, о которых нам рассказывал Владимир Матвеевич. Что сказочный город Джелалабад станет для меня явью.

Во время секционных занятий в нашу группу

политработников зашел полковник Колесник. Подвел итоги работы за предыдущий год. Отметил лучших и худших, а в заключение сказал:

— У нас ожидается массовая ротация кадров в воюющих бригадах в Афганистане. Нужен один человек для замены. Кто желает убыть для выполнения интернационального долга.? Прошу встать…

— Прошу включить меня, — сказал я и поднялся.

— И меня, — сказал Саша Петрачев, бывший замполит первой роты спецназа, служивший в Чирчике, а в тот момент начальник политотдела Бердской бригады.

— А еще желающие есть? Нет!

— Ну что ж, спасибо, чирчикцы! Не подвели! — он подошел к нам с Петрачевым и крепко пожал руки. Чувствовалось, что наш Батя в добром настроении и расположении духа.

Забегая вперед скажу, что не мог я знать и о том, что мой бывший сослуживец по бригаде и отряду, бывший командир 4-й роты, когда-то сосед по коммунальной квартире Владимир Андреевич Манченко станет заместителем начальника 5-го управления ГРУ, всесильным начальником всего армейского спецназа. Вынесет на своих плечах первую чеченскую войну. Потеряет в кровопролитных боях 153 разведчика и рано уволится в запас. А ведь это был один из лучших командиров — воспитанников 15-й бригады.

На этих последних сборах в военном городке 16-й бригады Московского военного округа мы собрались почти все из 2-го отряда: Манченко, Зуев (бывшая 4-я рота), Трисмаков, Холбаев (5-я рота), Неделько, Кривопалов (6-я рота). Сфотографировались на память с Колесником. Больше в таком составе мы не встречались никогда…

«Добровольцев» же ждали интернациональные долги. Прошло немного времени и мы с Сашей Петрачевым встретились на военном совете армии в Шинданде уже в Афганистане. Только мне, я считаю, повезло — я попал в родную 15-ю бригаду, к прекрасному командиру полковнику Юрию Тимофеевичу Старову. А мой коллега, к полковнику Д. М. Герасимову, сменил полковника Тарана в Лошкаревке.

Война на территории нашего южного соседа длилась девять долгих лет — почти одну восьмую всей советской истории. Все это время с первого до последнего дня подразделения чирчикского спецназа воевали с моджахедами в Афганистане.

И что удивительно, в истории афганских событий рано говорить об окончании. Она до сих пор гремит на земле самого Афганистана, и шагнула вместе с нами в двадцать первый век… А

после известных террористических актов в сентябре 2001 года в Нью-Йорке и Вашингтоне, в октябре 2002 года в Москве охватила весь мир…

15-я обр СпН — единственная советская часть, которая была награждена высшим военным орденом Афганистана — орденом Красного Знамени. На земле Афганистана наш легендарный 154-й оо СпН награжден Вымпелом МО СССР. За этими Знаками отличия отблеск боев в Тадж-Беке, под Кули-Ишаном и Джар-Кудуком, в Панджшере, на перевале Гулпрай, под Хостом. За сухими строчками исторических формуляров просматривается высокая профессиональная подготовка офицеров и солдат, жесткая исполнительская дисциплина, бытовавшая во всех подразделениях соединения, еще с Колесника, массовое мужество и беззаветный героизм.

Наш маленький чирчикский гарнизон был большой военно-полевой семьей, живущей в сопровождении тревожных звонков громкого боя, вечной музыки стрельб, парашютных прыжков и вечном ожидании мужчин домой с учений… Такие гарнизоны — школа мужества и университет порядочности, черная кость армии.

Но Чирчик, хотя и был провинциальным городом, мы уважали и дырой не считали, потому что питомцы бригады Колесника разлетелись по всему миру и достигли немалых армейских высот. У нас появились собственные генералы: Тишин, Чубаров, Фазилов, полковники Манченко, Стодеревский, Тяпкин, Ильин, Ершов, Харламов, Волош, Неделько, Трисмаков, Золотарев, Плешаков, Зуев, Артемов, Ахметов, Лукьянов, Воинов, Корчагин, Шакурин и многие многие другие.

Прошли годы, и в Кабуле, Джелалабаде, Кандагаре, Лошкаргахе командирами частей спецназа стали воспитанники Колесника. По вечерам, когда они собирались в товарищеских компаниях, непременно поднимали традиционные тосты: «За Батю — Колесника!». Говорят, и сейчас на Северном Кавказе в воюющих отрядах спецназа живут и этот тост, и многие другие наши традиции.

Наполеон справедливо сказал: «Пока жив хоть один ветеран — живет и полк!».

Жизнь же нашего легендарного командира, насыщенная многими драматическими эпизодами, служит примером для многих поколений разведчиков. К счастью, ему при жизни удалось сделать многое, он стал генерал-майором. Возглавлял направление специальной разведки ГРУ Генштаба.

Но испытания на прочность он испытывал постоянно, пережил он и большую личную трагедию. В период первой войны

в Чечне он потерял сына Михаила, который капитаном попал в Грозный.

«Сам я всю жизнь служил в разведке, — рассказывал мне немногословный Василий Васильевич, — а когда мой Миша решил поступать в Рязанское воздушно-десантное училище, я был категорически против. Но он с детства мечтал о десанте и добился своего. Учился он на факультете спецназа. Потом служил на Дальнем Востоке, где и я начинал. За несколько дней до того, как их должны были отправить в Чечню, Миша позвонил мне из Уссурийска и сообщил об этом. Он попросил: «Папа, ничего не предпринимай!» Хотя я бы и не стал никуда звонить. Это не в моих правилах. Хотя уберечь сына от Чечни было элементарно: командир бригады на Дальнем Востоке — мой бывший подчиненный. Да и в ГРУ достаточно людей, которые мне в той или иной степени обязаны. Жена тоже все понимала и не отговаривала сына. Она ведь всю жизнь со мной была во всех передрягах. Кроме Афганистана, конечно…Миша попал в Чечню 18 января 1995 года, а погиб на следующий день. Тяжело, было нам с Катей, очень тяжело… Да и сейчас порой бывает очень горько…».

Черный день гибели капитана М. Колесника явился поводом для создания в феврале 1995 года общественной организации Взаимопомощи основателей спецназа армии. Ее учредителями выступили ветераны спецназа Бреславский В. Е., Колесник В. В., Лобачев Г. А., Макаров Е. А., Пашков М. П., Старов Ю. Т., Тарасов С. М., Тарасов Ю. А..

Что бросалось в глаза всем, а не только нам — его воспитанникам, так это удивительная энергия генерала Колесника. Имея довольно солидный возраст, Василий Васильевич проявлял живой, неподдельный интерес к каждому своему однокашнику, сослуживцу или воспитаннику, наводил справки и все это заносил в свой толстый гроссбух. Ему было интересно все. Он помнил всех по имени и отчеству, помнил имена наших жен и детей. Конечно, фундаментом такого отношения к людям был кодекс чести, заложенный СВУ. Вдумайтесь, по сути, получалось, что суворовцы жили одной дружной семьей в течение десяти-тринадцати лет. Эта дружба сохранилась на всю жизнь, и выпускники «Орджо» ежегодно в День Победы собираются у станции метро «Кропоткинская». Неравнодушие к судьбам своих питомцев распространилось и на нас.

А 24 октября 2000 года генерал-майор В. В. Колесник устроил последний парад! Сам лично в парадной форме при всех наградах он стоял у входа в ЦДСА и приветствовал каждого из сотен

прибывших спецназовцев. Это было очень трогательно. В тот момент я вспомнил старинное военное изречение: «Эполеты офицера сверкают всего ярче в блеске его обаяния!».

Батя как будто чувствовал, что будущей встречи уже для него не будет и хотел передать с рукопожатием и братским объятием свое уважение и любовь. Это была его последняя встреча с питомцами.

В этом рассказе весь Василий Васильевич!

Он стал легендой при жизни и живет в нашей памяти и после своей физической смерти, ибо такие люди рождаются нечасто.

Помнят его и в родной Украине, а в Днепропетровске у композитора Руденко родилась песня, которая так и называется «Комбриг Колесник». Ее поют ансамбль 6-го гвардейского армейского корпуса и 25-я отдельная Днепропетровская воздушно-десантная бригада.

И если многих из нас свела с ним жизнь, побратала, значит, так распорядились звезды. По правде говоря, он сам был и остается для нас звездой, свет которой до сих пор освещает нам жизнь.

Светлая ему память!

О. В. Кривопалов
Полковник запаса, бывший начальник политотдела — замкомандира 15-й отдельной бригады специального назначения

Друг не умирает

За свою многолетнюю службу мне посчастливилось встречаться и общаться с интересными людьми. Пришлось сталкиваться с людской подлостью и с героизмом, жестокостью и великодушием.

В меня стреляли, и я стрелял. Я видел смерть товарищей и трупы врагов, слышал свист пуль над головой.

Но всё это было впереди.

Василий Васильевич Колесник принадлежал к числу лучших специалистов военной разведки России — Спецназу.

Природа одарила его многими хорошими качествами: неизменно уравновешен, общителен, проницателен, пунктуален, никогда не терял чувства меры, не повышал голоса.

В боевой обстановке проявились его мужество, отвага, храбрость и благородство.

Он обладал живым умом и быстрой сообразительностью, которые неоднократно проявлялись в различных ситуациях.

Судьба В. В. Колесника поистине уникальна. Он прошёл путь от суворовца до генерал-майора, начальника направления Главного управления Генерального штаба ВС РФ, стал частью истории армейского Спецназа России, её гордостью, ему было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Память — удивительная штука.

29 апреля 1979 года начальник ГРУ ГШ генерал армии П. И. Ивашутин поставил нам задачу: в течение месяца, начиная с 3-го мая, сформировать специальный батальон по совершенно новой организационно-штатной структуре, который должен состоять из личного состава трёх национальностей: таджиков, туркменов и узбеков. «Так это же «мусульманский батальон» — произнёс В. В. Колесник. Так с его лёгкой руки за этим батальоном закрепилось название «мусульманский». Лучшие человеческие и офицерские качества характера В. В. Колесника проявились в период формирования, боевого слаживания «мусульманского батальона» и выполнения специального задания правительства.

Благодаря хорошему знанию особенностей ТуркВО по предыдущей службе командиром бригады Спецназа, своей настойчивости, выдержке, спокойствию, умению сдерживать себя, неограниченным полномочиям в подборе личного состава и боевой техники, знанию личных и деловых качеств бывших сослуживцев — эта задача была выполнена своевременно.

Заслугой В. В. Колесника является и то, что он сумел отстоять на должность командира батальона своего бывшего подчинённого по бригаде Спецназа Хабиба Таджибаевича Халбаева.

После нескольких месяцев, которые ушли на боевое слаживание «мусульманскому батальону» была поставлена задача убыть в Афганистан для охраны президента страны.

9 и 12 декабря рейсами военно-транспортной авиации батальон был переброшен на аэродром Баграм.

17 декабря я и В. В. Колесник лично от начальника ГРУ ГШ получили приказ вылететь в гражданской форме одежды в Афганистан для выполнения некой особой задачи, о которой нам сообщат позднее.

Что мы знали тогда об этой стране? Да почти ничего.

Ну промелькнуло как-то в газетах сообщение о том, что в Афганистане произошла какая-то революция. Ещё вспоминалось, что там летом жарко, а зимой холодно, что там живут кочевники.

Долгое время страной правил король Захир-Шах. Потом был дворцовый переворот.

В 1978 году народ совершил Великую Апрельскую Революцию. Силы реакции не успокоились. Дружески настроенное по отношению к нам новое правительство страны попросило у СССР помощи.

Ну что ж, помочь — так помочь!

Мы были готовы выполнить любой приказ и жаждали на деле испытать приобретённые навыки того, чему нас так долго учили и готовили.

Мы ничего и никого не боялись, так как были молоды, физически здоровы, уверены в своих силах, нас распирала энергия.

Рано утром 18 декабря (на сборы нам было отпущено несколько часов) мы вылетели с аэродрома Чкаловский через Термез в Баграм. Нашими попутчиками были сотрудники КГБ Ю. И. Дроздов и Э. Г Козлов, с которыми впоследствии мы вместе выполнили задание правительства.

Прилетели в Баграм поздно ночью. Переночевали в холодном капонире, а утром 19 декабря направились в Кабул.

Да, мы тогда не знали и не могли представлять возможных последствий нашего появления здесь. А посему мы просто с

любопытством глазели из окна автомобиля на мелькавшие мимо многочисленные витрины дуканов, базарчики, на чудно одетых в просторные светлые портки и рубахи местных мужчин и закутанных в чадру женщин.

В Кабуле мы представились Главному военному советнику генерал-полковнику С. К. Магомедову и резиденту ГРУ в Кабуле Печененко В. Г. Переночевали в посольстве, а утром 20 декабря выехали в расположение батальона, который расположился в непосредственной близости у дворца Тадж-Бек в недостроенной глинобитной казарме без дверей и окон. Вместо них были натянуты плащ-палатки, поставлены печки — «буржуйки», которые топили саксаулом и карагачом, твёрдым, как железо, деревом, доставляемым самолётами из Союза. Зима была очень суровой, температура ночью опускалась ниже 30 градусов.

Дворец охраняла бригада охраны (три мпб и один тб), два танка Т-54 были закопаны на господствующей высоте. Всего 2500 человек личного состава.

Внутри дворца несла службу личная охрана Х. Амина. Неподалеку располагался зенитный полк 12 100 мм орудий и 16 ЗПУ-2 и строительный полк (около 1000 человек вооружённых стрелковым оружием).

21 декабря была поставлена задача подумать над вариантом действий на случай, если придётся не охранять, а захватывать дворец.

Решение принимали всю ночь, и уже утром 24 декабря В. В. Колесник доложил решение. Он обосновал необходимость участия в штурме всего батальона с приданными силами и средствами. На Военном Совете решение утвердили, но подписывать план не стали. Просто сказали: «Действуйте».

Вечером того же дня своё решение и его обоснование В. В. Колесник доложил лично начальнику ГШ по ВЧ-связи.

Руководителем операции, которая получила кодовое название «Шторм-333», был назначен Колесник. Боевая задача могла быть выполнена только при условии внезапности и военной хитрости.

Здесь проявились у В. В. Колесника лучшие качества разведчика-спецназовца в разработке соответствующего сценария и проведения демонстративных действий, которые продолжались в течение 25, 26 и первой половины 27 декабря.

Поздно вечером 26 декабря В. В. Колесник ещё раз уточнил план операции. Новую задачу в батальоне знали только Колесник, я и Халбаев.

В середине дня 27 декабря В. В. Колесник и я ещё раз обошли исходные позиции батальона. В. В. Колесник отдавал указания

подходившим командирам рот. Всё делал спокойно, уверенно. Провёл совещание, на котором дал политическую оценку обстановки, раскрыл общую поставленную задачу, дал оценку сил и средств противника и основного объекта, нашего положения, соотношения сил и средств, общее распределение сил и средств батальона.

После этого отдал боевой приказ подразделениям, перечислив для каждого конкретные задачи, не упустив ни одной мелочи.

Когда В. В. Колесник говорил, я внимательно смотрел на лица офицеров. Все разные, собранные, немного напряжены. В каждом чувствовалась дисциплина и воля. Впервые отряд Спецназа Советской Армии и КГБ действовали в тесном взаимодействии при выполнении сложной боевой задачи за пределами своей страны, вся ответственность за выполнение которой была возложена на плечи полковника В. В. Колесника.

Время начала штурма несколько раз переносилось. Но вот в 19.30 27 декабря 1979 года В. В. Колесник дал команду: «Огонь» и «Вперёд».

Бой за дворец продолжался 43 минуты. «Всё, — сказал Василий Васильевич и добавил, — это мой первый и настоящий в жизни бой».

В батальоне погибло 5 человек, было ранено 35 человек, 23 из которых отказались ложиться в госпиталь.

Мы выполнили приказ!

И сколько бы лет ни прошло, но у каждого спецназовца штурм дворца Амина останется в памяти навсегда. Это был кульминационный момент и в жизни В. В. Колесника. Он с честью выполнил задание правительства.

28 декабря В. В. Колесник из кабинета посла по ВЧ-связи доложил начальнику ГРУ ГШ генералу армии П. И. Ивашутину о результатах операции, которая была отработана достаточно слаженно и организованно.

8 января 1980 года В. В. Колесник вместе с «мусульманским батальоном» возвратились к месту постоянной дислокации. В Ташкенте Василий Васильевич написал наградные листы. Правительственные награды получили около 300 офицеров и солдат «мусульманского батальона», 8 человек наградили орденами Ленина, 13 человек — орденами Красного Знамени, 43 человека — орденами Красной Звезды.

Накануне отлёта в Москву в клубе части собрался весь личный состав батальона, сбежали из госпиталя раненые, чтобы попрощаться с Василием Васильевичем. На глазах у многих были слёзы. Ведь благодаря умелым, решительным действиям,

хладнокровию, выдержке, уверенности в личном составе Василия Васильевича Колесника штурм дворца прошёл с малыми потерями.

Из Ташкента В. В. Колесник прямым рейсом был направлен в Москву. С аэродрома — к начальнику ГРУ ГШ, затем два часа на приведение себя в порядок — и к Министру обороны.

Доклад продолжался полтора часа. Во время доклада Д. Ф. Устинов обратил внимание, что на плане штурма дворца нет подписей С. К. Магомедова и Б. И. Семёнова.

«А почему не утверждён план? — спросил Министр обороны. — Вы что, действовали без согласования с ними?»

В. В. Колесник повернул план: «План утверждён, от подписи отказались».

«Молодец, сынок, — Д. Ф. Устинов встал, обнял В. В. Колесника, поцеловал. — Наше счастье, что оказался хоть кто-то решительным, а то наломали бы дров».

За мужество и героизм, проявленные при оказании интернациональной помощи братскому афганскому народу 28 апреля 1980 года Президиумом Верховного Совета СССР Василий Васильевич Колесник, мой друг и побратим, был удостоен звания Героя Советского Союза.

Впоследствии он закончит Академию Генерального штаба, станет генерал-майором и будет начальником направления специальной разведки ГРУ ГШ.

Ежегодно 27 декабря я каждый раз поднимаю тост за своего старого друга, с которым прошёл через войну. Я бы не вернулся, наверное, из Афганистана, если бы не он.

Враки всё. Неправда. Друг не умирает.
Лишь рядом быть перестаёт.

Ему было только 66 лет!

О. У. Швец, полковник
Чистейшей души человек

Я лежал в больнице после операции, когда мне передали просьбу поделиться воспоминаниями о Василии Васильевиче Колеснике. Настроение было неважное: свищи ещё не зажили (организм-то уже не молодой), а врачи выписывают из больницы — пусть, мол, дома долечивается. Им лишь бы место освободить — для новых денег. Я ведь лечился не в госпитале — там нет урологии.

В общем, так вот по-стариковски брюзжал на нынешние времена, и тут эта просьба — написать воспоминания. Имя Василия Васильевича Колесника словно вдохнуло в меня ту молодую энергию, с которой когда-то мы, лейтенанты, начинали свою офицерскую жизнь. «Да ну её, эту болезнь! — подумал я. — Выкарабкаемся, мы ведь люди старой закалки!» — и стал лечиться воспоминаниями о таком светлом человеке, каким был Василий Васильевич.

Впервые я его увидел в 1965 году на совместных сборах по тактико-специальной и воздушно-десантной подготовке спецрот Дальневосточного военного округа. Он служил в 92-й отдельной роте специального назначения, а я — в 61 отдельной роте специального назначения, которой командовал Борисов Е. Н. В ходе совместных учений каждый из нас совершил по 10–12 прыжков с парашютом с самолёта Ли-2 и, разумеется, офицеры обеих рот перезнакомились и подружились.

Все мы были молодые, подтянутые и, наверное, красивы, но я выскажу не только личное мнение — все отметили особую стать, идеальную офицерскую выправку, четкость походки, слов и жестов при подчёркнутой скромности и корректности командира учебного взвода лейтенанта Колесника. Когда он проводил занятия с личным составом своего взвода на спортивном и воздушно-десантном городке, трудно было оторвать взгляд, как от сцены театра.

Помню своё первое впечатление от встречи с Колесником: это офицер с хорошими задатками по службе в будущем.

Почти сразу после сборов, в 1966 году наши пути разошлись. 92-я ор СпН была передислоцирована в Польшу, а моя — 61 ор СпН — переведена в ТуркВО, на базе которой и был сформирован 61-ый отдельный батальон специального назначения, а затем — 15 бригада специального назначения.

И вот в 1973 году я узнал, что к нам в бригаду начальником

оперативного отдела назначен В. В. Колесник. Мы встретились как старые знакомые. Он приехал к нам уже офицером с академическим образованием, но выглядел таким же молодцеватым, подтянутым, со всеми ровным в общении, чутким, отзывчивым, как и в те наши дальневосточные годы. Теперь, находясь на службе с ним в одном офицерском коллективе, я имел возможность лучше увидеть и оценить его человеческие качества. Помимо прекрасной профессиональной основы все увидели в нём благородное сердце и трогательную душу. Не зря такого называют «душа коллектива». Любой мог к нему обратиться по любому вопросу и получить ответ и поддержку. Не случайно он сразу завоевал уважение и доверие.

В 1975 году он был назначен командиром 15-й бригады специального назначения. На этом посту наиболее полно проявились его профессиональные качества: к командованию бригадой пришёл живой энергичный комбриг с новыми идеями, хорошо знающий задачи бригады и способы достижения качества боевой подготовки и улучшения жизни и быта личного состава.

Он интересовался буквально каждой мелочью, и его хватало на всё. Он часто посещал подсобное хозяйство, и оно стало существенным подспорьем для хорошего питания личного состава. Под его руководством было начато строительство боксов для техники, складов под вооружение, то есть, помимо качеств боевого командира, он проявил и качества замечательного хозяина. Но, пожалуй, основное свойство Василия Васильевича — его умение распознавать людей, изучать их положительные и отрицательные качества, привлекать к себе всё лучшее, тактично влиять на устранение недостатков. Личное обаяние и откровенность в общении только укрепляли авторитет любимого командира, «Бати» — таково было его неуставное высшее командирское звание.

Оно особенно проявилось при выполнении специального задания в Афганистане силами 154-го отдельного батальона специального назначения, который формировался на базе бригады. В этой работе ему оказывали помощь офицеры ГРУ полковник Лаврёнов Н. Н., полковник Швец О. У., офицеры бригады. Мы все гордились, что именно из нашей спецназовской среды вышли те, кто при выполнении особого правительственного задания проявили мужество и героизм, получили высокую оценку, награждены высокими правительственными наградами, а Василию Васильевичу Колеснику было присвоено звание Героя Советского Союза.

Позже мы встречались с ним в бригаде, когда он приезжал к нам уже в качестве офицера ГРУ, и были рады увидеть его таким

же, каким мы его любили: доступным, простым и добрым другом и товарищем. Наш бывший комбриг заботился о своих офицерах, оставшихся в Узбекистане после развала Советского Союза. Я никогда не забуду его участия в оказании мне материальной помощи и в получении гражданства России.

В сердцах тех, кто хорошо его знал и работал с ним, Василий Васильевич останется не только официальным лицом, но и привлекательным, дружественным человеком во всех проявлениях. Помню, как он активно участвовал в подготовке и проведении праздника в День десантника 2 августа. Сам тщательно разрабатывал план, согласовывая с женсоветом и офицерами бригады, потом контролировал его во всех деталях.

На реке Чирчик организовывался пикник, куда мы выезжали с семьями. Устанавливались тенты от солнца, готовились национальные блюда, пели, купались, рыбачили. Кстати, Василий Васильевич ещё любил и индивидуальную рыбалку. У него было любимое малое безымянное озеро, куда он изредка уединялся.

Но в целом вся жизнь его была на людях, открытой и прозрачной. Все офицеры бригады знали его семью, знали, каким он был хорошим семьянином, как любил жену Екатерину Михайловну, дочерей Наташу и Олю, сына Мишу. Как личное горе каждого из нас мы переживали тяжёлую утрату — гибель в Чечне Михаила Васильевича, его наследника.

Чистейшей души был человек Василий Васильевич Колесник.

В. А. Ленский, полковник

К написанному полковником Ленским Виктором Александровичем присоединяются сослуживцы и близкие друзья Василия Васильевича Колесника.

Это был родной, близкий нам человек не только по службе, тяжёлой и ответственной, но и как очень, очень дорогой нам друг.

Генерал-лейтенант Герасимов Д. М., генерал-майор Груздев С. И., полковник Овчаров А. А., полковник Лобанов Н. А., полковник Старов Ю. Т., полковник Тарасов С. М., Тарасова Е. А.

Нас породнила бригада

Мне довелось быть первым командиром 15-й отдельной бригады специального назначения ТуркВО, которая дислоцировалась в г. Чирчик Ташкентской области. Эта бригада в последующем стала очень заметной, ибо она с первых дней событий оказалась в Афганистане, где показала себя с самой лучшей стороны. Однако до этого события бригада формировалась, обустраивалась и занималась боевой и политической подготовкой. Бригаду расположили практически на пустом месте, правда, территория была обнесена дувалом, это так называется на местном языке глиняная стена, а также имелась пара полуразвалившихся одноэтажных казарм (точнее сараев). Личный состав размещался напротив, через дорогу, в полку гражданской обороны ТуркВО, где и питался в столовой этого полка. Штаб бригады размещался отдельно от основного городка, рядом с ним в двух небольших зданиях.

Основной костяк офицерского состава прибыл из 105 вдд и из других частей округа. Надо сказать, что подавляющее большинство офицеров вполне соответствовало высоким требованиям к воинам специального назначения.

Затем в состав бригады полностью вошёл отдельный разведывательный батальон округа, это ещё больше укрепило бригаду как офицерским составом, так и воинами, которые стали настоящими разведчиками-спецназовцами.

В 1966 году бригада сосредоточилась в одном городке, где была построена казарма, а затем и столовая для личного состава.

Мною и моим штабом много усилий прилагалось для обустройства. Затем эту работу так же усердно проводили мои последователи полковники Мосолов Роберт Павлович и Колесник Василий Васильевич. Если я откомандовал бригадой с начала 1963 по 1967 гг, то Мосолов Р. П. с 1968 по 1975 гг., а В. В. Колесник — с 1975 по 1977 гг.

Целая плеяда офицеров в последующем стали командирами бригад специального назначения. Среди них Коваленко И. А., Чупраков Е. Ф., Овчаров А. А., Масалитин М. П. и другие.

Личный состав 15-й бригады участвовал в различных чрезвычайных ситуациях: ликвидация последствий землетрясения в Ташкенте в 1966 г.; борьба с эпидемией холеры в Астраханской области в 1970 г; борьба с эпидемией чёрной оспы в Аральске и др.

Боевая подготовка шла не только с личным составом, находящимся в строю, но и с приписным составом, который был

приписан со всех среднеазиатских республик, причём из числа очень надёжных людей. Это можно подтвердить тем, что перед началом афганских событий был сформирован 154 отдельный батальон специального назначения (который вошёл в историю как «мусульманский батальон» из числа приписного состава, который блестяще выполнил боевую задачу по штурму и захвату дворца Амина в 1979 году. Непосредственным разработчиком операции и исполнителем был бывший командир 15-й бригады В. В. Колесник, который в то время уже служил в ГРУ ГШ.

За эту прекрасную операцию, за проявленный героизм и мужество 28 апреля 1980 года Василий Васильевич Колесник был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Должен сказать, что задача была очень сложная, ибо мне довелось до начала афганских событий побывать в Кабуле дней 15. В период командировки я и мои товарищи размещались вблизи дворца Амина, который стоит на возвышенности и подходы к нему открыты. Однако прекрасные офицеры отряда специального назначения под руководством такого опытного офицера, как полковник В. В. Колесник, блестяще выполнили задачу. Я полагаю, что В. В. Колесник, будучи начальником штаба бригады, а затем её командиром, приобрёл опыт ведения «боевых действий» в окрестностях г. Чирчик, ландшафт которой схож с афганским.

Приходилось мне по долгу службы не раз бывать в ТуркВО в командировках. Я обязательно находил время, чтобы съездить в 15-ю бригаду. Обязательно расспрашивал обо всём офицеров, которые служили со мной. Служил я тогда в Главном управлении кадров МО СССР, а затем начальником Центрального архива МО СССР с 1978 по 1989 гг. До этого был командиром 203 мотострелковой дивизии. Все эти годы я поддерживал связь с офицерами и прапорщиками, служившими в 15-й бригаде. Мы с В. В. Колесником очень уважали прапорщика Алексея Ивановича Смолякова.

Как-то, помню, приезжал Василий Васильевич ко мне на садово-огородный участок под г. Чехов. Затопили мы баньку, попарились, поужинали. Много было воспоминаний. Встречались не раз. Между мной и Василием Васильевичем завязалась настоящая дружба.

Дело ещё в том, что нас объединяли и семьи. У меня дочь Надежда и сын Юрий учились в Чирчикской средней школе 5 лет, а младший сын Николай родился в г. Чирчик в 1965 году. Супруга Ирина Александровна работала в одной из школ Чирчика. Думаю, есть что вспомнить и семье В. В. Колесника о жизни в Чирчике: его супруге Екатерине Михайловне и дочерям Наташе и Оленьке.

Иногда приходилось обращаться к нему за помощью в различных вопросах. И Василий Васильевич обращался ко мне за помощью, связанной с некоторыми архивными данными, необходимыми для его родных, знакомых, сослуживцев. Я в силу своих возможностей старался исполнять его просьбы и даже гордился тем, что могу чем-то помочь своему другу.

Уход Василия Васильевича из жизни был для меня настоящим ударом. Ведь только накануне мы отмечали с ним День Спецназа. Сидели рядом за столом, вспоминали, строили планы на будущее. И вот как гром с ясного неба.

Очень жаль, что из жизни уходят такие замечательные люди, как Василий Васильевич Колесник.

Вечная память ему и слава!

Н. И. Луцев, генерал-майор Руководитель направления

Осталось очень много людей, которые лично знают и помнят Василия Васильевича Колесника как командира, начальника, друга и товарища по совместной службе, учёбе и работе. Сейчас, после его смерти, мы можем только вспоминать о нём, о его делах и поступках.

Ничего, наверное, нового не скажу, а только напомню то, чем особенно можно и должно помянуть его.

Более близкое знакомство моё с В. В. Колесником относится к тому времени, когда он занимал должность начальника 3 направления в 5 управлении в Главном разведывательном управлении Генерального штаба.

До назначения В. В. Колесника на эту должность я был заместителем начальника этого направления, а начальником направления был полковник Лаврёнов Н. Н. Где-то в сентябре 1982 года Н. Н. Лаврёнова прямо из кабинета увезли на машине скорой помощи в госпиталь Бурденко в прединфарктном состоянии, где в течение месяца он находился на лечении. Я исполнял обязанности начальника направления.

В. В. Колесник после окончания академии Генерального штаба был назначен начальником 5 направления в 5 управление.

В один из дней меня и исполняющего обязанности начальника 5 управления генерал-майора Супруна Л. Л. (генерал-лейтенант Ткаченко К. Н. находился в отпуске) вызвал на доклад первый заместитель начальника ГРУ генерал-полковник Сидоров Я. Н. Заслушав доклады, он поинтересовался здоровьем полковника Лаврёнова Н. Н., потом отдал распоряжение Супруну Л. Л. представить документы на увольнение Лаврёнова Н. Н. из рядов Вооружённых Сил по болезни и выслуге лет, а на должность начальника 3 направления назначить полковника Колесника В. В. Всё это произошло так быстро — Лаврёнова вывели в резерв ГУ, а В. В. Колесник был назначен начальником направления. С этого момента мы стали близкими людьми, он начальник, я его заместитель, и работали совместно 10 лет. За эти годы мы очень хорошо узнали друг друга, работали дружно и согласованно. Вероятно, так было потому, что мы прошли по службе в Спецназе одинаковую лесенку в должностях. Он начальник штаба 15 обр СпН ТуркВО, я начальник штаба 4 обр СпН ПрибВО, он командир бригады, я тоже. В эти годы мы иногда встречались на проводимых сборах командного состава

соединений и частей специального назначения.

В 1975 году меня назначают с должности командира бригады старшим офицером в 3 направление ГУ, а в 1977 году направляют в загранкомандировку в ФРГ заместителем начальника Советской военной миссии при ГК французскими войсками в Германии в г. Баден-Баден. Как говорится у нас в народе: «Свято место пусто не бывает». На освободившуюся мною должность назначают командира 15 бригады ТуркВО В. В. Колесника.

После трёхлетнего пребывания в командировке, осенью 1980 года, я возвратился в 5 управление на должность заместителя начальника направления. За эти три года с 1977 по 1980 гг В. В. Колесник стал Героем Советского Союза и по распоряжению Министра обороны был направлен на учёбу в Академию Генерального штаба, освободив уже для меня должность заместителя начальника направления. Вот так переплетались наши судьбы, судьбы двух командиров бригад специального назначения.

В. В. Колесник, придя в ГРУ, сразу окунулся в пучину важных задач по переброске двух бригад специального назначения в Афганистан, комплектованию их боевой техникой, подбору в эти бригады лучших офицерских кадров, солдат и сержантов. Обстановка облегчалась тем, что 3 направление было укомплектовано опытными офицерами, имеющими большой стаж службы в направлении. К таким офицерам можно отнести участников Великой Отечественной войны: полковника Панфилова А. П., полковника Щёлокова Н. Н., полковника Семикозова А. С., полковника Реутова А. Н. Все они с богатейшими знаниями и опытом в решении разведывательных и специальных задач. Такие офицеры, как полковник Швец О. У., подполковник Макаров В. М., подполковник Сазонов Ю. Н., полковник Ламинин А. Т., полковник Трунов В. П., полковник Грязнов В. Л., полковник Шинкарёв А. Н., подполковник Золотарёв Г. В., полковник Трисмаков В. Е., имели большой опыт службы на разных должностях в частях специального назначения.

Комплектование соединений и частей специального назначения специальной техникой проводила техническая группа направления под руководством таких опытных офицеров, как полковник Панченко Е. Н., полковник Лежнёв Н. Н., полковник Блохин А. П., капитан 1 ранга Захаренков Г. В.

Офицеры старших возрастов по выслуге лет стали увольняться из направления, а на их место приходили молодые, но уже опытные офицеры, побывавшие в боевых действиях в Афганистане или служившие советниками при частях специального назначения других государств, такие как полковник

Герасимов Д. М., полковник Лобанов Н. А., подполковник Корчагин А. В., полковник Манченко В. А., подполковник Баленко С. В., подполковник Малашкевич В. Б.

В. В. Колесник лично занимался подбором кадров. Особенно с большим вниманием он относился к назначению офицеров в 3 направление. Забота о кадрах — его конёк. Это сильная черта руководителя!

В. В. Колесник проводил работу с большой ответственностью и знанием дела, начиная с подбора кадров на руководящие посты, которые смогли бы обеспечить ускоренное совершенствование боевого применения войск специального назначения в Афганистане.

Меня поражало его умение тонко разбираться в людях при назначении на вышестоящие должности или посылке в загранкомандировку советниками по Спецназу в армиях других государств.

Среди них много оказалось талантливых руководителей и высококлассных специалистов, таких как генерал-лейтенант Герасимов Д. М. генерал-лейтенант Макаров В. М., генерал-майор Золотарёв Г. В., доктор наук полковник Баленко С. В.

Для офицеров направления он был учителем и авторитетом, мы от него переняли высокий уровень трудолюбия, новаторства и исполнительности. Он индивидуален, неповторим, прозорлив. Василий Васильевич как начальник, командир, как практик, всю жизнь сам учился. Вся его военная деятельность шла только по восходящей линии.

Я был покорён его отеческой заботой о подчинённых. Не помню случая, чтобы Василий Васильевич незаслуженно обижал подчинённого, в то же время строго спрашивал за недобросовестность или неисполнительность. В его характере были очень сильные качества — не подставлять подчинённых под удары вышестоящих начальников, брать ответственность на себя.

В. В. Колесник принадлежал к тем редким людям, возраста которых не замечаешь ни на работе, ни в общественных делах, ни дома. И чем больше узнаёшь, тем больше уважаешь, ценишь и почитаешь человека.

Многие офицеры хорошо его знали, гордились вместе с ним его высокими заслугами перед Родиной, его высоким званием Героя Советского Союза. С приходом в направление В. В. Колесник в своей работе опирался на слаженный офицерский коллектив направления. Он не стеснялся обратиться к офицерам, когда затруднялся принять решение по тому или иному вопросу, выносил отдельные вопросы на коллективное обсуждение офицеров направления.

За годы руководства 3-им направлением и войсками специального назначения он большой вклад внёс в совершенствование организационно-штатной структуры бригад специального назначения в зависимости от их боевого применения на том или ином ТВД.

Под его руководством были расширены и сформированы учебные части и подразделения, такие как учебный полк по подготовке младшего командного состава, а в ТуркВО — учебный батальон по подготовке личного состава для ведения боевых действий в Афганистане. В Рязанском воздушно-десантном училище на базе курсантской роты сформирован курсантский батальон Спецназа, который готовил молодых офицеров для частей специального назначения. Большая заслуга в подготовке офицеров принадлежит первому командиру батальона полковнику Мартиросяну, командирам рот майору Невмержицкому Н. И. и капитану Костину, старшему преподавателю по ТСП полковнику Митрофанову А. С., начальнику кафедры иностранного языка полковнику Шудря А. С. и его заместителю подполковнику Андрееву А. И.

При Военной академии имени М. В. Фрунзе была создана учебная группа Спецназа, состоящая из 15 человек на каждом курсе. Были подобраны и назначены опытные преподаватели этих групп и начальники курсов, такие как полковник Тарасов С. М., полковник Перов В. А. В Загорянке были созданы курсы по переподготовке офицеров командного звена частей специального назначения, возглавляемые начальником курсов полковником Бургардом О. Г. Всё это позволило правильно и своевременно решать кадровые вопросы по доукомплектованию и восполнению потерь соединений и частей специального назначения, особенно воюющих в Афганистане.

В. В. Колесник был дальновидным человеком. Помнится, когда я написал рапорт на увольнение из рядов Вооружённых Сил, он стал уговаривать меня остаться работать в направлении на гражданской должности помощника начальника — старшим референтом направления. Я дал согласие.

Отгуляв отпуск после приказа на увольнение, я в новом качестве, без погон пришёл и представился ему. Василий Васильевич определил мне место и определил объём работы: кадровые вопросы, учёт и комплектование соединений и частей техникой, организация приёма и выпуска будущих офицеров в Рязанское училище и творческая деятельность — написание книги по обобщению опыта ведения боевых действий частями и подразделениями специального назначения в Афганистане.

Книгу я написал и сигнальный экземпляр находился в

редакции ГУ. Однажды в выходной день вызывает нас начальник управления генерал-лейтенант Ткаченко К. Н. Мы с Василием Васильевичем заходим в кабинет к начальнику управления и первый вопрос его: «Где ваша книга?» Было приказано в течение дня её переплести, а в понедельник генерал армии Ивашутин П. И. положил её на стол начальнику Генерального штаба маршалу Ахромееву. Оказывается, маршал Ахромеев упрекнул Ивашутина П. И. в том, что Спецназ более пяти лет ведёт боевые действия в Афганистане, а опыт ведения боевых действий не обобщается. А я для себя сделал вывод — каким же В. В. Колесник был дальновидным человеком, как будто он предчувствовал и предвидел такие обстоятельства.

За время, в течение которого В. В. Колесник руководил Спецназом, соединения и части специального назначения к 1991 году, к моменту развала Советского Союза, стали самыми боеспособными, с практическим опытом ведения боевых действий в Афганистане, самыми многочисленными, самыми укомплектованными боевой техникой и вооружением. Честь и хвала ему за это.

После 1991 года часть Спецназа осталась в сопредельных странах, другая часть с трудом была переведена на территорию России и расформирована, армию начали сокращать, под это сокращение попала и моя должность, и я был уволен. Новые «демократы» стали искать виновных ввода войск в Афганистан, настроение у офицеров падало, вскоре был уволен и В. В. Колесник.

Во всех должностях в развитии боеспособности частей и соединений специального назначения вклад В. В. Колесника неоспорим. Слагаемыми успеха являлись его незаурядные качества: сильный характер, целеустремлённость, напористость, уверенность в себе. Эти качества наложили своеобразный отпечаток и на его стиль и методы работы, проявлялись буквально во всём, какую бы сторону жизни войск, коллектива ни взять — боевую готовность, техническую оснащённость, социальную сферу, работу с кадрами, систему управления соединениями и частями, общественную работу — во всём видишь нестандартность, чувство перспективы.

Мне не раз приходилось убеждаться в незаурядных его качествах руководителя, умеющего из массы вопросов выделить главные, ставить перед собой и коллективом цели и во что бы то ни стало добиваться их достижения, смело идти на определённый риск.

Его забота о людях создала ему в трудовом воинском коллективе непререкаемый авторитет. За много лет работы с ним

у меня не было повода, чтобы упрекнуть его в высокомерии, зазнайстве или эгоизме. Он не пренебрегал интересами товарищей. В. В. Колесник проявлял заботу не только о живых, но и помнил о погибших и умерших. Работая после увольнения из Вооружённых Сил в благотворительном Фонде социальной поддержки военнослужащих «Гарантия», он оказывал всестороннюю помощь ветеранам в трудоустройстве, в направлении в санатории и госпиталь нуждавшихся и в других вопросах.

Как-то мне пришлось обратиться к нему с просьбой оказать помощь жене Лаврёнова Н. Н. Вере Петровне по установлению на могиле надгробия. Он попросил написать заявление по этому поводу. Я согласовал с Верой Петровной, взял у неё портрет Николая Николаевича и передал Василию Васильевичу. Вскоре, благодаря содействию Василия Васильевича, было установлено на могиле надгробие (памятник) нашему ветерану полковнику Лаврёнову Н. Н.

Такие же памятники были установлены на могилах генерал-лейтенанту Ткаченко К. Н. и генерал-майору Исаченко Т. А.

Дома Василий Васильевич был человеком редкого духовного мира, в нём торжествует высокая привязанность к семье: жене, детям, внукам.

Он действительно никогда не старался показать своего высокого положения по отношению к другим людям, был по-человечески прост в общении. Общение с В. В. Колесником стало для меня настоящей жизненной школой. Я научился у Василия Васильевича многому: не бояться трудностей, брать на себя ответственность, ценить доброту и прощать слабых. Глядя на него, я всё время думал: как могут сочетаться в одном человеке такие абсолютно разные качества, как строгость и доброта, жестокость и щедрость, суровость и забота. Наверное, в этом и заключается главный секрет его яркой, неординарной личности, способной вести людей за собой.

Но В. В. Колесник — не только командир, начальник Спецназа. Он богато одарённая личность, со своим душевным настроением, человек удивительно простой и скромный, стойкий ленинец и подлинный друг боевым товарищам, которые вместе с ним решали задачу по совершенствованию боевых возможностей войск специального назначения. Он был своим среди своих, и его любили восторженно — за простоту и солдатскую прямоту. В идейном плане он был и остался предан идеям марксизма-ленинизма, до последнего состоял в рядах КПРФ, потому что он всю свою сознательную жизнь посвятил делу служения советскому народу, партии. Он был Героем России, он Герой

Советского Союза. Он умер коммунистом.

Доброе сердце определяло каждый его шаг.

Был В. В. Колесник добр, правдив, но и суров. Не по капризу, а только в интересах решаемых Спецназом задач в Афганистане и на местах.

Он правофланговый в общем строю среди военачальников, он — солдат, который вознёсся до генерала, Героя Советского Союза в коллективе Спецназа.

Вечная память о В. В. Колеснике сохранится навсегда в наших сердцах.

Мы будем верны его идеалам.

Боряков Н. В., полковник
О В. В. Колеснике, командире и человеке

Моя первая встреча с Василием Васильевичем Колесником произошла 6 сентября 1974 года, когда я, молодой лейтенант, окончивший разведывательный факультет Киевского высшего общевойскового командного дважды Краснознаменного училища имени М. В. Фрунзе, прибыл для прохождения службы в 15 отдельную бригаду специального назначения (обрСпН), где в то время подполковник В. В. Колесник был начальником штаба бригады. Именно тогда, когда я представлялся командованию части, штатный комбриг полковник Р. П. Мосолов находился в отпуске, а его обязанности исполнял Колесник. Видимо, благодаря этому обстоятельству воспоминания о первом дне пребывания в бригаде у меня лично ассоциируются с Василием Васильевичем.

Особенно отчетливо помню сам момент знакомства, когда после моего доклада о прибытии в часть подполковник Колесник вышел из-за стола, внимательно посмотрел прямо в глаза и, крепко пожав руку, поздравил с началом службы в бригаде спецназ. Он сразу предупредил, что сейчас подробно беседовать со мной не будет, т. к. на следующую неделю запланировано его официальное знакомство с молодыми офицерами, на котором он и побеседует с молодежью, в том числе и со мной. Во время доклада, из-за определенной «волнительности» момента, мне не удалось внимательно разглядеть исполняющего обязанности комбрига, однако в глаза бросилась подтянутость этого моложавого подполковника и решительность во взгляде.

Дела и заботы первых дней службы в 15 обрСпН совершенно не оставили места для того, чтобы задуматься о том, кто наши командиры и начальники, однако встреча Колесника с молодыми офицерами, прибывшими в бригаду, о которой он говорил в первый день нашего знакомства, дала определенный толчок к тому, чтобы повнимательней присмотреться к нему и попытаться понять, что он собой представляет. Во время данного мероприятия я не только внимательно слушал Василия Васильевича, но и наблюдал за ним. Как показалось мне тогда, он был человеком немногословным, но все, что им говорилось, оказалось достаточно интересным. Это было, вероятно, в первую очередь, потому, что в своей речи он касался совершенно

конкретных вещей, которые в училищах, как правило, не изучают. Из выступления подполковника Колесника мы узнали, что собой представляет наша бригада, ее основные задачи в ходе проведения фронтовой наступательной операции Среднеазиатского военного округа (САВО) советских войск на Синьцзянском стратегическом направлении. Он также коротко остановился на предназначении отдельных подразделений нашей части. Кроме того, Василий Васильевич перечислил нам весь руководящий состав бригады.

В своем выступлении Колесник особый упор сделал на том, что мы, молодые офицеры, прибыли служить в самое лучшее соединение Среднеазиатского военного округа и одно из лучших в войсках специального назначения ВС СССР. Наша бригада награждена высшим отличительным знаком министра обороны СССР — Вымпелом «За мужество и воинскую доблесть», а также имеет много почетных знамен и других наград партийных и комсомольских организаций различных уровней. Офицеры и солдаты бригады гордятся службой в такой части как наша. Начальник штаба в своей речи выразил надежду, что молодые офицеры-выпускники 1974 года, прибывшие в бригаду, внесут достойный вклад в повышение уровня ее боевой подготовки и приумножение славных боевых традиций.

Завершил свое выступление подполковник Колесник словами, которые мне, да и, наверное, многим из присутствовавших запомнились навсегда. Он сказал, что мы закончили разные военные училища, имеем не одинаковый уровень общей и военной подготовки и различные оценки в дипломах. У кого-то они лучше, у кого-то хуже, но для успешного продвижения по служебной лестнице в бригаде это особого значения не имеет, так как оценка работы каждого из нас, а тем более выдвижение на вышестоящие должности будет производиться исключительно по результатам службы здесь, в части. Полученные в училищах теоретические знания и практические навыки являются лишь основой для будущих успехов в конкретной работе на тех должностях, на которые нас назначили.

В последующем нам не раз приходилось убеждаться в правоте этих слов Василия Васильевича. Честно говоря, за пять с лишним лет моей службы в бригаде не было ни одного случая, когда бы офицера выдвинули на вышестоящую должность или представили к государственной награде незаслуженно, не за конкретные успехи в боевой подготовке.

Когда мы вышли из кабинета командира части после беседы с подполковником Колесником, то, проходя мимо знаменной комнаты, мы уже совершенно по-другому, чем раньше, а именно с

подчеркнутой гордостью смотрели на Боевое Знамя бригады и Вымпел, на котором золотыми буквами было вышито: «Вымпел Министра обороны СССР войсковой части 64 411 за мужество и воинскую доблесть, проявленные на учениях в 1972 году». Как потом оказалось, никто из нас, молодых лейтенантов, раньше не только не видел, но и не слышал о существовании в Советской Армии наивысшей награды для воинской части, какой является Вымпел министра обороны. А теперь все мы начинали свою офицерскую службу в бригаде спецназ, которая была удостоена такой чести. Не знаю, как другие мои сослуживцы, а я был очень горд этим обстоятельством, несмотря на то, что к успехам нашей бригады, тем более успехам прошлых лет, сам лично не имел никакого отношения. Однако после беседы с Василием Васильевичем появилось чувство, что свой определенный вклад в копилку добрых дел 15 отдельной бригады специального назначения я еще сделаю.

Как правило, молодой лейтенант с командованием бригады встречался достаточно редко, и это было вполне естественно, так как между данными категориями офицеров существует очевидная и вполне естественная дистанция. Поэтому, когда вспоминаешь о В.. В. Колеснике в первый период своей службы в Чирчике, на память приходят лишь еженедельные совещания офицеров, во время которых он вместе с командиром бригады полковником Р. П. Мосоловым и его заместителями сидел за столом президиума, стоявшим на сцене солдатского клуба. В ходе этих совещаний подполковник Колесник выступал очень редко. В основном это были лишь краткие замечания и реплики по отдельным обсуждавшимся вопросам. Однако в его обязанности, как начальника штаба части, входило доведение до офицеров части содержания приказов, распоряжений и директив. Поэтому, когда Василий Васильевич выходил на трибуну, то приходилось невольно наблюдать за ним. Во время одного из первых совещаний офицеров я заметил, что наш начальник штаба, читая приказы, испытывает определенные трудности, так как тянет слова, а также делает достаточно длинные, и как мне казалось, совершенно неоправданные паузы. Создавалось впечатление, что Колесник в это время думает о чем-то своем, что отвлекает его от сути того, что он читал. Я внимательно слушал его, но причину такого поведения понять не мог.

На одном из совещаний я спросил об этом у сидевшего рядом со мной старшего лейтенанта Сашу Тимченко. Александр, отмахнувшись от меня, сказал лишь, что неизвестно, как бы я себя ощущал, если бы мне довелось пережить то, что пережил в годы войны Колесник. Такой ответ, естественно, заинтриговал

меня еще больше, поэтому уже после совещания я подошел к замполиту моей роты Олегу Кривопалову и задал тот же вопрос. Олег, в отличие от Александра, довольно подробно рассказал о том, что отца и мать нашего начальника штаба, партизанивших с самого начала Великой Отечественной войны в лесах Полтавщины, по доносу предателя арестовали фашисты и 7 ноября 1941 года расстреляли на глазах у всех жителей той деревни, в которой жила семья Колесников. Казнь родителей видел и маленький Вася, которому тогда еще не исполнилось и шести лет. После испытанного нервного потрясения он стал сильно заикаться. Данный недостаток ему удалось преодолеть усиленными тренировками и то лишь к окончанию Орджоникидзевского суворовского военного училища. Именно поэтому, заключил Кривопалов, Василий Васильевич до сих пор испытывает определенные трудности, когда приходится выступать перед личным составом на собраниях и совещаниях или читать вслух какие-либо тексты. Все в части об этом знают и фактически не замечают некоторых шероховатостей в речи Колесника. Кстати, данные обстоятельства биографии Василия Васильевича, особенно стремление и упорство, с которым он добивался исправления имевшихся в его речи недостатков, по словам Олега, способствовали повышению его авторитета у личного состава бригады.

После рассказа Олега Кривопалова я также проникся особым чувством уважения к Колеснику, так как понимал, что не всякий человек выдержит и переживет выпавшие в детстве на его долю столь серьезные испытания. Вызывало уважение также и то, что он, закончив суворовское военное и офицерское училища, а также Военную академию имени М. В. Фрунзе, всю жизнь служил в спецназе. Начиная с 1956 года, когда, например, я, как говорят, еще под стол пешком ходил, Василий Васильевич прошел путь от простого командира группы, какими большинство из нас были в 1974 году, до начальника штаба 15 отдельной бригады специального назначения. Как я уже говорил, все, что удалось тогда узнать о нашем начальнике штаба, не могло не вызывать чувства гордости за него и невольно заставляло еще больше работать над собой, чтобы хоть в чем-то походить на Колесника.

Новые впечатления, навалившиеся на нас, молодых лейтенантов, в первый период службы в бригаде, не оставили каких-то других ярких, хорошо запомнившихся эпизодов, связанных с Колесником, так как в то время в силу разного должностного положения он от нас был достаточно далеко. Однако периодически встречаться с ним все-таки приходилось.

Помнится, в феврале 1975 года в Чимкентской области

бригада проводила учения отделений спецназ. Я выполнял обязанности посредника в первом отделении моей группы, командиром которого был сержант Петров. Действуя ночью в районе разведки, отделению необходимо было скрытно пересечь довольно широкую асфальтированную дорогу, по которой часто проходили машины и автобусы. Конечно, в тех мирных условиях, в которых проходили учения, обычных автомашин и рейсовых автобусов нам опасаться было нечего. На учениях разведчикам, как известно, бояться надо в основном своих офицеров, выступающих за противника, а это, как правило, офицеры штаба и командование бригады, которые курсируют в районах действий разведгрупп на легковых и грузовых машинах и, изображая силы контрразведывательных органов «противника», выявляют те группы спецназ, которые пренебрегают мерами конспирации. Однако ночью в свете фар, в основном с дальним светом, разведчикам было трудно определить, какие автомашины, — «противника» или обычные гражданские, — проходят мимо того места, где на обочине дороги залегло отделение Петрова, изготовившееся по его команде моментальным броском пересечь шоссе, когда на нем никого не будет.

Так мы пролежали на снегу очень долго и стали замерзать, но машины все шли и шли. Посоветовавшись с Петровым, мы пришли к выводу, что всех машин нам все равно не переждать. В этой связи, чтобы максимально снизить вероятность попадания в поле зрения «противника», решили пересечь дорогу после того, как по ней пройдет рейсовый автобус, который явно не может быть нашим. Когда мы увидели фары и очертания очередного рейсового автобуса, Петров подал команду приготовиться и по прохождении автобусом того места, где мы залегли, по сигналу перебежать через дорогу. Однако как только разведчики привстали и изготовились к броску, мы заметили, что за автобусом идет военный УАЗ-469, которого в свете фар автобуса было совершенно не видно. Петров, моментально оценив обстановку, дал команду группе на отход. За то время, пока УАЗик останавливался, и из него выходили пассажиры, мы успели отбежать от дороги метров на 30 и залечь.

В свете проходивших по дороге машин нам хорошо было видно, что из УАЗа вышел подполковник В. В. Колесник и начальник оперативно-разведывательного отделения (ОРО). До нас донеслись обрывки их разговора, из которого можно было понять, что Колесник заметил разведчиков у дороги и в связи с тем, что они, по его словам, не могли далеко уйти, предложил отловить кого-нибудь из них. Он говорил с таким жаром, что мы были уверены в необходимости срочно уносить ноги, чтобы, к

своему стыду и презрению сослуживцев, не попасть в руки «противника», в качестве которого выступал сам начальник штаба бригады. Из тона беседы можно было понять, что Колесник прямо сейчас ринется в темноту и обязательно кого-нибудь выловит. Мы-то знали, что сделать это будет нелегко, невзирая на то, что за плечами у разведчиков не менее 30 килограммов различного снаряжения. Все были готовы по команде Петрова, сорвавшись со своих мест, не жалея сил, уходить из опасного района. Однако пока Колесник со своим собеседником решали, что им делать, мы замерли, никто не шевелился и ждали лишь окончательного результата, будучи готовыми к любому развитию событий.

В конце концов, послышался звук заведенного мотора УАЗика. При этом, несмотря на то, что наш «противник» сел в машину и уехал, разведчики длительное время не шевелились. Когда группа собралась на пункте сбора, на месте не оказалось лишь сержанта Петрова. Нам пришлось долго искать его. Позже Петров рассказал, что отбежать подальше от дороги он не успел, так как изначально находился на ее обочине, а УАЗ «противника» остановился в пяти метрах от того места, где он затаился. Петров заявил, что он слышал все, что говорили офицеры, и даже ощущал запах дыма папирос «Беломорканал», которые курил Колесник. По его мнению, если бы начальник штаба был один, то он бы обязательно ринулся на наши поиски и группе было бы несдобровать. Лишь начальник ОРО отговорил его от этого контрразведывательного мероприятия.

Один из бойцов выразил сомнение в том, что начальнику штаба бригады надо заниматься изображением недремлющего ока контрразведки «противника» и нагонять страх на своих подчиненных. Однако все дружно начали ему возражать, выразив общее мнение, которое сводилось к тому, что будь на месте начальника штаба бригады кто-то другой, он бы сейчас сидел в теплом кунге, а не мотался бы по степям Казахстана в поисках нерадивых подчиненных.

Уже потом, когда я шагал вместе с группой по району разведки и наблюдал за тем, как руководит своим подразделением сержант Петров и как его бойцы выполняют поставленные перед ними задачи, подумал о том, что не только офицеры, но даже солдаты прекрасно понимают и по достоинству оценивают командирские и человеческие качества Колесника. Надо очень здорово любить дело, которому служишь, любить его как Василий Васильевич и добросовестно относиться к нему, чтобы не сидеть в тепле, лишь заслушивая доклады о ходе учения, а, невзирая на свое высокое положение, «гонять» подчиненных по сопкам по принципу: «На то и щука в реке, чтобы

карась не дремал».

Сразу же после этих учений я уехал в отпуск, а вернувшись в Чирчик, узнал, что командира бригады полковника Р. П. Мосолова перевели на вышестоящую должность в штаб Среднеазиатского военного округа, а на его место назначили Колесника. Конечно, после Мосолова Василию Васильевичу командовать бригадой, особенно на начальном этапе, было непросто. Ведь Роберт Павлович был единственным в части фронтовиком, который всю войну прошел в войсковой разведке, лично добыл не один десяток «языков» и не раз смотрел смерти в глаза. За время войны и после нее он получил четыре ордена «Красной Звезды», орден «Отечественной войны» и медаль «За отвагу». Все это само по себе придавало ему особый статус в бригаде, где офицеры и солдаты прекрасно понимали, что значит действовать и успешно выполнять разведывательные и диверсионные задачи в тылу противника. Кроме того, Мосолов стоял у истоков создания в СССР войск специального назначения и, последовательно пройдя необходимые служебные должности, в результате был назначен командиром бригады спецназ.

Все, кто знал Мосолова, восхищались его незаурядными личными качествами, честностью, принципиальностью, а также умением влиять на людей, которое он эффективно использовал в ходе воспитательной работы с личным составом. Его называли «умницей», так как он обладал глубокими профессиональными знаниями, приобретенными, как можно себе представить, не в академических аудиториях, а в основном на полях войны и учебных полигонах. Его острый ум позволял ему на служебных совещаниях порой в такой юмористической форме распекать какого-либо нарушителя, что все присутствовавшие просто умирали со смеху, а объект критики сгорал от стыда. В дополнение ко всему сказанному, у Роберта Павловича была очень колоритная внешность. Его коренастая крупная фигура с совершенно лысой головой выдавала в нем спокойного, уверенного в себе человека и вызывала чувство уважения у всех солдат и офицеров бригады. Ведь недаром же все мы с теплотой называли его «Батей». Мосолов, несомненно, обладал ярко выраженной харизмой и умело пользовался этим своим качеством, чтобы вести за собой подчиненных.

Не меньшим уважением полковник Мосолов пользовался и у тех командиров воинских частей САВО и окружных начальников, которые в ходе различного рода учений на себе испытали, как трудно их частям и соединениям противостоять разведчикам 15 обрСпН. Недаром же, как только они узнавали, что к участию в очередном учении привлекается бригада спецназ, они, как

правило, с грустью говорили: «Опять этот лысый хрен своих разведчиков выпускает на свободную охоту за нами».

Подполковнику В. В. Колеснику пришлось вступать в командование 15 обрСпН после такого неординарного по своей сути командира бригады, каким был полковник Р. П. Мосолов. Многим из нас было жаль, что из спецназа, в силу совершенно объективных возрастных причин, уходят такие заслуженные люди, как Роберт Павлович. Однако мы также знали и Василия Васильевича и были уверены в том, что новый комбриг по своим деловым и личным качествам под стать старому, а наша бригада, как говорится, попала в хорошие, надежные руки.

После того, как Василий Васильевич стал комбригом, он, как можно было судить даже нам, молодым офицерам, постарался с максимально возможной эффективностью использовать все то лучшее, что было в бригаде при прежнем командире, а также ввел в части много своего, чего раньше не было. Колесник со знанием дела взялся за работу, днями и ночами пропадая в части. Своим энтузиазмом он заражал и всех нас. Работалось легко, с элементами творчества, что в спецназе всегда приветствовалось. В мае 1975 года личный состав готовился к прыжкам с парашютом, которые начинались 2 июня. Самым первым из всей бригады прыгал ее командир. На солдат и офицеров, особенно тех, кто в тот день готовился совершать прыжки с парашютом впервые, это производило сильное впечатление и оставалось в памяти на всю жизнь.

С приходом Колесника к руководству бригадой нам в глаза бросилось то, что он, несмотря на свою занятость, стал очень часто посещать плановые занятия в подразделениях, чего не делал раньше, даже тогда, когда, будучи начальником штаба бригады, непосредственно отвечал за боевую подготовку личного состава. Постоянно приходилось слышать то от одного, то от другого офицера, что у него на занятиях был Колесник. Как правило, о своих посещениях он никого заранее не предупреждал, просто приходил в роту спецназ, связи или автороту, смотрел расписание занятий, по одному ему известному принципу выбирал какую-либо учебную группу и, к удивлению ее командира, появлялся в классе. В ходе подобных визитов Василия Васильевича не все командиры групп могли спокойно продолжать занятия, не обращая внимания на присутствие в классе комбрига, а ему же достаточно было 10–15 минут посидеть и послушать, чтобы сделать свои выводы о глубине проработки изучаемой темы, уровне знаний личного состава, методических навыках командира группы и, в конечном итоге, о состоянии дел не только в данной учебной группе, но и в роте или в батальоне в

целом. Постепенно к внезапным визитам Колесника в подразделениях привыкли. Несомненным их результатом стало то, что командиры всех степеней стали намного лучше готовиться к своим занятиям, что, конечно же, положительно сказалось на знаниях солдат, сержантов и офицеров, а также на повышении уровня боевой подготовки всей бригады.

В те годы отличительной чертой войск специального назначения и 15 обрСпН, в частности, было то, что вся система обучения, подготовки и воспитания личного состава была направлена на выработку у него таких профессиональных, личных и деловых качеств, которые позволили бы ему выполнять поставленные командованием боевые задачи в тылу противника в любых условиях обстановки. Этого результата можно добиться, если создать в части хорошую учебно-материальную базу, на которой солдаты, сержанты и офицеры должны изучать теоретические дисциплины и отрабатывать практические навыки. К середине 1970-х годов наша бригада имела очень хорошую материальную базу, которая позволяла готовить высокопрофессиональных разведчиков-диверсантов.

Однако для безусловного выполнения специальных задач в тылу противника одних лишь твердых знаний и навыков далеко недостаточно. В спецназе, видимо, как ни в каких других войсках, нужна высокая морально-психологическая готовность каждого солдата и офицера, решимость и стремление сделать все то, что от них потребуется. Поэтому боевая подготовка и повседневная деятельность бригады была сориентирована на выработку у личного состава морально-психологической устойчивости и готовности к выполнению поставленных командованием задач, воспитание у солдат и офицеров чувства своего превосходства над противником, что в конечном итоге определяет полноту и качество решения любой задачи в его тылу.

В своей деятельности Василий Васильевич этому аспекту уделял самое серьезное внимание. В целях воспитания офицеров бригады он широко использовал личный пример, часто рассказывая о том, как служил, начиная с 1956 года, в спецназе, какая в то время была экипировка и тактика наших войск. Очень подробно описывал успешные действия его сослуживцев и подчиненных в ходе различных учений в период службы на Дальнем Востоке и в Польше.

В своих выступлениях перед личным составом Колесник основной упор в основном делал на спецназовскую специфику, что было вполне естественно. Однако, после того, как в начале 1975 года на должность заместителя командира бригады был назначен полковник Ю. Я. Голоусенко, однокашник Василия

Васильевича по Орджоникидзевскому суворовскому военному училищу, на совещаниях и других мероприятиях он стал периодически обращаться непосредственно к офицерам-суворовцам. Дело в том, что к тому времени выпускники суворовских училищ составляли примерно 70 % от общего числа офицеров части. И комбриг очень умело использовал данное обстоятельство, чтобы еще больше повысить мотивацию офицеров бригады к службе. Помню, как он не единожды говорил: «А с суворовцев у меня спрос особый. Если они с детства пошли в армию, то служить должны на порядок лучше всех остальных. В связи с тем, что я лично суворовец набора 1945 года, то имею полное моральное право проявлять повышенную требовательность к вам. Ведь я учился в СВУ, когда всех лейтенантов и старших лейтенантов бригады, да и многих наших капитанов еще на свете не было». Эти слова многих брали за душу и имели однозначное воспитательное и мобилизующее значение.

Летний период обучения 1975 года 15 обрСпН проходил в напряженных занятиях, прыжках с парашютом и тренировках. Результатом работы всего личного состава бригады должна была стать сдача итоговой осенней проверки. Нам всем было понятно, что осенняя проверка — это экзамен не только для личного состава части, но и проверка профессиональной зрелости подполковника Колесника, как командира бригады. Думаю, он также это прекрасно понимал и сделал все, чтобы доказать свою состоятельность в новом для себя качестве.

Тем временем летний период обучения закончился, и итоговую осеннюю проверку бригада сдала на «отлично», в очередной раз подтвердив, что является лучшим соединением САВО. Значительный вклад в этот успех всего коллектива внес Василий Васильевич Колесник. Тем самым он с нашей помощью сдал экзамен на профессиональную зрелость как командир части. Конечно, это было далеко не первое серьезное испытание в его жизни, но в качестве командира бригады спецназ он выступал впервые. И этот очередной экзамен он с достоинством выдержал.

Сразу после окончания проверки у нас впервые начали курсировать слухи о том, что 15 обрСпН в скором времени разделят на две бригады, одна из которых останется в Чирчике и войдет в состав Туркестанского военного округа (ТуркВО), а другую передадут в подчинение Среднеазиатского военного округа. Конечно, разделение бригады спецназ на два самостоятельных соединения — непростое мероприятие, и ответственность за его проведение в полной мере ложилось на плечи ее командира. И с этой задачей Колесник также справился

с честью.

Сейчас приятно вспоминать о том, какое удивление и восхищение у различного рода проверяющих из штаба Туркестанского военного округа, наехавших в 15 обрСпН после ее переподчинения ТуркВО, вызывал уровень её боевой готовности, дисциплины и внутреннего порядка. Многие офицеры штаба округа откровенно говорили нам, что за всю долгую военную службу им еще не приходилось видеть такой высокой организации боевой и политической подготовки и порядка.

Эта же мысль прозвучала и в выступлении полковника Р. П. Мосолова, приехавшего в декабре 1975 года из Алма-Аты в Чирчик, на торжественном собрании, посвященном очередной годовщине образования 15 обрСпН. С трибуны собрания Роберт Павлович сказал, что, будучи начальником отдела службы войск штаба САВО, прекрасно знает, как порой отвратительно организована боевая подготовка и служба войск в других частях и соединениях округа, в которых ему часто приходится бывать. «Я считаю, что на контрасте с теми воинскими частями, в которых я бывал, нашу бригаду за тот высочайший уровень боевой готовности, порядок и дисциплину, которые в ней поддерживаются, надо покрыть толстым слоем золота», — сказал бывший комбриг под бурные и продолжительные аплодисменты всего личного состава части.

Перевод 15 бригады спецназ в ТуркВО ознаменовался тем, что ее стали чаще привлекать на окружные учения. За короткий период времени наши спецназовцы объездили многие районы Узбекистана и Туркмении, выполняя задачи по ведению разведки мест дислокации соединений и частей округа, а также и проведению спецмероприятий. Как правило, одновременно учения проводили территориальные органы КГБ и военная контрразведка, которые выполняли задачи по пресечению действий разведчиков специального назначения. Могу с гордостью отметить, что лишь изредка наши разведгруппы возвращались в часть, как говорится, «на щите», но в основном — «со щитом».

Когда думаю о Колеснике, то вспоминаю множество всяких повседневных эпизодов, связанных с временами совместной службы с ним в 15 обрСпН. Все их, конечно, описать невозможно, да в этом и нет необходимости. Целесообразно упомянуть лишь о тех моментах, которые ярко характеризуют Василия Васильевича. Как представляется, весьма показательным примером этого может служить то событие, которое произошел в мае 1976 года. Очень хорошо помню, что комбриг, отправляя меня на целину (к сожалению, спецназ использовали и для уборки урожая), во время

инструктивной беседы нашел такие слова, такую силу убеждения вложил в них, таким образом настроил меня на эту несвойственную для нормального командира группы специального назначения работу, что этого мне с лихвой хватило на предстоящие полгода целинной эпопеи. В результате с целины я вернулся с первой своей государственной наградой — медалью «За трудовое отличие». Думаю, что многие офицеры, в разное время служившие с Колесником, могли бы привести свои подобные примеры, связанные с сильным положительным влиянием, которое Василий Васильевич мог оказывать на своих подчиненных в решающие моменты в их службе, тем самым, настраивая их на достижение однозначно высоких результатов в тех делах, которые им поручались.

Еще одним показательным примером, врезавшимся в мою память и очень точно характеризующим суть Василия Васильевича Колесника, являются его откровения, которыми он поделился с офицерами бригады в конце июня 1977 года. Этому предшествовало трагическое событие, произошедшее во время очередных окружных учений, когда по вине водителя ЗИЛ-131 в горах разбился командир 2 отряда капитан С. М. Шапиро. Две недели врачи боролись за его жизнь, но, к сожалению, Сергей Маркович умер. После поминального обеда офицеры бригады, прихватив со стола несколько бутылок водки и какую-то закуску, зашли в квартиру моего однокашника по Киевскому ВОКУ Федора Волоха, который жил на одной площадке с Шапиро. Мы расселись, где кому пришлось, в однокомнатной квартире Федора, еще раз помянули Сергея Марковича, которого все искренне уважали за его деловитость и умение очень точно предсказывать ход и перспективу развития различных событий. Постепенно, по мере того, как хмель брал свое, разговор, как и положено в таких случаях, перешел сначала на обсуждение общих, а затем и служебных вопросов.

Я не знаю, с чего начали обсуждать очередную тему, но, когда заговорил Василий Васильевич, все другие разговоры прекратились. Мы внимательно слушали его ответ тому офицеру, который в тот момент задавал тон беседы. Суть рассуждений комбрига сводилась к тому, что он с детских лет копался в себе и всю жизнь пытался и пытается до сих пор разобраться в себе, чтобы узнать, трус ли он, или нет. После этих слов Колесника народ, дружно возражая комбригу, загалдел, но общее мнение одной фразой выразил Александр Латышев, который, не соглашаясь с командиром, заявил, что если человек прыгает с парашютом, он уже не может считаться трусом. «Обожди, Саша!» — воскликнул Василий Васильевич с заметным южнорусским

акцентом, который у него явно проявлялся, когда он начинал волноваться. При этом Колесник долго и очень убедительно рассуждал на эту тему, обосновывая свое мнение тем, что, несмотря ни на что, так до сих пор и не знает, какие критерии могут служить основными для определения, смелым ли является тот или иной человек. А прыжки с парашютом и служба в спецназе, по его словам, сами по себе еще ни о чем не свидетельствуют, так как за время своей службы он не раз убеждался в том, что некоторые «хваленые» спецназовцы в критических ситуациях проявляли трусость. «Вот и я все время задаю себе вопрос: «Не трус ли я?» — завершил свои рассуждения Василий Васильевич.

Я слушал эти разговоры и думал о том, насколько человек, в данном случае Вась Вась, должен критически относиться к себе, чтобы, всю жизнь проходя службу в спецназе, имея несколько сотен прыжков с парашютом, при этом еще сомневаться в своей смелости. Да, думал я, с такой критичностью относиться к себе дано далеко не каждому. Более того, мало кто смог бы о сомнениях в своей смелости открыто говорить с подчиненными. Только одно это требует от командира большого личного мужества. А у Василия Васильевича это мужество было, хотя сомнения в своей личной смелости его терзали.

Трудно обычными словами передать то настроение, которое охватило всех присутствовавших и ту атмосферу, которая была создана обсуждавшейся темой. Каждый из нас, я полагаю, задумался о своем понимании этой проблемы. У многих, видимо, под влиянием всего услышанного произошла определенная переоценка каких-то ценностей, своих поступков, своего места и роли в этой жизни. Однако с уверенностью могу сказать, что однозначным результатом данной дискуссии явилось то, что офицеры бригады после всего услышанного прониклись еще большим уважением к Колеснику, авторитет которого в офицерском коллективе еще больше укрепился. Мы были готовы идти за ним, выполнять любые его приказы.

Тогда, в июне 1977 года, ни у меня, ни у других офицеров 15 обрСпН еще было недостаточно необходимых фактов, чтобы до конца точно оценить и осознать мысли Колесника о смелости человека. В то время особенно трудно было правильно понять и его «копания» в собственной сути, а также сомнения в своей смелости. Впоследствии, когда Василий Васильевич совершил главные в своей жизни подвиги и получил высокое звание Героя Советского Союза, стало понятно, что тогда в Чирчике и, естественно, в более ранние периоды жизни он постоянно готовился к великой цели и стремился к тому, чтобы выполнить

ту миссию, которая была определена ему судьбой.

В конце июня 1977 года 15 обрСпН, в соответствии с указанием ГРУ ГШ, должна была совершить прыжок с парашютом на воду. Для одной из самых сухопутных бригад советского спецназа это оказалось непростым делом, поскольку, кроме заместителя командира бригады по воздушно-десантной подготовке полковника Ленского, ни у кого из офицеров, не говоря уже о солдатах, опыта парашютных прыжков на воду не было.

Меня назначили дежурным по площадке приводнения, поэтому хорошо помню, как Колесник проводил инструктаж всех должностных лиц, задействованных в обеспечении прыжков, и командиров подразделений. Как и положено, он сначала зачитал приказ на совершение прыжков на воду, затем довел порядок их проведения, обратил внимание на особенности действий должностных лиц при их организации и обеспечении, соблюдение мер безопасности, особенно перед и после приводнения. С учетом необычности для всего личного состава бригады данного мероприятия, на лицах собравшихся видна была определенная напряженность и сосредоточенность. Однако, когда свою речь Василий Васильевич закончил фразой: «Первым в бригаде прыжок на воду совершаю я», — все с искренним уважением посмотрели на командира, и напряженная атмосфера совещания сразу же разрядилась.

В день прыжков, находясь на берегу Ташкентского моря, я с интересом и волнением наблюдал в бинокль, как Колесник первым выпрыгнул из АН-2, надул спасательный авиационный жилет, расстегнул грудную перемычку подвесной системы парашюта и ножные обхваты, чуть-чуть подрулил стропами, чтобы оказаться ближе к спасательной лодке, и, коснувшись ногами воды, освободился от парашюта. «Молодец, Колесник! — подумал я, наблюдая за ним в бинокль. — Как в учебном фильме». Вслед за командиром «посыпалась» на Ташморе вся бригада, только водные брызги летели из-под ног парашютистов. Приятно было смотреть на их четкие и слаженные действия, а также на действия дежурных сил и средств обеспечения на площадке приводнения. Создавалось впечатление, что 15 обрСпН только тем и занималась, что прыгала на воду.

Перед тем, как прыжки на воду должны были закончиться, задача тех, кто выполнял различные обязанности на площадке приводнения, заключалась в том, чтобы вовремя смениться с дежурства и успеть на аэродром, чтобы прыгнуть на воду из одного из последних кораблей. Так мы все, дежурившие на площадке, и сделали, получив определенную порцию

удовольствия от прыжка на воду.

В начале июля 1977 года у меня появилась еще одна возможность глубже узнать своего командира, убедиться в неординарности этого человека и, возможно, сделать для себя лично весьма важные выводы на будущее. 7 июля должна была состояться свадьба моего училищного друга Жени Климовича. Сам он в то время служил в войсковой разведке под Ленинградом, невесту встретил в Алма-Ате, а свадьбу играли в городе Панфилов, где жили родственники невесты. Родители Жени из Белоруссии в такую даль на свадьбу приехать не смогли. Поэтому я решил доставить моему другу истинную радость своим присутствием на этом торжестве. Однако сделать это молодому офицеру, проходившему службу в Чирчике, было совсем непросто, так как Панфилов находится на границе Казахстана с Китаем. В этой связи сначала нужно было самолетом долететь из Ташкента до Алма-Аты, а оттуда еще девять часов ехать на автобусе.

Элементарный расчет времени показывал, что, если улететь из Ташкента вечером в пятницу, то в понедельник утром можно быть в Чирчике. Для того, чтобы не случилось никаких случайностей, пришлось несколько раз подряд сходить в наряды и провести ряд других «обеспечивающих мероприятий». Однако, как потом выяснилось, всех неожиданностей предусмотреть не удалось. Я еще был в части, когда меня вызвал замкомбрига по тылу полковник Н. Д. Мельников и сообщил, что моя группа в качестве дежурного подразделения направляется на товарную железнодорожную станцию для разгрузки вагона с цементом, который необходим бригаде для строительства автопарка. Видимо, тот факт, что вместо меня на разгрузку цемента поехал лейтенант Коля Загайнов, которого я попросил подменить меня на этом «суперважном» мероприятии, не осталось незамеченным, и мои поиски начались еще в пятницу.

Николай Загайнов был единственным, кому я сказал, куда и зачем уезжаю, но, следуя нашим договоренностям, никому ничего не сказал. Отсутствие офицера в течение двух дней не на шутку встревожило всех, и в первую очередь командира бригады. Когда же я благополучно вернулся ночью с воскресенья на понедельник и узнал, что меня с пятницы ищут, то понял, что жестокой и вполне заслуженной кары мне не избежать. «Да, — подумал я, — жаль, что не удалось провести мероприятие конспиративно. Но ничего не поделаешь. За все в этой жизни надо платить». Самое строгое наказание, которое могло меня ждать, — это задержка в присвоении звания старшего лейтенанта, срок которого у меня выходил ровно через две недели.

Ранним утром в понедельник, когда я пересек проходную бригады, дежурный по КПП сообщил, что полковник Колесник приказал мне прибыть к нему в кабинет сразу же, как только я появлюсь в части. Почистив сапоги, руководствуясь принципом «Умом ты можешь не блистать, а сапогом блистать обязан», я обречено поплелся в штаб, совершенно не представляя, что же сказать командиру бригады в свое оправдание. Однако так ничего и не придумал, так как оправданий подобного поступка офицера нет в природе.

Дверь в кабинет Колесника была, как обычно, открыта. Я вошел и по всей форме доложил, что по его приказанию прибыл. По глазам Василия Васильевича можно было понять, что мое отсутствие в течение столь длительного времени ему стоило серьезного нервного напряжения. Это можно было понять также и по тому, как смягчился его взгляд, когда он увидел меня в добром здравии. Уже в кабинете комбрига, глядя ему прямо в глаза, я решил рассказать ему всю правду. Колесник внимательно выслушал мой незамысловатый рассказ, изредка задавая уточняющие вопросы. «Что ж ты, не мог обратиться ко мне? — поинтересовался Василий Васильевич. — Я бы тебя отпустил». В ответ командиру я заявил, что если быть до конца честными друг перед другом, то надо признаться, что никто не отпустил бы меня так далеко, поэтому я готов принять любое наказание. Уж не знаю, что думал в тот момент Колесник, но вслух он сказал: «Хорошо, что ты честно все рассказал, не пытался выкручиваться, как порой это делают другие. Для этого надо обладать определенным мужеством. Если бы ты начал врать, то я бы тебя сурово наказал. А так, — он ненадолго задумался, а затем твердо сказал, — иди, исправляйся».

Никто из моих сослуживцев не поверил, что комбриг не объявил мне никакого взыскания. Это казалось странным, прежде всего потому, что Колесник, когда меня искали, обещал мне всяческие кары, когда я отыщусь. Больше всех удивлялся этому мой командир роты Юра Цыганов, который уже был готов к тому, что из-за «навешенного» на его офицера взыскания рота в соцсоревновании с ротой нашего постоянного конкурента Игоря Стодеревского не займет призового места.

После беседы с Василием Васильевичем я много думал о том, почему он не наказал меня, ведь я сам прекрасно понимал, что меня надо примерно «выпороть» как за этот проступок, так и в назидание другим, чтобы, как говорится, неповадно было. Однако, перебрав в памяти все, что касалось личности командира бригады и его характера, в конце концов, понял, что он по достоинству оценил мое честное признание, нежелание юлить и

готовность без сожаления принять заслуженное наказание. Подобное поведение Колесника, видимо, стало возможным потому, что такое качество как честность присуще ему самому, а следовательно, оно было близко и понятно ему в поведении других людей, поэтому он ценил такие проявления, особенно в своих подчиненных. Завершающим результатом всего произошедшего стало то, что звание старшего лейтенанта мне не задержали, и я получил его вместе со своими однокашниками.

Побочным, но весьма важным для бригады результатом ее разделения на два самостоятельных соединения было то, что в ходе этой работы в Чирчике побывало большое количество разного рода начальников из Главного разведывательного управления Генерального штаба ВС СССР. Многие из них раньше здесь никогда не бывали и впервые увидели, в каких условиях существовала одна из лучших советских бригад спецназ. Если казармы, в свое время перестроенные из конюшен, а также складские помещения находились в достаточно приличном состоянии, хотя и они требовали капитального ремонта, то автопарк части не выдерживал никакой критики. Дорогостоящая техника в основном хранилась под открытым небом, а саманные стены нескольких боксов можно было расковырять даже пальцем.

Все это внешнее убожество бригады никак не увязывалось с высоким уровнем ее боевой подготовки. Поэтому командиру части командованием ТуркВО была поставлена задача в кратчайшие сроки превратить наш военный городок в образцовый. Для этого выделялись необходимые финансовые средства, но подрядчиков для ведения строительства, естественно, не было. Выход из этой ситуации был единственным и давно зарекомендовавшим себя в армии — строить, так называемым, хозяйственным способом, то есть силами личного состава нашей бригады. И эту проблему также пришлось решать Колеснику. В этой связи в ходе проведения строительных работ он становился и прорабом, и технологом, и снабженцем. Но самым сложным оказалось совместить планы боевой подготовки бригады с планами строительства, ведь без отрыва личного состава для ведения хозяйственных работ обойтись не удавалось. Однако и в этой ситуации комбриг находил пути решения проблем с минимальными потерями для уровня боевой готовности части.

Сразу же после итоговой проверки 1977 года, которую мы также сдали хорошо, полковник Колесник приступил к передаче бригады новому командиру подполковнику А. А. Овчарову, так как Василия Васильевича переводили на повышение в Москву. Мне лично, да и многим моим сослуживцам, было очень жаль,

что Колесник уезжает. Мы ловили себя на мысли, что нас одолевают такие же чувства сожаления, которые мы испытывали, когда из бригады уходил ее предыдущий командир полковник Р. П. Мосолов. За два с лишним года руководства бригадой он добился многого и завоевал заслуженный авторитет у всего личного состава, хотя он не был фронтовиком и не имел столь много боевых наград, сколько было у Роберта Павловича. Правда, за это время Колеснику все-таки не удалось заслужить, чтобы в бригаде его, как Мосолова, стали называть «Батей», однако это уважительное обращение личного состава, которого удостаиваются лишь настоящие отцы-командиры, как и многое другое, было для Василия Васильевича еще впереди, о чем никто из нас, конечно же, тогда не знал, да и не мог знать. Как потом оказалось, все самое главное и значимое, было у Колесника еще впереди, в том числе и показатель высшей степени уважения солдат и офицеров спецназа, которые стали любовно называть его «Батей». С уходом из 15 обрСпН жизнь и служба для Василия Васильевича далеко не заканчивалась — это единственное, что тогда всем нам было очевидно.

После того, как Колесник уехал в Москву, в бригаде внешне ничего особенно не изменилось. Продолжалась боевая учеба, однако значительно больше, чем раньше, стало всякого рода хозяйственных работ, к которым привлекались спецназовцы, в то время, когда надо было заниматься боевой подготовкой. Не думаю, что в этом была вина нового руководства бригады. Основная причина, скорее всего, заключалась в том, что в те времена ТуркВО был округом третьего разряда, и боевая подготовка в нем находилась совсем не на первом месте. Сразу после переподчинения 15 обрСпН Туркестанскому военному округу бригада еще как-то по инерции, пришедшей из САВО, продолжала усиленно занималась боевой подготовкой. Однако, чем дальше, тем меньше этому важнейшему аспекту уделялось внимания. Тем более, что окружное руководство, как было заметно даже нам, молодым офицерам, не особенно и требовало выполнения программы боевой подготовки. Планы и расписания, конечно, составлялись, заполнялись журналы проведения занятий, но из всего запланированного проводилось лишь незначительное количество часов. В полном объеме выполнялась, пожалуй, лишь программа политической и воздушно-десантной подготовки.

Такое смещение акцентов вызывало серьезное недовольство настоящих командиров всех степеней. Однако оно сводилось лишь к простому роптанию в кулуарах. Неудовлетворение таким положением дел не высказывали лишь те офицеры, которые

считали лучшей возможностью проявить себя в развернутом в бригаде строительстве. Как правило, это те командиры, которым боевая учеба, работа по воспитанию личного состава были в тягость. Теперь для них наступили хорошие времена, когда можно показать свои личные качества, которые они не могли проявить в ходе повседневной боевой и политической подготовки.

Изредка, собираясь, как у нас в шутку говорили, «узким кругом ограниченных лиц» за бокалом пива, местного виноградного вина или популярного в то время в Чирчике портвейна «Чашма», который мы именовали не иначе, как «Офицерский коньяк», многие младшие командиры бригады откровенно возмущались складывающимся положением. Часто в этих беседах звучала мысль: «Неужели Василий Васильевич не знает, к чему эта стройка может привести. А если завтра, не дай Бог, война? С кем пойдем воевать? Спецназ уже, кроме мастерка, лома и лопаты, ничего в руках держать не может».

Весьма показательным примером того, чем мы в то время занимались, являлась формулировка полученного мной в 1978 году выговора, которая дословно звучала так: «За пропажу бетономешалки». Напоминаю, что это был выговор командира роты специального назначения. Комментарии, как говорят в таких случаях, излишни… Кстати сказать, тогда, когда пропала эта злосчастная бетономешалка, ротой командовал замполит лейтенант Валера Измалков, а я был в отпуске, но выговор, по ошибке, записали мне. Однако, нет худа без добра, так как при поступлении в академию приемная комиссия обратила на этот факт внимание, и кто-то из ее членов не преминул, к добродушному хохоту коллег, подколоть меня вопросом: «Так, Вы, товарищ капитан, где служили? В войсках специального назначения или в строительных войсках?»

Думаю, что Василий Васильевич, являясь направленцем в ГРУ ГШ на азиатские бригады спецназ, прекрасно знал об этом, но, видимо, и его власти в должности старшего офицера направления Управления ГРУ было далеко не достаточно, чтобы изменить сложившееся в тот период с боевой подготовкой в 15 обрСпН положение. Видимо, поэтому из ГРУ поступали указания типа: «несмотря на развернутое в 15 обрСпН совершенствование учебно-материальной базы хозяйственным способом, командованию бригады необходимо активнее изыскивать возможности для более полного выполнения планов боевой и политической подготовки, чтобы не допустить снижения боевой готовности групп специального назначения первой и второй очереди». Естественно, что новому командиру бригады подполковнику А. А. Овчарову приходилось, находясь, условно

говоря, между молотом и наковальней, буквально выкручиваться, чтобы планы по строительству совместить с планами боевой подготовки. И, как ни странно, бригаде под его руководством это с трудом, но все-таки удавалось.

А тем временем война, а вернее ее тень, о чем мы, в порыве откровения, так много говорили в кулуарах, не заставила долго себя ждать. В 1978 году у южных границ Советского Союза, в Иране, на который была нацелена наша бригада, развернулось мощное народное движение за демократические преобразования и ликвидацию монархии, которое впоследствии переросло в антиимпериалистическую национальную исламскую революцию. К осени 1978 года все сразу же вспомнили о том, что в складывающейся ситуации 15 бригаде спецназ могут быть поставлены разведывательные и специальные задачи на территории сопредельного государства, которые надо будет выполнять в реальной боевой обстановке.

Всю осень 1978 года бригада «сидела» в повышенной степени боевой готовности и ни на что другое, кроме усиленной боевой подготовки, не должна была отвлекаться. Этому способствовало казарменное положение, на котором находились все офицеры и прапорщики, несмотря на то, что основная их масса проживала в военном городке, расположенном за забором нашей части. Однако даже в этот период серьезного осложнения международной обстановки в регионе, где должна была действовать 15 обрСпН, строить мы не прекращали.

Не знаю, как бы я поступал, будь я на месте командира части подполковника А. А. Овчарова, но, честно говоря, ему в тот период никто не завидовал. Даже во время дестабилизации обстановки в Иране, когда бригаде надо было как можно быстрее ликвидировать пробелы в боевой готовности групп спецназ, наше окружное руководство требовало от комбрига продолжения выполнения планов строительства. Нам же, младшим командирам, приходилось выполнять его приказы на выделение личного состава на различные хозяйственные работы, вместо того, чтобы ехать, например, на стрельбище или заниматься со своими подразделениями тактико-специальной подготовкой. Александр Алексеевич как мог, изворачивался, пытаясь, по возможности, сократить количество отвлекаемого на хозработы личного состава бригады, но и его власти порой было недостаточно. Он прекрасно понимал, что кардинально ситуацию изменить он не сможет.

Кстати, стройка в части не прекращалась даже тогда, когда вся территория нашего городка была заполнена колоннами автомашин с прицепами, загруженными боеприпасами,

парашютами и снаряжением, и выставленными напоказ американским космическим спутникам фото- и видеоразведки для того, чтобы показать Соединенным Штатам Америки, что мы полностью готовы выступить для защиты своих интересов на южных рубежах СССР в случае, если США решат вторгнуться в Иран. Знали бы американцы, что во время построений на плацу, где даже для небольших по составу рот спецназ не было свободного места для построений, так как весь плац занимали колонны загруженной по-боевому техники, командиры подразделений порой не только ставили задачи на отработку планов боевой подготовки, но очень часто отправляли личный состав для ведения строительства различных объектов в бригаде.

Думаю, всем нам повезло, что ситуация в Иране развивалась таким образом, что она не привела к военной интервенции Соединенных Штатов в эту страну. Если бы это случилось, то СССР был бы вынужден войти в северные районы Ирана. Кто-кто, а спецназ оказался бы там первым. Однако, могу с уверенностью сказать, что не все офицеры 15 обрСпН, особенно молодые, а о солдатах я уже не говорю, были хорошо подготовлены для выполнения разведывательных и специальных задач. Многие из них значительную часть времени провели на стройке, а в перерывах между хозяйственными работами чуть-чуть попрыгали с парашютом, чуть постреляли и пару раз сходили в горы. В таких условиях до глубокой и всесторонней отработки всех аспектов действий групп спецназ в тылу противника было очень далеко.

А тем временем наступил январь 1979 года Василий Васильевич Колесник в очередной раз напомнил о себе, когда ГРУ ГШ организовывало обучение группы офицеров спецназ на курсах усовершенствования офицеров разведки в подмосковном поселке Загорянка. Фактически Василий Васильевич по предложению командира бригады подполковника Овчарова утвердил Федора Волоха и меня в качестве кандидатов для обучения на курсах. Ехал я в Москву без особого желания, так как понимал, что после обучения могу уже не вернуться в спецназ, который искренне любил. Но такова, видимо, военная судьба, в соответствии с повелениями которой приходится ей повиноваться.

На майские праздники мы с Федей приехали из Москвы в Чирчик. Как раз в то время на базе 15 обрСпН под руководством представителя ГРУ ГШ полковника Колесника началось формирование 154 отдельного отряда специального назначения (ооСпН), который из-за того, что в него набирали лишь представителей коренных наций республик Средней Азии СССР, назвали «мусульманским батальоном». Как можно было судить, тогда вообще никто, не только офицеры бригады, но и сам

Василий Васильевич не представляли, для чего на самом деле создавалось это весьма специфичное подразделение. До конца это трудно было понять и тогда, когда мы с Федором, вернувшись в конце ноября 1979 года из Москвы, оказывали помощь отправке «мусульманского батальона» в Афганистан. Из опубликованных воспоминаний Василия Васильевича и из последующих моих бесед с ним, проведенных в разное время, можно было сделать однозначный вывод, что лишь он один доподлинно знал, зачем на самом деле был сформирован 154 ооСпН.

О том, как 154 отдельный отряд специального назначения штурмовал дворец Амина, написано достаточно много, и у тех, кто изучает или просто интересуется данной темой, вопросов практически не осталось, хотя в те времена, когда эти события происходили, все было покрыто мраком таинственности. Правда, в 15 обрСпН о штурме Аминовского дворца Тадж-Бек, который был осуществлен 27 декабря 1979 года, узнали практически на следующий день. В данном случае сработал, так называемый «солдатский телеграф». Без особых деталей, но суть того, что произошло, мы все-таки знали достаточно точно и намного раньше многих.

Уже утром 30 декабря командир 2 батальона капитан Игорь Стодеревский съездил в Ташкентский военный госпиталь, чтобы проведать раненного в ногу при штурме Аминовского дворца командира 1 роты «мусульманского батальона» старшего лейтенанта Володю Шарипова. Помню, как в тот день, перед началом торжественного собрания, посвященного 17-й годовщине образования 15 обрСпН, Игорь Стодеревский рассказывал, со слов Шарипова, о действиях нашего батальона спецназ в Афганистане, уточняя лишь то, что большинство из нас уже фактически знало.

Вспоминая тот день, 30 декабря 1979 года, не могу не сказать, что из-за задержки комбрига подполковника А. А. Овчарова в Ташкенте, начало торжественного собрания было отложено на два часа. Когда Овчаров приехал, мы по его виду поняли, что он сильно взволнован. Командир долго не мог собраться с мыслями, чтобы начать мероприятие. Затем вышел к трибуне и, извинившись за столь долгую задержку, в обстановке идеальной тишины в зале с трудом начал рассказывать о том, что был в Ташкентском военном госпитале, где проходило прощание с семью нашими бойцами, погибшими при штурме дворца Амина Тадж-Бек. По его предложению, все почтили их память вставанием. Раненых спецназовцев оказалось более тридцати.

2 января 1980 года я поехал в Ташкент в госпиталь к Володе Шарипову, с которым мы вместе учились в Свердловском СВУ. Вместо предложения Игоря Стодеревского отвезти Володе в

качестве подарка бутылку водки, я привез ему банку настоящего горного меда с пасеки моего тестя Петра Николаевича. Наливая мед в банку, тесть заметил, что не успеет Володя съесть полбанки этого ценного продукта, как уже выздоровеет.

Шарипыч, как мы его звали в СВУ, несмотря на ранение (пуля попала в мягкие ткани бедра), чувствовал себя очень даже бодро, поэтому много и довольно подробно рассказал об операции по взятию Аминовского дворца. Пересказывать здесь все, что поведал Володя, просто нет смысла, так как эти события очень точно описаны в разных изданиях и им самим, и Колесником, и другими участниками событий. Как представляется, в моих воспоминаниях о Василии Васильевиче уместно отразить только то, что точно и емко характеризует его и что не получило достойного и полного отражения в публикациях очевидцев.

Многое из того, что тогда рассказывал мне Шарипов, я в разное время неоднократно уточнял в беседах с Колесником, когда он уже ушел на пенсию. Василий Васильевич подтвердил, что Володя, будучи всего лишь командиром роты боевых машин пехоты «мусульманского батальона», знал многие детали операции, так как был командиром штурмовой группы, выделенной от нашего батальона. Основное, на что обратил мое внимание Шарипов, было то, что Василий Васильевич проявил настоящее мужество, когда отстаивал перед всякого рода начальниками свой вариант плана взятия дворца. Именно разработанный Колесником план, который, в конечном итоге, был точно выполнен подчиненными, позволил избежать серьезных потерь во время проведения операции по штурму дворца Тадж-Бек. Кто-кто, а Колесник прекрасно понимал, что первый вариант плана, подготовленный крупными специалистами из высоких штабов, которые мыслили категориями типа: «Одним парашютно-десантным полком возьмем целый город», привел бы к огромным потерям как в нашем батальоне, так и в спецподразделениях «Зенит» и «Гром» КГБ СССР.

Мой многолетний опыт службы в Вооруженных Силах СССР и России достаточно красноречиво показывает, что далеко не всякий командир способен проявить мужество и настойчивость, чтобы доказать несостоятельность решений, принятых высоким начальством. Поэтому я с еще большим уважением начал относиться к Василию Васильевичу, когда узнал подробности того, как ему приходилось отстаивать свое мнение и доказывать необходимость принятия к исполнению составленного им плана взятия дворца и отмены того плана, который был уже утвержден на самом высоком уровне. При этом Колесник в то время меньше всего думал о том, что о нем лично подумает его

непосредственное руководство в ГРУ, а также прямые начальники в Генеральном штабе и Министерстве обороны СССР. За долгие годы службы в спецназе он привык прежде всего думать о качественном выполнении поставленных задач с минимально возможными потерями, а уж потом, если получится, то можно позаботиться и о своем личном авторитете. Руководствуясь именно этими критериями, Василий Васильевич составил свой план штурма Дворца Амина и отстоял его основные положения у начальника Генерального штаба ВС СССР маршала Н. В. Огаркова. Кстати, некоторые ответственные за операцию лица наотрез отказались завизировать план, представленный Колесником, понимая всю полноту ответственности, которая ложится на них в случае, если операция провалится. Необходимого в такой ситуации мужества, которым обладал простой полковник спецназа Василий Васильевич Колесник, у них в тот момент, к сожалению, не нашлось. Видимо, с учетом исключительных личных и деловых качеств именно Колесник был назначен ответственным за выполнение задачи по взятию Аминовского дворца. В подчинении у него, кстати сказать, оказались высокие должностные лица из других ведомств и даже в более высоких, чем у Василия Васильевича, воинских званиях.

Василий Васильевич Колесник проявил себя как неординарный командир и незаурядный человек также и тогда, когда он приступил к выполнению разработанного им плана. Видимо, афганское руководство к 27 декабря 1979 года начало догадываться о том, что советский батальон готовится к проведению акции против Хафизулы Амина и попыталось предпринять меры к тому, чтобы воспрепятствовать этому. Колесник, основываясь на поступающих к нему сведениях о действиях охраны Амина войск Кабульского гарнизона, правильно оценил складывавшуюся обстановку и принял решение на начало операции раньше установленного планом срока, что способствовало достижению внезапности при атаке дворца Тадж-Бек. Отдав приказ на штурм несколько раньше, чем было запланировано, Колесник в максимально возможной степени использовал фактор внезапности, тем самым спас не один десяток жизней спецназовцев ГРУ и КГБ. Все участники операции прекрасно понимали это. Поэтому на следующий день, когда напряжение, вызванное боем, в основном сошло, на построении 154 ооСпН, спецназовцы, зная, что именно благодаря четким действиям Василия Васильевича, многие из них остались живы, решили, что полковник Колесник достоин того, чтобы бойцы отряда назвали его своим «Батей». Очевидцы этого события утверждают, что после объявления данного решения перед строем

«мусульманского батальона» Василий Васильевич искренне расчувствовался, совершенно не стесняясь своих слез. Многие из солдат и офицеров тоже плакали. Это были слезы искренней благодарности за то, что их командир сделал все, чтобы выполнить поставленную задачу и спасти их жизни.

После того подвига, который был совершен в Кабуле спецназовцами ГРУ и КГБ, стало ясно, что все они должны быть награждены высокими государственными наградами. В мае 1980 года мне стало известно, что полковник Колесник удостоен звания Героя Советского Союза. Помню, как в Чирчикской бригаде спецназ в этой связи готовили шикарный поздравительный адрес для Василия Васильевича. Именно тогда я во всех деталях вспомнил, как тремя годами раньше, после похорон капитана С. М. Шапиро, полковник Колесник перед офицерами нашей бригады делился своими сомнениями относительно того, является он смелым человеком или трусом. Да, операция по взятию дворца Амина явилась для Колесника той вершиной, к которой он стремился всю жизнь, к достижению которой готовился во время учебы в суворовском и военном училищах, Военной академии имени М. В. Фрунзе, а также в процессе службы в спецназе. Судьба распорядилась так, чтобы именно он был назначен ответственным от Главного разведывательного управления Генерального штаба ВС СССР за проведение этой операции, а потом возглавил всю объединенную войсковую группу ГРУ ГШ, КГБ и ВДВ. Как я уже говорил выше, и еще раз хочу повторить, что немного нашлось бы достойных командиров, которые смогли бы успешно справиться с этой сложнейшей задачей. А Василий Васильевич смог и тем самым оправдал то доверие, которое ему было оказано командованием.

После бурных событий конца 1979 года военная служба развела нас с В. В. Колесником почти на шесть лет. Встретились мы, когда я уже заканчивал военную академию. Вплоть до его увольнения из Вооруженных Сил мы виделись с ним периодически, но не очень часто. Однако Василий Васильевич не переставал удивлять меня и многих моих сослуживцев. Например, в 1990 году он без всякого предупреждения зашел в наш рабочий кабинет, чтобы поздравить меня с днем рождения. Не только мои начальники и коллеги, готовившие в этот момент торт и чай для того, чтобы отметить день рождения, но даже я были откровенно удивлены появлением в наших пенатах генерала, Героя Советского Союза. А он подошел ко мне, по-отечески расцеловал, подарил на память кинжал с узбекским орнаментом и удалился из кабинета так же неожиданно, как и появился в нем, оставив всех присутствовавших в определенном

замешательстве. О днях рождения своих сослуживцев и знаменательных датах в их жизни он никогда не забывал.

Когда в 1992 году В. В. Колесник уволился из армии и стал работать председателем Московского отделения благотворительного фонда «Гарантия», у него появилось значительно больше свободного времени, а следовательно, расширились возможности для общения со своими сослуживцами. В этой связи я встречался с ним уже намного чаще, чем раньше. Василий Васильевич никогда не был краснобаем, после того, как он ушел на пенсию, он стал более разговорчивым, и многое из того, что, как говорится, «было в те далекие времена», он рассказал именно тогда, когда уже был на пенсии и отошел от дел. Поэтому я стал использовать любую возможность, чтобы поговорить с Василием Васильевичем и расспросить о том или ином событии, в котором он принимал участие или доподлинно знал детали. Я прекрасно понимал, что рассказать он может очень многое, в том числе и о себе. Все, что он знал, весьма интересно для многих, но, как правило, известно лишь ограниченному числу людей. О многом из того, что В. В. Колесник с разной степенью детализации поведал мне, до сих пор говорить нельзя. В те минуты, когда мы обсуждали что-либо запретное, я часто ловил себя на мысли, что Василию Васильевичу судьбой было определено стать свидетелем множества важных и интересных событий, о чем, видимо, еще напишут, но будет это не скоро.

Когда, например, об афганских событиях начали писать все, кому не лень, я, хоть изредка, но все-таки предлагал Василию Васильевичу «положить на бумагу» то, что он знает. Однако он всегда отказывался. При этом говорил, что уже написал, что хотел, намекая на те несколько статей, которые были написаны им о взятии 154 отрядом спецназа ГРУ дворца Амина. Объясняя свою позицию, Василий Васильевич заявил, что, если писать, то придется касаться и своей роли в этих событиях, а писать о себе он считал не этичным. «Пусть другие напишут, — заключил он. — Это будет, думаю, более интересно и объективно».

Сейчас уже точно не помню, в этот ли раз, или во время другой нашей с Василием Васильевичем беседы, он, глубоко задумавшись, сказал, что ни тогда, в 1979 году, ни сейчас не верил в особую необходимость для СССР ввода наших войск в Афганистан. Он достаточно долго обосновывал свою позицию по этому вопросу. При этом суть его рассуждений сводилась к тому, что ввод войск изначально был ошибкой, но мы люди военные и обязаны выполнять приказы, хотя порой и не согласны с решением командования.

В беседах с Колесником мы часто затрагивали темы,

совершенно далекие от спецназовских проблем. Мне всегда было очень интересно его мнение относительно происходивших в стране событий. К мнению Василия Васильевича по этим вопросам особенно внимательно я стал прислушиваться после того, как мы где-то в сентябре 1991 года, сидя у меня в кабинете, обсуждали истоки, итоги и уроки «горбачевского путча». В то время, когда у большей части советского народа происходило лишь осознание августовских событий, генерал-майор спецназа В. В. Колесник давал свою интерпретацию произошедших в стране событий. Тогда лично я не со всеми его доводами был согласен, а он, кстати, и не настаивал на том, чтобы я принял его точку зрения. Как потом оказалось, а время в последующем подтвердило, что его оценки тех событий были совершенно точны и глубоки.

Заканчивая данный очерк, в очередной раз перечитал его и пришел к выводу, что в нем расписал сплошные достоинства Василия Васильевича Колесника, правда, далеко не все из известных мне. Все, как известно, описать совершенно невозможно. Думаю, что, если бы Василий Васильевич сам смог прочитать данные откровения, то, я уверен, не одобрил бы их, так как при жизни не любил превосходную степень в оценке его личных даже совершенно однозначных заслуг. Несколько раз на официальных мероприятиях или дружеских посиделках я был свидетелем того, как Колесник в резкой форме буквально обрывал тех, кто пытался «петь ему дифирамбы». Несмотря на свои многочисленные заслуги и достоинства, сам Василий Васильевич считал себя обычным человеком с присущими каждому из нас слабостями. У него, как и у любого человека было много всяческих недостатков. Его можно было упрекать во многом, но, что мне лично очень импонировало, повода упрекнуть его в «звездной болезни», думаю, не было ни у кого. Он был всегда доступен и прост. За это Василия Васильевича любили и уважали многие из знавших его.

Правда, люди недостойные, а возможно, завистливые и не способные подняться выше своих личных амбиций, наверное, будут пытаться опровергать многое из того, что написано в этом очерке или в воспоминаниях других сослуживцев Василия Васильевича. Подтверждением этому может служить моя беседа с одним из замполитов так называемой «ленинской школы», служившим в свое время в 15 отдельной бригаде специального назначения. Узнав, что я пишу свои воспоминания, этот, с позволения сказать, «инженер человеческих душ» заявил мне: «Если хочешь узнать, каким Колесник был на самом деле, давай встретимся, и я тебе расскажу». Ничего, конечно, я ему не ответил

на это. Однако в связи с тем, что думать-то никто не запрещал, я подумал, что, несмотря на довольно преклонный возраст, ума и нормальной человеческой мудрости он на ниве политической и воспитательной работы так, к сожалению, и не нажил. Думаю, что заслуг и достоинств Колесника Василия Васильевича, никто у него отобрать не сможет. Они остаются в памяти его друзей, товарищей и сослуживцев.

Сергей Калиниченко
Мысли вслух

Память. Как много ты хранить умеешь! Проходят годы, а ты нас возвращаешь вновь и вновь к тем дням, когда мы были счастливы или страдали. Ты перелистываешь Книгу жизни страницу за страницей, заставляя заново всё пережить, осмыслить, переоценить, убедиться, правильно ли жил. Наверное не зря пишут мемуары. Чтобы не только ты мог оценивать и делать выводы, а передать багаж сей детям и внукам.

* * *

Сегодня вспомнила беседу дедушки с внуком Петенькой. Ему всего четыре года. Он стал называть дедушку папой, а тот возмущался и говорил: «Я дедушка, дедушка, а не папа». Петенька умолкал, уходил играть в свою комнату. Он любил ходить с дедушкой гулять, смотреть мультики, передачу «Спокойной ночи, малыши», читать сказки. В эти минуты они были похожи друг на друга, смеялись и баловались, как два малыша. Но, когда Петя вновь его называл папой, дед хмурился и строго напоминал ему, что он дедушка. Петя посмотрел на него снизу вверх и спросил:

— Ты мамин папа?

— Да.

— Ты нас любишь?

— Конечно.

— Ты заботишься о нас? Кормишь и воспитываешь?

— Ну и что?

— Значит ты деда-папа. Как зайчик заботится о своих детях и семье. Я сказку такую знаю «Лиса и заяц». Она хотела его съесть, а заяц говорит: «Не ешь меня. Кто же будет кормить и воспитывать моих зайчат?». Вот и ты наш всехний папа!

Развёл ручонки, обнял дедушку, чмокнул в щёку и побежал играть.

— Всё равно я дедушка, — крикнул улыбаясь, дед.

* * *

Ефремов Миша. Ему 7 лет.

— Мама, почему умирают хорошие люди?

— По разным причинам: болеют, несчастный случай, старенькие.

— А наш дедуля почему? Он ведь не болел. Он такой добрый был, хотя и строгий.

— Есть такие болезни, сынок, которые не причиняют боль, а дремлют до поры до времени. Порою о них человек и не подозревает. А потом, как выстрел, как гром налетят, когда не ждёшь.

— Это очень страшно. Жил дедуля, работал, к нам приезжал. А теперь его нет. Мне его очень жаль. Ему было страшно умирать?

— Наверно. Всем не хочется умирать. Так уж в жизни бывает. Но мы же его не забываем? Ходим к нему, навещаем их с Мишей, цветы приносим. Этим мы им говорим: «Мы вас любим и помним». Они будут всегда жить в нашей памяти, в наших и ваших делах и поступках.

Дедушка был хорошим и добрым. У него столько много друзей, они на него похожи.

Я буду стараться быть таким, как они. Это здорово!

* * *

Ефремов Вася, 19 лет.

Как странно, необычно, мы приехали, а дедушка нас не встречает своей радостной улыбкой. Так его не хватает. Не верится, что его нет.

Не с кем теперь в шахматы играть. Я так и не научился у него выигрывать. Последнее время мы с ним играли со всеми фигурами. Иногда удавалось выигрывать, когда дедушка отвлекался на передачи по телевизору, а я пользовался этим. Он не играл в поддавки. Помню бабуля его ругала, что он не уступает мне, а требует быть внимательнее и думать над ходами. Мне тогда было 4 года. «Не буду поддаваться. Так он никогда не научится играть. Я и так убрал несколько фигур, чтобы он легче запомнил, как кто ходит», — говорил дедуля.

Я не обижался, а был горд, что дедушка ни с кем не играет, а со мной. Жаль, что такие встречи были редкими. С ним было интересно общаться.

Каждый наш приезд на каникулы дедуля старался уделить нам внимание: поиграть, погулять, куда-либо сходить. Он, как и папа, больше времени проводил на работе, службе. Поиграть, побыть с ним — это было для нас праздником. Вот и мама говорила, что общение с папой всегда было подарком, праздником, так мало и редко наши папы бывают дома с семьёй.

От дедули я многому научился. К компьютеру он меня пристрастил. Брал к себе на работу, когда на пенсию ушёл. Начинал общение с компьютером с игр. Потом дедуля литературу подыскивал, заинтересовывал, направлял. Потом помог купить компьютер. Эти занятия повлияли на мой выбор профессии. Сейчас компьютер является неотъемлемой частью моего образования. Курсовые, рефераты выполняю с его помощью. Это увлечение передалось сестрёнке и братишке. Миша не только играл на компьютере. Он учил азбуку, научился читать и считать. Вот только я не научился от дедушки читать и любить художественную литературу. Он много читал и хотел нас приучить. Пожалуй, одна Света, так же, как он, любит читать. Меня больше увлекают книги технического плана: электроника, автомобили. В этом мне помогает папа. Только вот их трудолюбия и собранности мне порою не хватает.

Ещё я всегда завидовал дедушке, что у него так много друзей. Я очень любил с ним ходить на встречи с его суворовскими друзьями. Каждый год 9 мая они встречаются у метро Кропоткинская. Вспоминают училище, рассказывают о службе, детях, внуках. Всегда такие весёлые, шумные, счастливые. Потом дедушкин выпуск собирался у нас дома. Детям вход воспрещён. Нам стол накрывали отдельно. За нами наблюдали со стороны, пробегая по прихожей, придумывая удобный предлог. Было интересно и завидно, что мы ещё не доросли до их компании.

Мы гордились, что у нашего дедушки столько много хороших, добрых и весёлых друзей. Это был и наш праздник.

* * *

Семья Синельщиковых, Володя и Инна. Володя — один из суворовского братства.

«Мы с Инной до сих пор не можем говорить «был» применительно к Васе, — говорит Володя (на глазах появляются слёзы).

Такие, как Вася, не могут, не должны умирать. Это человек огромной души, монолит, нечто вечное и незабываемое. Он везде, во всём, во всей нашей жизни. Без его участия не проходило ни одно мероприятие, ни одна встреча. Он знает всё и обо всех наших ребятах. Всегда улыбается, приветлив, внимателен. К нему тянутся ребята, как к магниту.

Что бы у кого ни случилось, первым отзовётся и предложит помощь он. Нельзя сказать, что другие не помогут. У нас дружный выпуск. Но почему-то больше группировались вокруг Васи. В

училище он был незаметным, не был организатором и вожаком. Тихий, скромный, всегда с книжкой в руке. Сколько книг он прочитал, не счесть!

Раньше мы с ребятами встречались в метро, в кафе. Когда Вася приехал служить в Москву и получил квартиру, там мы стали собираться. Это была наша штаб-квартира. Здесь нам были рады, приветливы. Мы любили бывать в этой семье. Немногие из нас могут похвастаться таким радушием. В этом доме нам было по-братски тепло и уютно.

Поэтому весть о смерти Васи нас всех просто потрясла. Это был шок. Кто угодно, но не Вася. Этого не может быть! Он не мог умереть! Эта весть не укладывалась в голове.

ИННА: Помню, когда Володя лежал в госпитале в тяжёлом состоянии, я позвонила Васе, нужны были разовые шприцы. Не знаю, где он их достал, но к вечеру я уже была у Володи со шприцами и лекарством. С какой бы просьбой к нему ни обратился, он всегда старался помочь. Умерла моя мама. Он с Толей и Сашей тут же пришли и помогли. Надо сказать, наши ребята все хорошие, добрые. Не всегда таких найдёшь среди родных по крови. У них крепкое «суворовское братство». Они им гордятся по праву!».

* * *

Миносян Элла Дмитриевна.

О Васе много говорили хороших и добрых слов. О нём можно говорить очень много и всего не скажешь. Это необыкновенно добрый и отзывчивый человек с красивой, большой душой!. Это замечательный друг, семьянин. Это человек твёрдых убеждений, патриот, влюблённый в свою профессию, который не кичился своими заслугами. Ему не с неба манна сыпалась. Всего достигал трудом, без «мохнатой» поддержки. Всё это верно, и об этом знают все. Я хочу сказать ещё об одной черте характера этого человека.

Наша семья бесконечно благодарна ему за помощь и Гаю, моему мужу, и внуку, и мне с дочками. Мы с дочкой Кариной решили по-кавказски отблагодарить его за помощь, отзывчивость и доброту. Карина купила шикарный пуловер, кофеварку и решила ему подарить. Конечно, это не сопоставимо с тем, что он для нас сделал. Карина выбрала время, когда он был на работе и отнесла подарок к нему домой. Катюша её предупредила, он может обидеться. «Потому я и пришла, когда его нет дома», — сказала Карина. «Потом не обижайтесь», — предупредила Катя.

Так оно и вышло. Раздался телефонный звонок. «Элла, за что вы меня так обидели? Чем я провинился? — грозно спросил Вася. Я попыталась его убедить, что подарок от чистого сердца. «Спасибо вам за такую доброту. Разве за доброту платят? Я что торгую «братьями»? Как вы могли обо мне такое подумать? Подарок вам я верну, не обессудьте. И больше никогда так не поступайте». Сказал и положил трубку. Мне было стыдно, что невзначай обидела такого человека с чистой, благородной душой. Я всю ночь не спала, ругала себя. Знаете, меня переполняла гордость, что есть на свете ещё такие люди бескорыстные. И этот человек, друг моего покойного мужа, а значит и нашей семьи. Подарок нам вернули.

Вот таков наш Колесник Василий Васильевич! Человек с большой буквы. Это наша гордость.

Отклик кадетского сердца

Мне пришлось неоднократно беседовать с Василием Васильевичем по телефону из Мурманска. Не удалось встретиться с Героем и в творческой командировке, будучи в Москве в январе 2002 года. У президента Московского городского отделения Фонда социальных гарантий военнослужащих Колесника В. В. не было даже служебной машины добраться до гостиницы, где я останавливался, а мне в гололёд, да с больными ногами тоже трудно было найти его в незнакомой Москве. Пришлось ограничиваться только телефонными звонками. Несмотря на суровость пройденного пути, голос его звучал бодро, благожелательно.

Ушёл из жизни один из первосуворовцев, чьё детство было опалено Великой Отечественной войной, испытавший на себе тяжесть современных военных конфликтов, переживший утрату сына в жестокой войне в Чечне. Нет с нами достойнейшего сына Отечества, её Героя. При очередной перекличке кадетов не раздастся больше ответа «Есть!».

Вечная память нашему однокашнику!

Валентин Меньшов, капитан 2 ранга в отставке
г. Мурманск.

Е. М. Колесник
В память о Колеснике

Ветераны Спецназа ГРУ, проживающие в Днепропетровской области, скорбят вместе со всеми по поводу преждевременной кончины выдающегося военного руководителя, легендарного спецназовца и прекрасного человека, Героя Советского Союза генерал-майора Василия Васильевича КОЛЕСНИКА.

Зная его долгие годы, как строгого и требовательного командира, умело воспитывающего из нас, тогда ещё молодых офицеров, настоящих защитников Отечества, мы всегда восхищались его умением сочетать жёсткость и человеческую сердечность. Навсегда останутся в нашей памяти его уроки отеческого подхода к подчинённым, после которых хотелось горы свернуть.

Война в Афганистане, горнило которой он прошёл первым, показала, что и под пулями в боевой обстановке наш командир — БАТЯ, — как мы его называли, — остаётся для нас нравственным примером для подражания.

Его бригада, единственная среди всех советских частей 40-й армии, награждена высшим военным орденом Афганистана, и в этом исключительная оценка его воспитанников — командиров, политработников, сержантов и рядовых.

В горах Гиндукуша его бойцы помнили своего БАТЮ, а он никогда не забывал ни одного своего питомца. Всё это сближало нас до родственных, почти семейных чувств. Он достиг высот службы и стал генералом, но для нас он навсегда остался комбригом! По моральным оценкам — это высшая степень признания!

Он был настоящим человеком во всём, мужественно пережив гибель в Чечне собственного сына, ставшего десантником. Эта сердечная боль, возможно, и прервала жизненный путь нашего боевого командира.

Пусть же эта трагическая минута ещё более сплотит наше спецназовское братство и прекратит непонимание и нечуткость.

Пока мы живы, дружно понесём в будущее светлую легенду о необычайном человеке, которого мы все любили. Имя Василия Васильевича навсегда вписано в историю! Днепропетровский композитор Руденко написал про него песню, которую так и назвал, — «Комбриг Колесник».

Вечная память нашему дорогому командиру и наставнику!

Выражаем глубокое соболезнование вдове — Екатерине

Михайловне Колесник, прошедшей с ним все тяготы и лишения, и дочерям Наталии и Ольге!

Вместе со всеми склоняют головы перед памятью великого усопшего ветераны 15-й отдельной бригады специального назначения: полковники Олег Кривопалов, Сергей Лукьянов, Пётр Сокуренко, подполковник Матвей Абсушин, майор Игорь Почтовик, капитан Олег Король, прапорщик Василий Фёдоров, старшина Владимир Листопад, сержант Александр Петрига, рядовой Олег Попов и другие… А также Председатель Совета областной организации ветеранов Украины Сергей Петрович Метлов.

2 декабря 2002 года

г. Днепропетровск

Соболезнования

Правительственная телеграмма

Заместителю начальника генерального штаба — начальнику Главного управления Корабельникову В. В.

30 октября ушёл из жизни генерал-майор Василий Васильевич Колесник. Вооружённые Силы и Спецназ России лишились одного из самых беспокойных и взыскательных, талантливых и благородных своих представителей. Оборвалась жизнь Человека, много и плодотворно потрудившегося на благо своей Отчизны, пользовавшегося заслуженным авторитетом и большим уважением со стороны всех, кто его знал, служил и общался с ним.

Личная деятельность Василия Васильевича Колесника во многом определила развитие Спецназа Вооружённых Сил, способствовала утверждению его места в структуре силовых органов нашего государства.

В памяти родных, друзей, учеников и сослуживцев — всех, кто имел честь его знать, он останется сильным и гордым человеком, неизменно внимательным к своим подчинённым и коллегам, добрым и отзывчивым другом.

Государственная Дума скорбит вместе с Вами.

Руководитель Аппарата Государственной Думы
Федерального Собрания Российской Федерации

А. Н. Лотарев

30.10.2002 г.

Правительственная телеграмма

Уважаемая Екатерина Михайловна.

Потрясён известием о безвременной кончине Вашего супруга — Василия Васильевича, Героя России, уважаемого человека, прожившего достойную жизнь.

Высоко ценю его заслуги в защите интересов Отечества и усилия по обеспечению социальных гарантий и поддержке ветеранов военной службы и правоохранительных органов. Безмерно Ваше горе.

Глубоко соболезную вам, дорогая Екатерина Михайловна. Семье и родным нужно немало сил чтобы жить, беречь светлую память о безвременно ушедшем близком нам человеке, друге, соратнике. Будьте мужественны.

С уважением, депутат Государственной Думы генерал армии Куликов А. С.

02 ноября 2002 г.

ВЛАДИКАВКАЗ.

Выражаю глубочайшее соболезнование семье, личному составу ГРУ ГШ в связи с кончиной прославленного спецназовца, Героя Советского Союза генерал-майора Василия Васильевича Колесника.

Скорблю вместе с вами. Гериев

ВЛАДИКАВКАЗ.

Выражаем глубокое соболезнование по поводу безвременной кончины моего брата и друга, кадета-суворовца Колесника Василия Васильевича.

Скорбим вместе с вами.

Дулаев Павел Александрович и сын Дмитрий.

ВЛАДИКАВКАЗ.

Выражаем глубокое соболезнование семье по поводу преждевременной кончины генерал-майора Героя Советского Союза, бывшего суворовца Кавказского Краснознамённого суворовского офицерского училища, славного воина и доброго нашего товарища.

Суворовцы — ветераны Г. Граснобай, В. Стрелков, Е. Гонобоблев, Т. Кочинов.

МИНСК.

Примите искренние соболезнования по поводу кончины Василия Васильевича.

Скорбим вместе с вами.

Мусбат Шарипов.

ЛИПЕЦК.

С прискорбием и печалью узнали о потере вашего мужа, нашего наставника и старшего боевого товарища Героя Советского Союза Колесника Василия Васильевича.

Выражаем глубокое соболезнование вам, вашим родственникам и близким.

Ветераны Спецназа Неделько, Михайличенко, Бабушкин, Задорожный.

ДНЕПРОПЕТРОВСК.

Скорбим вместе с вами в связи со смертью Бати. Горечь утраты не передать словами.

Олег и Галина Кривопаловы.

ВЛАДИКАВКАЗ.

Сопереживаем гибель близкого вам человека. Скорбим с вами.

Кадеты Владикавказа.

ВЛАДИКАВКАЗ.

Вместе с вами скорбим и выражаем глубокое соболезнование по поводу ухода из жизни нашего старшего брата и наставника, Героя Советского Союза генерала Колесника Василия Васильевича, который навсегда останется в сердцах суворовцев СК СВУ, как пример самоотверженного служения нашей Родине. Его имя никогда не будет забыто в стенах родного суворовского училища.

С чувством скорби, коллектив Северо-Кавказского суворовского военного училища.

ВЛАДИКАВКАЗ.

Примите наши искренние соболезнования в связи с кончиной нашего учителя, боевого наставника и земляка.

Полковник Марзоев. 58 армия.

ВЛАДИКАВКАЗ.

Выражаем глубокое соболезнование семье и ГРУ

Генштаба в связи с кончиной верного сына России, Героя Советского Союза генерал-майора Колесника Василия Васильевича.

Семья Героя Советского Союза генерал-майора авиации Карасёва.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ.

Суворовцы-кавказцы Ленинграда глубоко скорбят в связи с безвременной кончиной боевого товарища. Добрые дела, светлый образ Василя навсегда сохраним в наших сердцах.

Дрыгин, Дубовик, Рыскин.